

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

ГЛЭДИС

МИТЧЕЛЛ

УБИЙСТВА
В СОЛТМАРШЕ

УБИЙСТВО В ОПЕРЕ

ГЛЭДИС

МИТЧЕЛЛ

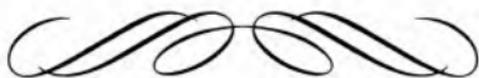
Агата Кристи, Дороти Л. Сэйерс,
Глэдис Митчелл – три гранд-дамы
золотого века английского детектива,
основательницы легендарного
«Клуба детективов».

Глэдис Митчелл долгое время
оставалась в тени своих знаменитых
современниц. Однако сегодня ее книги
о расследованиях эксцентричной
миссис Брэдли переживают
второе рождение. Многие из них
экранизированы Би-би-си.

ГЛЭДИС

МИТЧЕЛЛ

УБИЙСТВА
В СОАТМАРШЕ

УБИЙСТВО В ОПЕРЕ

АСТ
Москва

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)
М67

Серия «Золотой век английского детектива»

Gladys Mitchell
THE SALTMARSH MURDERS
DEATH AT THE OPERA

Перевод с английского
Е.Корякиной («Убийства в Солтмарше»),
Л.Мордуховича («Убийство в опере»)

Компьютерный дизайн В. Половцева

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Gregory & Company Authors' Agents и Andrew Nurnberg.

Митчелл, Глэдис

М 67 Убийства в Солтмарше. Убийство в опере : [сборник;
пер. с англ.] / Глэдис Митчелл. — Москва: АСТ, 2014. —
446,[2] с. — (Золотой век английского детектива).

ISBN 978-5-17-083212-5

Убита молодая служанка Мэг, которая еще недавно работала в доме
викария. А вскоре бесследно пропал ее маленький сын.

Но кому надо было избавляться от нее? Кто и зачем похитил ее ре-
бенка?

Полиция теряется в догадках, — и тогда к расследованию подклю-
чается миссис Брэдли. Она выдвигает предположение: убийство Мэг
связано с таинственным исчезновением одной местной красавицы
актрисы...

Учительницу математики мисс Феррис из престижной школы уби-
вают прямо перед ее выходом на сцену в любительском спектакле.

Но кто мог желать ее смерти? Коллеги-учителя, про которых она
знала слишком много? Давний поклонник, отношения с которым
мисс Феррис тщательно скрывала?

Миссис Брэдли начинает расследование — и приходит к совершен-
но неожиданным выводам...

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)

© Gladys Mitchell, 1932, 1934

Школа перевода В. Баканова, 2014

© Перевод. Л.Мордухович, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

УБИЙСТВА
В СОЛТМАРШЕ

Глава I

ФОРТЕЛИ МИССИС КУТТС

В том, чтобы рассказывать от первого лица, в особенности когда речь идет об убийстве, есть масса неудобств. Однако я был замешан в этом деле с самого начала и до конца, видел столько всего и в таких разнообразных ракурсах, и с таких разных точек зрения, что не могу оставаться в стороне и вести рассказ беспристрастно.

Я учился в Оксфорде и уже готовился к адвокатуре, когда скончался мой дядя-холостяк, оставив мне тридцать тысяч фунтов с условием, что я стану священнослужителем. Моя мать и сестры жили на двести пятьдесят фунтов в год, да еще я задолжал отцовскому другу сэру Уильяму Кингстону-Фоксу, который помогал оплатить мою учебу. Я быстренько ухватился за такую возможность и три года проработал в трущобах Ист-Энда. Потом сэр Уильям рекомендовал меня преподающему Бедиверу Куттсу, викарию деревни Солтмарш, и я стал его помощником.

Мистер и миссис Куттс мне не нравились, зато нравились Уильям и Дафни. Дафни, когда мы познакомились, было восемнадцать, а Биллу, то есть Уильяму, — четырнадцать. В Дафни я, нечего и говорить,

потом влюбился. Точнее, сразу. Дафни и Уильям приходились старому Куттсу племянниками и носили ту же фамилию.

Теперь я понимаю: бикфордов шнур начал тлеть в тот роковой день, когда миссис Куттс узнала, что наша служанка, спокойная, вежливая и весьма хорошенькая деревенская девушка по имени Мэг Тосстик, ждет ребенка. Сама Мэг знала об этом, наверное, уже месяца три, но держала рот на замке, а нервы свои — на привязи. Что по меньшей мере очень похвально, ибо забеременеть, не будучи замужем, да еще у такой хозяйки, как миссис Куттс, — от эдакого впору биться в истерике (не мое выражение, а Дафни).

К чему привело открытие миссис Куттс, представить нетрудно. Девушку погнали прочь, хоть она и говорила хозяйке, что отец поколотит ее и вышвырнет на улицу, если она лишится работы; этот старый черт неизменно являлся на обе воскресные службы — он выполнял у нас обязанности жезлоносца.

Еще миссис Куттс сказала мужу, что за Мэг следует возносить общественные молитвы.

Если в Куттсе и было чем восхищаться, так лишь тем, что, несмотря на весь трепет перед женой, он никогда не позволял ей вмешиваться в свою работу. Дома она властвовала безраздельно, а в церкви, как и велит женщинам Библия, вела себя смиренно.

Общественные молитвы, ответил он жене, начнут возносить, буде того пожелает сама девушка, а потом спросил у меня, пойду ли я к Мэг домой попытаться урезонить ее отца или же ему пойти самому. Я, нечего и говорить, предоставил это ему.

В конце концов Мэг взяли к себе мистер и миссис Лори, хозяева таверны — необыкновенно, кстати, друг

на друга похожие, — и обещали о ней позаботиться. Я не знал, заплатил ли им Куттс, скорее всего заплатил. Хотя он мне и не нравился, когда дело касалось его прихожан, старик вел себя исключительно достойно. Да еще выходка жены задела его за живое. Так или иначе больше мы о Мэг Тосстик ничего не слышали, до самого рождения ребенка.

Первой новостью, нечего и говорить, узнала миссис Куттс.

— Ну вот и дождались, — сказала она, войдя в кабинет, где мы работали с Куттсом, сняла нитяные перчатки и, расправив, положила на маленький столик красного дерева, доставшийся ей в наследство от матери. Столешница его была выложена квадратиками эбенового дерева и светлого дуба, но в шахматы никто в доме не играл, и потому на столе помещался маленький недорогой граммофон и две жестяные коробки от сигарет. Голубая жестянка с золотыми буквами — для новых игл, желтая с красными — для использованных. Я к этим жестянкам был равнодушен, потому что мы с Дафни частенько заводили граммофон и танцевали.

Миссис Куттс сняла довольно уродливую коричневую шляпку, водрузила ее на граммофон, привычным жестом поправила волосы.

Супруга vicария была высокая сухопарая дама с тонкими светлыми бровями и темными глазами, столь глубоко посаженными, что разобрать их цвет я не мог.

Упрямая линия рта и срезанный подбородок сводили на нет все попытки носа придать лицу благородно-добродушное выражение.

Миссис Куттс уселась в единственное удобное кресло, тяжело вздохнула и принялась нервно постукивать по обитому кожей подлокотнику. Именно ее нервоз-

ность меня всегда и раздражала. Руки у нее были красивые — длинные сильные пальцы. Она неплохо играла на пианино.

Как обычно, миссис Куттс немедля начала цепляться к своему благоверному, который, к моей тихой радости, не обратил на ее приход никакого внимания, только языком недовольно цокнул.

— Тебе нечего сказать, Бедивер? — осведомилась она.

— Нет, дорогая, вроде бы нечего, — ответил ее муж. — Ты не могла бы перестать постукивать? Это мешает мне сосредоточиться на проповеди.

— Если выступление получится таким же, как в прошлый раз, совершенно не важно, сосредоточишься ты или нет, — сурово сказала миссис Куттс.

Замечание, нечего и говорить, было справедливое. В прошлый раз он и на сорок процентов не выложился.

— Ты меня обяжешь, дорогая, если не будешь называть мои проповеди выступлениями. — Старикан отложил перо, отодвинулся вместе со стулом и повернулся к жене. Я уже поднялся, чтобы выйти, но он жестом велел мне вернуться к работе. Я проверял для него цитаты из классиков.

— Вижу, не видать мне покоя, пока я не узнаю все новости, — добавил он. — Так раскрой мне душу, милая Кэролайн, и будь краткой. Проповедь нужно дописать сегодня. Завтра, как ты знаешь, мне предстоит судить матч.

Он встал, снял пенсне и одарил спутницу жизни слабой улыбкой.

Куттс был мужчина средних лет с суровым лицом и голубыми глазами. Здоровенный такой субъект, с лег-

ким наклоном торса, характерным больше для спортсмена, чем для человека, проводящего много времени за книгами. Ручищи у него были волосатые, челюсть — как у профессионального борца, под брюками обрисовывались мускулистые ноги.

Выглянув в окно, викарий вдруг заревел: «Эй! Эй там!!» Я даже подпрыгнул от неожиданности. Оконное стекло в старой раме задребезжало, а миссис Куттс испуганно вскочила.

— Не волнуйся, дорогая. Там Уильям с курами. Мальчик — сущее наказание. Буду рад, когда каникулы закончатся; правда, он нужен на игре в крикет против Мач-Хартли. Нам недостает одного игрока, потому что сэр Уильям посадил Джонстона за браконьерство. Да уж, сэр Уильям скорее отпустит матереубийцу, чем браконьера. Вот досада! Джонстон — неплохой подающий.

— Какое мне дело до крикета! Меня беспокоит этот злосчастный праздник — Августовский выходной*.

— Ты про состязания? — Уведя разговор от своей последней проповеди, Куттс взбодрился.

— Я не про состязания, Бедивер, хотя и не сомневаюсь, что другие деревенские дела тебя не интересуют.

Старикан испустил вздох и опять заметно сник.

— А какие там могут быть дела, кроме обычных?

Супруга, увидев слабое место в его обороне, мигом сделала подачу:

— Если ты понятия не имеешь о том, что творится в деревне, то не по моей вине. Я неоднократно пыталась поставить тебя в известность. И должна тебе за-

* Официальный выходной день в Великобритании; до 1965 года отмечался в первый понедельник августа. — *Здесь и далее примеч. пер.*

метить, даже рискуя показаться навязчивой: безобразия, царящие на этих праздниках, необходимо пресекать. Если все пустить на самотек, деревня завоюет себе славу Содома и Гоморры. Твой несомненный долг объявить в ближайшее воскресенье с кафедры, — а в следующее воскресенье повторить, — что ты публично заклеймишь тех, кто на празднике в парке сэра Уильяма Кингстона-Фокса станет попирать законы нравственности и добропорядочности.

— Но, девочка моя дорогая, — ответила, собравшись с силами, отбивающая сторона. — Во-первых, епископ увидит в подобном заявлении дешевый трюк для привлечения народа в церковь, а во-вторых, откуда мне, скажи на милость, знать, как ведут себя деревенские на празднике? Ты не хуже меня помнишь, что вся моя деятельность сводится к помощи в установке чайного шатра и проведению детских состязаний — да и то если не помешает мое участие в соревнованиях по крикету. Вечером, как тебе отлично известно, я возвращаюсь сюда, закрываю окна и включаю радио. Когда люди танцуют и резвятся, священник им без надобности.

Миссис Куттс скривилась.

— Тебя ничто не трогает, Бедивер, пусть хоть вся деревня в ад провалится, — горько сказала она. — Вот и результат: и Мэг Тосстик, и все прочее. Кстати, меня даже не удостоили чести ее лицезреть, вот так! Нет, правда, положение в деревне...

— Послушай, Кэролайн, — Куттс опустил на стул, свесил между колен волосатые ручищи, — давай смотреть фактам в лицо. Все я отлично знаю. И все это сущие пустяки. Тебе знакомы здешние порядки, и не такие уж они и скверные. Я не раз в подобных случаях

проводил обряд венчания и готов доказывать тебе и любому другому моралисту, что ничего сугубо греховного в таком положении вещей нет. Вот если парень не хочет жениться — дело другое. Однако, будь оно неладно, деревня маленькая, и каждый на виду, и ему обычно некуда деваться. Что же до той бедняжки в таверне, то, думаю, она еще слишком слаба и не может принимать гостей, даже тебя! А теперь, если это все...

— Нет, не все. — Миссис Куттс сложила и развела ладони. — Не все, — повторила она.

В комнате царила тишина, только муха жужжала на оконном стекле. Бедивер Куттс, женатый уже девятнадцать лет, терпеливо ждал.

— Как я сказала, я пошла ее навестить. Ребенок родился сегодня в два ночи. — Руки у миссис Куттс дрожали, лицо от негодования перекошилось. — Бедивер, мало того, что меня к ней не пустили, так еще, если верить миссис Лори, которая со мной едва разговаривала, Мэг Тосстик не желает сообщать имя отца и никому не показывает ребенка. Она непоколебима. Конечно же, все подозревают самое худшее. Это просто ужасно. А миссис Лори ей еще и потакает!

— А что здесь ужасного? — поинтересовался викарий, разворачиваясь вместе со стулом и берясь за перо.

Миссис Куттс провела языком по губам.

— Сквайр, — сказала она, понизив голос.

О моем присутствии оба, видно, забыли.

— Кингстон-Фокс? Какой вздор, Кэролайн!

Куттс стряхнул с пера чернила на промокашку.

— В любом случае... — Миссис Куттс покраснела и стала похожа на сморщенное райское яблочко.

Викарий опять развернулся.

Мне очень хотелось уйти, но я боялся их спугнуть.

— И не просто вздор, а вздор опасный. Слышишь, Кэролайн? Больше этого не говори. Сэр Уильям — наш друг и мой покровитель. Тот, кто такое измыслил, заслуживает каторги! Отвратительно! — раскричался Куттс. Лицо у него покраснело, глаза налились кровью, словно у пьяницы, дышал он как после пробежки. Волосатые ручки с силой вцепились в подлокотники. Потом он неожиданно обмяк и заговорил тише:

— Знаю, даже лучшие из женщин любят пикантные истории. Но, пожалуйста, Кэролайн, оставь в покое Кингстон-Фокса!

Миссис Куттс поднялась, взяла шляпу и перчатки. Не говоря ни слова, она вышла из кабинета.

Старик пожал плечами и посмотрел на меня.

— Порой я готов проклинать все праздники, — сказал он. — Причем, по общему мнению, Уэллс, она права. Да, деревенские ведут себя неприлично. Однако меня это как-то не волнует и никогда не волновало.

Да, нечего и говорить, миссис Куттс не без странностей. Ведь замужняя женщина, пусть и нет своих детей, но — и только старик Куттс этого не понимал — она совершенно не выносила, когда местные жители предавались безыскусным сельским утехам — плеснуть приятелю воды за шиворот на деревенском празднике, поваляться с подружкой на травке или прогуляться с ней в обнимку вечером. Понятия добра и зла тут были ни при чем. Просто у нее имелся пунктик, что любые сексуальные отношения — вещь страшно неприятная и нечистая. А вообще-то деревенские вели себя почти пристойно. Молодые люди крутили любовь, а если это приводило к последствиям, шли к священнику и просили сделать оглашение. В целом то была нормальная публика, и к данному вопросу подходили они вполне

практично. Иногда парни, ухаживая за девушками, заранее копили деньги на свадьбу, а уж если что-то случилось, а парень проявлял нерешительность, мы со старинной Куттсом его подталкивали — тихонечко или по сильнее — к женитьбе.

Нечего и говорить, странно, что Мэг Тосстик ни в какую не соглашалась назвать имя отца, но я не понимал, какое до того дело миссис Куттс. К сожалению, у Мэг была подпорченная кровь. В Моут-Хаусе, где теперь проживают супруги Гэтти, раньше размещалась частная лечебница для душевнобольных. Однажды ночью одному пациенту удалось бежать, и он изнасиловал нескольких женщин и убил троих мужчин. Мэг была потомком того сумасшедшего и некоей Сары Парсетт. Кэнди, Боб Кэнди, работавший в таверне барменом, а по совместительству еще и вышибалой, тоже происходил по прямой линии от того несчастного. Между прочим, Боб ухаживал за Мэг Тосстик. Однако, будь он отцом ребенка, отчего бы ему не признать его и не жениться? Когда я без обиняков повел о том речь, он только сердито на меня покосился и сплюнул; я сделал вывод, что отец не он и что произошедшее немало его злит. И я, нечего и говорить, отступился. Какой смысл изображать сурового пастыря?

За чаем разговор опять пошел о предстоящем празднике. Для его проведения арендуется парк сэра Уильяма; две трети выручки сквайр отдает в фонд церкви. Устроители аттракционов платят пять фунтов наличными и дают нам шатер — в обмен на разрешение взимать с народа деньги за катание на карусели, качелях-лодочках, метание дротиков и стрельбу на призы. Аттракцион «сбивание кокосов» мы устраиваем сами; старый Лори, хозяин таверны, достает нам кокосы в

несметном количестве через своего приятеля на лондонском рынке. В позапрошлом году мы сколотили по-мост, а для защиты зрителей натягиваем теннисную сетку. Мы с Уильямом руководим этим аттракционом в перерыве между иннингами крикетного матча с командой соседней деревни — еще один неперенный атрибут Августовского выходного — и получаем пять-сот процентов прибыли. А на время матча нас заменяет старый Лори, и это очень с его стороны любезно, потому что каждый год он пытается добыть разрешение на торговлю пивом, и каждый год городской совет, возглавляемый сэром Уильямом, следуя рекомендации Куттса, который, в свою очередь, покоряется неизбежному в лице супруги, отвечает ему отказом.

Лори никогда не держит за это зла. Добродушный такой тип.

В следующую среду за чаем миссис Куттс заявила, что не представляет, как рассадит пятнадцать почетных гостей на девяти складных стульях, и послала Дафни попросить стулья у миссис Гэтти. Дафни схватила под столом мою ладонь и быстро сжала три раза, что у нас означало сигнал SOS. Она боялась идти в Моут-Хаус одна, ибо у миссис Гэтти — такая полная женщина безмятежного вида и всегда в очках с золотой оправой — в голове сплошные тараканы. Она любит сравнивать людей со «зверями полевыми и лесными»*. В высшей степени необычно и поучительно, если у тебя ум настроен на философский лад.

Меня она считает козленком. То есть буквально. Однажды она привязала мою ногу к ножке стола скользящим узлом. Теперь-то, нечего и говорить, я ее хорошо знаю, и когда прихожу, — а прихожу я к ней часто,

* Исайя, 56:9.

поскольку муж у нее все время в разъездах и ей одиноко, — то сажусь на один стул, а на другой кладу ноги. И представьте, действует: она считает жестоким привязывать животное за шею. Что в маньяках хорошо — так это их замечательная логика. Стоит вам принять их точку зрения и беспокоиться больше не о чем — если они не склонны к убийству; тогда уж принимать их точку зрения совершенно незачем, если опять же вы не настолько философ!

Итак, после чая мы с Дафни отправились в Моут-Хаус. Он находится недалеко от деревни, чуть в стороне от главной дороги. Типичный старинный дом мрачного вида, прячущийся среди кустарников, а вокруг высокий кирпичный забор с большими воротами.

Мы прошли по дорожке, позвонили в дверь и были впущены лично миссис Гэтти, поскольку она держала только двух служанок — горничную и кухарку, и у горничной был выходной. Кухарка дверь никогда не открывала из принципа. «У меня другие обязанности», — говорила она, и что тут возразишь? Миссис Гэтти часто сравнивала кухарку с уткой, но поскольку та была из Эйлсбери, где к разведению уток относятся трепетно, то принимала это за комплимент. Ну, оно и к лучшему.

Миссис Гэтти провела нас к себе в будуар — бывшую палату для буйных. Усадив нас и закрыв дверь, она на цыпочках прокралась к своему стулу, уселась и взволнованным шепотом сообщила:

— Свершилось! Дело свершилось!

— Здорово! — сказал я, пребывая, нечего и говорить, в полном недоумении.

Дафни вздрогнула и послала мне нервный взгляд. Я перешел к цели нашего визита.

— Э... не могли бы вы дать нам пару раскладных стульев для праздника?

Миссис Гэтти ответила очень ласково:

— Я и три дам, только никому не говорите. То есть насчет моего Джексона. Не говорите, ладно? Мне мистер Берг сообщил. По-моему, вышло просто чудесно. Так не рассказывайте!

Мы пообещали никому не рассказывать, и еще я пообещал прислать за стульями скаутов с тачкой.

Миссис Гэтти не подвела, и мы получили три отличных стула. В тот вечер Дафни меня поцеловала, и вообще все было прекрасно за исключением похождения Билла. Впрочем, завершились они счастливо, и мы благодаря им получили еще двух — причем неоценимых — помощников в подготовке к празднику.

Старый Куттс, пока мы с Дафни ходили к миссис Гэтти, куда-то отправился и к нашему приходу не вернулся, и потому я засел в кабинете и занялся арифметикой — нужно было сделать разные подсчеты для закупки продуктов и игры в кокосы. Дафни взяла на себя список призов. Миссис Куттс отправилась на кухню портить ужин и настроение кухарке. Уильям пришел и снова ушел, и все, нечего и говорить, было отлично.

В десять вечера зазвонил телефон, и истеричный женский голос потребовал немедленного прибытия Куттса в Бунгало — это дом в районе каменоломен. Поскольку предоставить Куттса я не мог, то побежал сам, не забыв сунуть в карман молитвенник. Из невнятных выкриков звонившей я заключил, что кто-то из живущих у каменоломен, будучи в подпитии, свалился в карьер. Ограда там была никуда не годная, а потом какой-то хулиган и вовсе ее сломал. Позже ее почини-

ли, но только с одной стороны — как раз там, где никто не ходит. Проживал в Бунгало один тип по имени Берт, здоровенный такой верзила... впрочем, о нем в другой раз.

Полторы мили от дома викария до Бунгало я шагал добрых сорок минут. После поворота с главной дороги пришлось почти все время идти в гору по невообразимо кривой каменистой козьей тропе. Она вилась вверх по уступам прибрежных холмов с той стороны, где располагались карьеры, а потом спускалась к морю через заросли папоротника, дрока и вереска.

Пустынный берег бухты с песчаными дюнами ничего интересного собой не представлял — там можно было разве что купаться, загорать, да любоваться пещерой, небольшой и совершенно не примечательной. Я не понимал, кто в здравом рассудке мог построить дом в такой открытой и уединенной местности. Хотя теперь-то, нечего и говорить, понимаю.

В холле и еще в одной комнате горел свет. Подойдя к двери, я услышал сверху странное царапанье, но подумал, что это кошка. Взяв молоток, я постучал в дверь, и тут какой-то негодник резко ее распахнул — у меня даже молоток выскочил из руки; я перелетел через порог и едва не рухнул на пол. Не успел я извиниться за такую манеру входить, как дверь захлопнулась и мужской голос произнес:

— Да это же юный Уэллс!

Другой голос, принадлежавший Уильяму Куттсу, воскликнул:

— Да это же Ноэлы!

А третий голос, женский, который я сорок минут назад слышал по телефону, сказал:

— Ну слава Богу, за тобой пришли, дружок.

Меня проводили в освещенную комнату, и в течение следующего часа, пока я оставался в Бунгало, и потом, когда мы с Биллом шли домой, он поведал мне некую таинственную историю. Уильям, сам по себе на редкость безвредный ребенок, непременно ухитряется влезть в любую неприятность, которая происходит в непосредственной близости. Когда он был еще в начальной школе, там случился пожар, и именно Уильяму, единственному из девяноста с лишним учеников, пришлось вылезать через слуховое окно и прыгать на растянутую внизу простыню. Вскоре после этого Куттс забрал его из школы: мальчика наказывали за то, что он воевал с дразнившими его ребятами. Старик написал директору разгромное письмо и перевел племянника в другую школу.

Учитывая, что Уильяму пришлось ставить рекорд по прыжкам из окна исключительно по своей вине — он в ту минуту пытался тайно проникнуть в дом после ночного набега на директорский сад, — Куттс, по моему личному мнению, обошелся с директором слишком сурово. Впрочем, не мое это дело.

Глава II

ФОРТЕЛИ ОБИТАТЕЛЕЙ МОУТ-ХАУСА И ФОРТЕЛИ В БУНГАЛО

Приключения Уильяма Куттса начались в тот же день, среду, когда скауты, захватив тачку, отправились в Моут-Хаус забрать обещанные стулья для праздника. Миссис Гэтти любит молодежь и потому пригласила ребят в столовую, накормила лепешками и угостила

домашним имбирным пивом и самодельными ирисками. Потом все отправились со стульями обратно, а Уильям, как старший патрульный, любезно предложил хозяйке помочь с мытьем посуды. Миссис Гэтти это чрезвычайно понравилось, так как горничную она отпустила, а кухарка все силы отдавала приготовлению обеда. Было семь вечера или полвосьмого, еще светло, хотя погода никуда не годилась для конца июля. Я вообще не могу припомнить другого такого дождливого и противного лета. Мы очень надеялись, что в день праздника будет ясно.

Домой Уильям явился донельзя взволнованный, и я удивился; такие ребята — крепкие, сильные, всегда веселые и спокойные — ни с кем не ссорятся, ни на кого не обижаются, даже в школе. Упомянутый мной ранее случай — исключение. Добродушный по натуре, Уильям принимал мир таким, каков он есть, без всякого недовольства, вопросов и волнений. И потому, когда он ворвался к нам с видом человека, раскрывшего Пороховой заговор, я был несколько озадачен, но рассказу его не поверил. А сообщил он, что мистер Джексон Гэтти убит. Дафни перепугалась, и я взялся за мальчишку всерьез.

— Глупости какие!

— Нет, — ответил Уильям. — Мне миссис Гэтти рассказала, пока мы мыли посуду. Дело, мол, свершилось. Она говорит, и вам с Дафни пыталась рассказать, но вас одни только стулья интересовали.

Я нахмурился и стал обдумывать этот вопрос. Те же самые слова миссис Гэтти говорила и нам и упомянула о муже. Всякому ясно, что, услышав от особы вроде миссис Гэтти какое-нибудь странное замечание, не придашь ему такого значения, как словам нормального че-

ловека. С другой стороны, фраза «Дело свершилось!» звучит чуточку зловеще даже в устах слабоумного. Я тщательно допросил Уильяма, но ничего нового из него не вытряхнул. Он собрался идти к констеблю Брауну — нашему защитнику правопорядка, — чтобы поставить его перед фактом.

Неожиданно мне в голову пришла идея получше. Нечего и говорить, мне не помешало бы избавиться от Уильяма и побыть вдвоем с Дафни, но не впутывать же Брауна — он хоть и хороший малый, но явно не семи пядей во лбу.

— Слушай, Уильям, у сэра Кингстона-Фокса гостит некая миссис Брэдли-как-то-там... или как-то-там-Брэдли. Она просто гигант мысли в области психологии. Отведи ее завтра к миссис Гэтти. Уж она ее наизнанку вывернет, но выяснит, в чем дело. Поверь мне, полиция тут не нужна.

Я убедил Уильяма не ходить к Брауну, однако он уперся и желал отправиться за миссис Брэдли тотчас же. Меня это устраивало, поскольку мы с Дафни оставались одни, и я решил его, так сказать, подстегнуть.

— Они сейчас обедают.

— Вряд ли. Сэр Уильям садится обедать в половине седьмого, а теперь уже начало девятого. Пойдемте со мной, Ноэль, ну что вам стоит.

Я, нечего и говорить, отказался. Нет, честно, я же не думал, что дело серьезное. Он двинулся один. В Манор-Хаусе его провели в гостиную, где Маргарет Кингстон-Фокс — дочь сэра Уильяма, величественная, точно сама Юнона, — представила гостя даме, страшнее которой, если верить его словам, он отродясь не видел. Маленькая и худенькая, морщинистая, желтая, с пронзительными черными глазками и руками, как пти-

чьи лапки, похожая на ведьму. Когда к ней подвели Уильяма, она громко фыркнула, потом взяла его за подбородок и издала хриплый попугайчий крик. Она вообще напоминала попугая: вечернее платье у нее было из голубого бархата, а жакетка (Дафни назвала ее именно так) желто-оранжевая. Уильям решил, что если у миссис Гэтти в голове тараканы, то у этой — ядовитые осы. И взгляд у нее был зловещий. Однако голос оказался просто прекрасным; его оценил даже Уильям, который начисто лишен музыкального слуха (хоть и поет каждые каникулы в церковном хоре, поскольку дядя у него викарий). Старая дама и Маргарет серьезно выслушали его рассказ, и миссис Брэдли пожелала отправиться с ним в Моут-Хаус и во всем разобраться. Весть об убийстве мистера Гэтти Маргарет скорее порадовала, но под натиском здравого смысла она выразилась сдержанно: что он, мол, был препротивный тип и что случаются же такие жуткие вещи.

Итак, они втроем отправились к Гэтти. Сэр Уильям и гости-мужчины уже занялись портвейном и дам не провожали. Скорее всего даже не знали, что те ушли.

Дверь открыла сама миссис Гэтти. Разговор начала Маргарет — спросила, правда ли, что мистера Гэтти постигла злая участь. Хозяйка не ответила, только беспокойно поглядывала на миссис Брэдли и бормотала:

— Змея или крокодил?.. Крокодил?.. Или змея?..

Подобный прием к дружеской беседе, нечего и говорить, не располагает, однако, к счастью, миссис Брэдли, больше недели прогостившая в Манор-Хаусе, была наслышана о странностях бедной миссис Гэтти, и такое приветствие ее не обескуражило. Она учтиво сказала:

— Наверное, крокодил. Меня обычно относят к ящерам. Такой уж мы, йоркширцы, народ. Вообще ин-

тересно наблюдать человеческие типы в разных графствах и даже в разных деревнях.

Это навело хозяйку на ее любимую тему, и ее не сразу смогли вернуть к разговору о мистере Джексоне Гэтти.

— А, Джексон. Да, разумеется. Все кончено, да, осталось только труп найти.

— А где труп? — поинтересовалась миссис Брэдли.

— Если бы вы знали нашу деревню, как знаю я, — начала миссис Гэтти, к великому разочарованию Уильяма, жаждавшего услышать подробности убийства, — вы бы сидели и смеялись, смеялись бы и смеялись — как я. Это до того смешно, что и словами не передать! И смешнее всех — жена викария!

— Послушайте, миссис Гэтти, — начал Уильям, но никто не обратил на него внимания.

— Я ее считаю верблюдицей, — продолжала хозяйка. — Она, чуть что, вопит и кусается. И на колени встает — когда молится. А еще есть та дамочка из Бунгало. Женщина на содержании, представляете, дорогой крокодил? Что вы об этом думаете?

— Возмутительно, любопытно и старомодно.

Наверное, миссис Гэтти задумалась, переваривая сию краткую оценку греховности мира, потому что, по словам Уильяма, она целую вечность сидела тихо, а он тем временем записывал разговор в свой скаутский блокнот. Наконец она торжественно кивнула.

— Кое-кто в Манор-Хаусе мог бы рассказать побольше, если бы захотел. А взять эту девчонку, Тосстик. Вся история кажется мне совершенно невероятной, просто невероятной, от начала и до конца. Во-первых, она вообще не из тех девушек, которые рожают незаконных детей. Во вторых, она должна бы сообщить имя

отца — как все деревенские девушки, — и мы проследили бы, чтобы он поступил как положено. В-третьих, я думаю, у ребенка какие-то отклонения, раз его никому не показывают. И наконец, хозяева таверны ведут себя странно.

— И в чем же странность? — вежливо поинтересовалась миссис Брэдли.

— Не знаю. Меня просто удивляет, что они вдруг стали такие добрые. Этот Лори даже имеет процент с кокосов, которые привозит к празднику. А деревенским ребятишкам дает за пустые бутылки не больше фартинга. Они их собирают по кустам после пикников, и он должен бы платить славным деткам полпенса, вот как я, когда мне приносят бутылки — для моего вина... Теперь-то он уж точно умер. Я про Джексона, конечно.

Миссис Брэдли тоже достала маленький блокнотик и потихоньку записывала — стенографическими значками, по мнению Уильяма. Потом я обнаружил, что это какой-то новый, неизвестный метод стенографирования.

— Бедный Джексон, — сказала миссис Брэдли.

— Что ж, — ответила миссис Гэтти, — если человек желает быть волком, то его нужно запереть в клетку, как волка. А вся штука вот в чем: его заперли в загоне для овец! Смешно, правда?

— Смешно и умно, — подтвердила миссис Брэдли, продолжая записывать.

— Заперт. Вот смешно-то — заперт! До чего ж скверная погода для лета!

— Заперт в загоне для овец! Это нужно запомнить, — сказала миссис Брэдли и издала свой обычный клохтающий смешок. И поднялась.

На улице, когда хозяйка закрыла за ними дверь, миссис Брэдли отправила Маргарет домой и только собралась заговорить с Уильямом, как миссис Гэтти опять выскочила наружу и схватила ее за руку.

— А знаете, что я думаю? — спросила она.

— Нет.

— По-моему, Верблюдица считает, что ее преподобный муженек и есть отец ребенка Мэг Госстик.

Уильям, пересказывая мне эти события, вставил:

— Вот чушь-то, правда же, Ноэль?

Я тогда выразил согласие, но в душе был далек от такой уверенности. Миссис Куттс любой бред придет в голову!

Высказавшись, миссис Гэтти устремилась домой, а миссис Брэдли повернулась к Уильяму:

— Мальчик мой, в здешней церкви есть подземная часовня?

Уильям ответил утвердительно.

Дело уже шло к ночи.

— Тогда отведи меня, — приказала миссис Брэдли. — Нужно поторапливаться, а то, я вижу, дождь начинается.

И Уильям проводил ее к церкви. Они прошли через покойницкие ворота и обошли южную дверь с аркой в нормандском стиле — и скоро очутились у каменной лестницы, ведущей вниз. Чуть дальше середины пролета ее перегораживала тяжелая железная дверь.

— Попробуем разглядеть через перила или пойдём внутрь? — спросил Уильям.

— Я бы предпочла спуститься, — ответила миссис Брэдли.

— Хорошо. Пойду схожу за ключами, — предложил вежливый Уильям. — Вы не хотите пройти через цер-

ковь? Если согласитесь, то ключ и не нужен. И можно будет свет зажечь.

— Это меня вполне устраивает. Думаю, мистер Джексон Гэтти, живой или мертвый, находится в часовне.

— Кто вам сказал? — разволновался Уильям.

— Миссис Гэтти, только она сама того не знает.

— Да ладно! — не слишком учтиво бросил Уильям.

В церкви они прошли по главному проходу и очутились в ризнице. Здесь Уильям отодвинул в сторону кокосовую циновку. За ней оказалась подъемная решетка.

— Теперь осторожнее, — предупредил он. — Дверь, кстати, довольно новая. Здесь раньше была усыпальница, и говорят, одна дамочка туда закатилась и прихватила пару черепов. И тот тип, который работал тут до моего дяди, навесил снаружи железную дверь, а здесь — вот эту решетку. Она футов на два ниже площадки, и забраться туда нелегко.

Он сочувственно посмотрел на миссис Брэдли.

— Наверное, вам лучше остаться здесь. Я к тому, что незачем вам шею ломать.

Его спутница усмехнулась и ответила:

— Давай поднимем решетку. Может, спустаться и не понадобится.

Они подняли решетку и стали вглядываться в глубину подземелья. Потом миссис Брэдли негромко позвала:

— Мистер Гэтти! Мистер Гэтти!

В лучах света возникла темная фигура. (Передаю слова Уильяма. Нечего и говорить, вряд ли там и впрямь были лучи света.)

— Наверх, мистер Гэтти, сюда, поднимайтесь! — воскликнула миссис Брэдли.

Они с Уильямом легли плашмя и помогли маленькому человечку вскарабкаться наверх.

— Боже милостивый! — простонал Джексон Гэтти. — Боже милостивый! Тысяча благодарностей! До чего я хочу есть! Как же, наверное, волнуется бедная Элиза!

— А теперь, — миссис Брэдли, по-матерински отряхивала с него пыль, — скажите, как это назвать? Перепугали нас всех!

— Мне ужасно жаль. — Он нервно покашлял и улыбнулся. — Элиза меня никогда не простит.

Увидев длинные хищные зубы Джексона Гэтти, Уильям (по его словам) едва не закричал «Волк!».

— Я поддался соблазну и заключил пари. Думаю, я его выиграл.

Миссис Брэдли направилась из церкви вон.

— Ах, простите, — смутился Гэтти. — Не следовало об этом упоминать в таком месте.

Уильям опустил решетку, прикрыл ее циновкой и выключил свет. Потом затворил входную дверь — у старого Куттса был пунктик: церковную дверь запирать не следует. Зато его супруга утверждала, что там прячутся влюбленные парочки; а уж эта часть рода человеческого, нечего и говорить, всегда вызывала ее ненависть.

Потом Уильям последовал за остальными через покойницкие ворота и успел услышать обрывок разговора:

— Именно по предложению мистера Берга я позволил заключить себя в часовне. Однако я был уверен...

Тут, как показалось Уильяму, мистер Гэтти оборвал фразу, потому что услышал его шаги. И миссис Брэдли не попросила продолжать. Уильям хотел уже поже-

лать спокойной ночи и пойти домой, но она шагнула к нему и, к его удивлению, вложила ему в руку десятишиллинговую банкноту и поблагодарила.

Далее, должен признать, я не способен проследить ход его мыслей. Нечего и говорить, мальчик четырнадцати лет рассуждает не так, как другие разумные существа, и этим все сказано.

По мнению Уильяма, самое малое, что он мог сделать, дабы отработать полученный гонорар, это отправиться в Бунгало, где проживает мистер Берт, и выразить ему порицание за тяжелый проступок — заточение бедного мистера Гэтти в часовне. И потому, несмотря на сумерки и противный морозящий дождик, а также на то, что до Бунгало было мили полторы и дорога туда проходит через каменоломни — место уединенное и опасное, и, если верить деревенским, кишашее привидениями, — он бодрым скаутским шагом, в лучших традициях американской приключенческой прозы, двинулся к резиденции Берта. Я, как уже сказал, логики тут не усматриваю, но Уильям считал, что поступает совершенно правильно.

О приходе Уильяма хозяину доложил Фостер Вашингтон Йорк, здоровенный негр — единственный слуга в доме.

Берт устроился в удобном кресле, а на коленях у него сидела Кора, и ни тот, ни другой не шевельнулись, когда слуга объявил о приходе Уильяма. Они только улыбнулись гостю, и Берт спросил:

— Привет! Зачем пожаловал?

А Кора, которой Уильям немедленно начал восхищаться, сказала:

— Садись, будь как дома. Пирожное хочешь? Эй, чумазенький, принеси-ка пирожное!

Появился Фостер Вашингтон Йорк с пирожным, и Уильям присел на ближайший стул. Никогда еще, признавался он позже, не приходилось ему попадать в столь затруднительное положение. Он пришел, чтобы обвинить Берта в покушении на жизнь Гэтти, а теперь, оказавшись лицом к лицу с этим здоровенным белобрысым весельчаком, явно прекрасным спортсменом, который к тому же словно какой-нибудь восточный владыка держал на коленях самое прекрасное в мире существо, мальчик понимал: ужасно глупо обвинять его в покушении на такого ничтожного червяка, как Гэтти.

Наконец Уильям сказал:

— Вы, наверное, удивляетесь — зачем я пришел?

— Да нет, чего там, — заверил Берт. — Ты ведь сын викария?

— Племянник, — поправил Уильям, и воцарилось молчание. Потом Кора вскочила и, открыв дверь, велела Фостеру Вашингтону Йорку нести ужин.

— Ой, мне пора, я пойду. — Торопливо расправившись с пирожным, Уильям поднялся.

Прекрасная богиня рассмеялась, толкнула его обратно на стул и чмокнула в щеку.

— Ничего подобного! — заявила она. — Такой славный мальчуган уж точно не откажется заморить червячка.

Если верить Уильяму, то был самый страшный момент в его жизни, но он смог выдать:

— Я... мы выпустили из часовни мистера Гэтти, и вы не думайте... мы знаем, что это ваша работа!

— Ну-ка, ну-ка. — Берт подался вперед.

— Он заключил с вами пари, — в отчаянии пояснил Уильям, — что не побоится остаться запертым в часов-

не. Просто ужасно — бросить вот так человека одного. Ведь могло и убийство выйти, разве нет?

Берт засмеялся и сказал, что в таком свете он случившееся не рассматривал.

Тут вошел Фостер Вашингтон Йорк и стал накрывать на стол. Появилась дичь, всевозможные салаты, большой кувшин с компотом и еще один со сливками, печенье, пирожные, сыры, копченый язык и мясной паштет. Вечер становился все лучше.

В конце ужина Берт вдруг чертыхнулся: вспомнил, что ему нужно забрать со станции большую посылку с книгами. Кора посоветовала взять с собой слугу, а Уильяма попросила посидеть пока с ней. Ходить, мол, они будут недолго — до станции меньше мили, — а он поможет ей скоротать время, рассказывая об освобождении мистера Гэтти.

Уильям почти ничего не мог добавить к тому, что они уже знали, но когда с ужином было покончено и посуда убрана — Фостер вернется и вымоет, — Кора и Уильям придвинули к камину кресла, и он с готовностью повел речь о вызволении мистера Джексона Гэтти из плена.

— А знаете, у миссис Гэтти есть забавная привычка сравнивать каждого с каким-нибудь животным. Например, старого Гэтти она считает волком. Смешно, он же такой дохляк. Когда его выпустили, он первым делом выразил надежду, что никому не причинил беспокойства. Он волновался о миссис Гэтти, а не о себе. Если миссис Гэтти и вправду свихнулась, почему она не в лечебнице? Да, кстати, о лечебнице — вы читали в газете про драку двух психов? Один другого укушил, и даже санитары перепугались. Еще бы, кругом кровь, мозги, и все такое.

Словом, мальчик, как умел, поддерживал светский разговор.

Кора, содрогнувшись, сказала:

— Давай-ка задернем шторы и включим свет. Еще не совсем темно, но от этих сумерек у меня мороз по коже. Мне нравится и тишина, и покой, только дом у нас уж больно уединенный. Кругом одни торфяники да каменоломни, да одна дорожка к деревне. Иногда мне прямо страшно. Хорошо еще зимой здесь не живем. Я бы на нервной почве с ума съехала!

— Но ведь с вами мистер Берт.

— С призраками и Дэвид ничего не поделает, правда, дружок? Я так думаю. Ты знаешь, что одно из тех жутких убийств совершили у нас за домом, в саду? Ну, тот псих, который удрал из Моут-Хауса. Это, конечно, случилось очень давно, и нашего дома тогда еще не было, но кто-то пометил то место — положил там серый валун, и часто, пока Дэвид работает, я там сижу, шью себе сорочку или одежду чиню, и думаю — не бродит ли по ночам тот бедняга? Честное слово! Ни за какие коврижки не поменялась бы местами с миссис Гэтти и не согласилась бы жить в Моут-Хаусе. Хоть озолоти! Неудивительно, что у нее в голове помутилось. Госспо...

Он поперхнулась от ужаса.

— Слышишь, дружок? — прошептала она. — Что там такое?

Кто-то медленно передвигался по крыше прямо у них над головами. Раздавались скрипы, словно по черепице волокли тяжелый предмет. Кора вцепилась Уильяму в коленку.

Уильям — не робкого десятка. Он убрал с коленки ее руку, встал, взял кочергу и направился к двери.

— Ой, не надо, дружок! — Кора вскочила, схватила его за плечо. — Не бросай меня! Не открывай дверь, — в ужасе стонала она; возня наверху возобновилась. Кто-то явно полз по крыше и иногда оскальзывался.

— Нужно пойти, — сказал Уильям, который, наверное, побледнел. — Это просто кто-то дурачится. Какой-нибудь мальчишка деревенский. Я его шугану.

— Не ходи, — умоляла хозяйка. — Меня не бросай!

Кора так сильно за него ухватилась, что Уильям чувствовал плечом биение ее сердца; она была девушка рослая. Оба внимательно слушали, но ничего не слышали. Постепенно их испуг прошел. Уильям осторожно освободился. Они еще послушали.

— Наверное, — шепотом начал Уильям, — это здоровенный кот. Они же бывают очень большие, с собаку размером. И звуки такие, будто кот возился.

— Думаешь, кот? — Кора изо всех сил старалась поверить в кота. — Скорее бы уже вернулись Дэвид с негритосом.

— Ага. — Уильям взглянул на часы. — Мне уже домой пора.

— Да ты что?! — Кора цеплялась за его локоть своими немаленькими пухлыми ручками. — Я тут умру от страха, если ты уйдешь! Точно тебе говорю. Давай позвоним твоему дяде. Телефон-то у вас есть?

Уильям продиктовал номер.

Кора сняла трубку и довольно бессвязно сообщила то, что я и выслушал на другом конце провода. Сразу после этого скребущие звуки возобновились. Теперь не захотел выходить даже отважный Уильям. Кора от страха побелела. Через две минуты все стихло.

— Что бы это ни было, оно еще там, — заявил Уильям. — И что же теперь?

— Останемся здесь. — Зубы у Кору стучали.

— Наверное, не только мы с вами в опасности?

— Дружочек, точно! Он и на них может напасть! Ах, вот горе-то, что же мне делать? Я так боюсь этого Гэти... злопамятный хорек!

Она схватила кочергу.

— Лучше дайте мне, — предложил Уильям. — У вас силы не хватит. Возьмите совок и лупите в случае чего по физиономии. Меня-то не повесят, если я кого-нибудь убью, а вот вы — другое дело.

Они подошли к входной двери. В холле было светло. Вдвое согнувшись, Уильям на цыпочках подкрался к двери, Кора за ним. Они услышали трели Фостера Вашингтона Йорка, который, чтобы подбодрить себя и хозяина по пути домой, распевал негритянский духовный гимн.

— Отойдите в сторонку, — попросил Уильям Кору. Рожденный бездействием страх уступил место боевому задору. — Я быстро открою дверь и впущу их.

Он подождал, пока, по его расчетам, Берт и слуга подошли к самой двери, распахнул ее и крикнул:

— Скорее, скорее!

Фостер Вашингтон Йорк перепугался, но отреагировал моментально — сразу ввалился в дом вместе со своей ношей, и Уильям захлопнул дверь.

— Гасспади, миз Кора! — выдохнул слуга, закатив глаза. — Чего стряслось?!

— Кто-то ползает по крыше, — сообщил Уильям. — Вот — опять.

Громкий стук в дверь возвестил появление Берта. Его попросили войти как можно быстрее, и Уильям сообщил ему новости. Кора, подумал он, слишком напугана, чтобы рассказывать.

— На крыше? — переспросил Берт. — Чушь!

Однако же, видя их ужас, он пошел к своему столу, достал из ящика револьвер и направился к двери, держа в левой руке электрический фонарь. Кора взвизгнула, рванулась вперед и вцепилась ему в рукав. Берт стряхнул ее.

— Жди здесь, — велел он и вышел. Уильяму и слуге пришлось придержать Кору. Вернулся Берт почти сразу.

— Никого, — коротко сообщил он.

— Но ведь кто-то же был! — садясь, слабо запротестовала Кора.

— Да, — медленно и задумчиво произнес Берт. Уильям обратил внимание, что он не вернул оружие на место, а положил его на стопку бумаг. — Да, кто-то там был. Выпей аспирина, Кора. Беспокоиться не о чем. — И он зловеще (выражение Уильяма, я ни при чем) улыбнулся.

— Я лучше домой пойду, — сказал Уильям.

— Только не один, — возразила Кора. — Дэвид, ты его проводи.

— И оставить вас? — удивился Уильям.

— Ничего не поделаешь, — решил Берт. — Не могу. Придется ему ночевать у нас.

И он опять, по словам Уильяма, зловеще улыбнулся. Ему казалось, Берт злился на Кору за то, что она так перетрусилась.

— Уильяма может забрать его дядя, — сообразила Кора. — Я ему звонила.

И тут как раз пришел я, и меня впустили.

— Что случилось? — спросил я, увидев револьвер Берта.

— Выпейте с нами, — пригласил Берт. — Я все расскажу. Не волнуйся, Кора, я не буду выходить.

Я взял рюмочку виски.

— Проблема такова: сегодня вечером некая неустановленная личность влезла на крышу Бунгало и расшатала черепицу. Моя жена испугалась и решила, что юному Куттсу не следует возвращаться одному. Меня в тот момент дома не было.

— Расшатали черепицу? — переспросил я. — И все, вы уверены? Довольно бессмысленно, не находите? — И я рассказал, как, подходя, слышал на крыше царапанье, и решил, что это кошки.

— Допьете — можете взглянуть сами, — предложил Берт. — У меня, правда, только фонарик, но очень сильный, а дом невысокий. Сейчас-то, конечно, никого нет. Хотите посмотреть?

— Приму на веру. Тем более вы пообещали не выходить из дому. Да, кстати! Надеюсь, то был не юный Тейлор. Главный деревенский пакостник. Мне пришлось отказаться от его помощи в подготовке игры в кокосы.

— Я могу помочь. — Это Берт отреагировал на мою многозначительную паузу. Нечего и говорить, хорошо они у меня выходят... а иначе и нельзя, работа такая.

— Спасибо, старина, — сказал я. — В субботу в половине десятого вечера приходите за инструкциями в «Герб Морнингтона». Хозяин таверны достает нам по дешевке кокосы.

— Запросто. Давайте провожу вас до ворот, посвечу.

— Спасибо, не беспокойтесь. — Все происходящее казалось мне сущим пустяком. — Пошли, Билл!

Мы попрощались и едва вышли в широкую полосу света, лившегося сквозь тонкие занавески, как что-то

просвистело мимо головы Уильяма и разбилось, упав на гравий. От неожиданности я растерялся, схватил мальчика за руку и потащил его в тень. В тот же миг распахнулась дверь, дважды щелкнул револьвер.

— Мимо. Промазал, — раздался спокойный голос Берта. — Он вас не ушиб?

— Нет, — сказал я. — Интересно, кто этот ненормальный?

— Ночуйте у нас, — предложил Берт, оставляя вопрос без ответа.

— Я бы лучше одолжил у вас фонарь.

Нечего и говорить, я тоже испугался.

— Возьмите ствол. — Берт вложил мне в руку оружие. Мы почему-то опять оказались в Бунгало, но, хоть убейте, не вспомню, как мы туда вернулись. Вот так могут шалить нервы. Просто не помню, как мы вернулись в дом. Удивительно.

От револьвера я отказался, считая ношение оружия в мирное время несовместимым с моей профессией. Кроме того, хоть я и напугался, был склонен считать, что нас терроризирует какой-нибудь озорник из церковного хора. Недавно я отшлепал троих — они писали всякие гадости на полях молитвенника.

Мы снова вышли, и по дороге Уильям поведал мне остальную часть своей истории. Домой мы добрались без приключений. Миссис Куттс встретила нас в столовой и потребовала у племянника объяснений по поводу столь позднего возвращения. Время близилось к полуночи. Уильям рассказал о вызволении мистера Гэтти из подземной часовни, так ловко оперируя фактами, что я невольно восхищался; он преподнес это событие с весьма убедительными подробностями, и

его тетя осталась в полной уверенности, будто последним пунктом программы было освобождение мистера Гэтти. О своем участии Уильям упоминал довольно скромно, мимоходом, как об очередном скаутском добром деле, не более; получив кусок хлеба с маслом и чашку какао, он удалился спать — сама торжествующая добродетель.

— Мистер Куттс не вернулся? — Теперь я уже, разумеется, говорил с миссис Куттс. С каким же трудом я ее терпел!

— Мистер Куттс не вернулся. — Она плотно сжала губы, и я понял: больше эта дама ничего не скажет.

Как я потом узнал, викарий ходил в «Герб Морнингтона» поговорить с Лори о Мэг Тосстик. К ней его не пустили.

Я сидел, беседуя с миссис Куттс, пока не вернулся викарий. Понимая, что вскоре разразится ураган местного значения — из-за Мэг Тосстик и ее таинственного младенца, коих ни одной живой душе видеть не дозволяется, — я отправился спать. Некоторое время я размышлял о субъекте, или субъектах, швырявших черепицу с крыши Бунгало, и решил на следующей же репетиции хорошенько разобраться с мальчишками. Хором занимаюсь я, потому что органист у нас вольнодумец, и, по мнению миссис Куттс, ребят нельзя подвергать его пагубному влиянию. (Она даже не разрешила ему играть на женских религиозных собраниях!) Поскольку мальчишки не могут быть хуже, чем они есть, этот аргумент, нечего и говорить, меня не убеждал. Но я крепился, ведь на репетиции ходила и Дафни — помогала с сопрановыми партиями. И оставалась, пока все не разойдется.

Глава III

БОЛЬШОЙ ФОРТЕЛЬ СЭРА УИЛЬЯМА

Маргарет Кингстон-Фокс передала своему отцу сандвичи с огурцами.

Мы пили чай в Манор-Хаусе. У сэра Уильяма гостили Брэнсом Бернс, финансист, и миссис Брэдли.

— Это уже седьмой, обедала ты эдакий, — сказала Маргарет, когда ее отец надкусил очередной сандвич.

— Семерка — счастливое число, — ответил сэр Уильям. Он откинулся назад и отправил сандвич в рот.

— Вот, значит, как ты рассуждаешь! — продолжала его дочь. — Миссис Брэдли, возьмите еще. Прошу вас, мистер Бернс. Мистер Уэллс, вы как будто дремлете.

— Мне бы хлеба с маслом, — сказал финансист. Как все короли коммерции, он был рабом своего желудка. — Вашего браконьера сегодня выпускают? — обратился он к хозяину.

— Нет, Джонстон просидит еще месяц. Этот дурень швырнул камнем в Хитса, моего старшего егеря, вырубил его. Надеюсь, со мной он ничего подобного себе не позволит, — ответил сэр Уильям, высматривая пирожное.

— Неприятно получить здоровенным камнем, — согласился Бернс.

Я вспомнил о брошенной в нас черепице, но промолчал.

— О, я не то имел в виду, — сказал сэр Уильям.

— Папа собой не владеет, когда ему перечат. — Маргарет засмеялась; веселье ее было какое-то натужное. К нему присоединился зловеще-скрипучий смех миссис Брэдли. Умная женщина, наверное, но в ее обще-

стве невольно подбираешься. В таком, как у нее, возрасте лучше демонстрировать добродушие.

— Это не забава, — улыбнулся сэр Уильям. — Сидеть мне скоро за решеткой, точно вам говорю.

У него было загорелое лицо с приятными морщинами в уголках серых глаз, темно-рыжие коротко стриженные волосы и очень красные уши. Нос небольшой, хорошей формы, но чуть вздернутый, полные красиво очерченные чувственные губы. Темно-рыжие усики придавали простому приятному лицу мужественный вид, улыбка открывала ровные белые зубы. Одет сэр Уильям был в коричневый твидовый костюм и в целом являл настоящий образ идеального землевладельца — как их представляют беллетристы — и сам это понимал и веселился.

У ног сэра Уильяма лежал его фокстерьер Джим.

Чай пили не на террасе, а в доме. По стеклам высоких окон катились капли дождя. Чтобы как-то скрасить сырой вечер, в гостиной зажгли электричество. Этот август бил все рекорды — такой дождливой погоды, если верить газетам, не было уже сто лет.

— Так-так, — произнес Бернс (я с трудом его выносил), отказавшись от пирожного и второй чашки чая. — Сидя в тюрьме, наш браконьер — как там его? — по крайней мере не заработает простуду. В такую-то погоду...

— Заработает пулю, если будет на моей земле набрасываться на моих же егерея. — Сэр Уильям взял пирожное и с такой силой надкусил, что это совершенно безобидное на вид кондитерское изделие выстрелило из своих недр колбаской крема — прямо ему на штанину. Сэр Уильям сердито крикнул, выругался и стал

очищать брюки. Как уже заметила его дочь, он очень легко раздражался. Впрочем, неприятно, нечего и говорить, когда испачкаешь кремом брюки.

— Знаешь, папа, — ухмыльнулась Маргарет, — пора бы тебе уже уметь обращаться с едой.

В этот миг она была мало похожа на Юнону. Трудно себе представить ухмыляющуюся Юнону, уж не знаю почему.

Миссис Брэдли решила переменить тему. Положив свои птичьи лапки на подлокотники, она улыбнулась: растянула губы так, что ее желтое личико стало похожим на мордочку хамелеона, несколько раз подряд моргнула пронзительными черными глазками и голосом, который поразил меня глубиной и мелодичностью, как поражал всех, кто впервые его слышал, произнесла:

— Мистер Уэллс, что, по-вашему, самое занятное на свете зрелище?

Наступило молчание. А она тем временем метнула быстрый взгляд на каждого из присутствующих и опять перевела его на меня. Начиная потеть, я вдруг понял, как чувствует себя кролик под взглядом удава.

Пожалуй, в миссис Брэдли было что-то от ящерики — в ее глазах, в уме, который скрывался за этими глазами. Когда она сложила губы в нечто напоминающее клювик ящерицы и высунула кончик языка, я даже удивился, что он не раздвоенный. «Так значит, она, — подумал я, — психоаналитик».

Миссис Брэдли явно прочла мои мысли.

— Именно, мой дорогой, — заявила она. — Причем настолько старого толка, что считаю Зигмунда Фрейда верховным жрецом этой религии и хранителем всех тайн пола. Прошу воздержаться от каламбуров, ибо

смеяться над предметами священными не дозволено никому. Кроме декана Инга*.

Свою тираду она завершила неожиданным веселым гуканьем и, к сильнейшему моему смущению, игриво ущипнула меня за щеку. Маргарет рассмеялась.

У Маргарет были прекрасные темно-каштановые волосы с золотым отливом; она отлично играла в теннис и на редкость плохо — на укулеле. Я, нечего и говорить, описываю ее такой, какой знал тогда. Мистер Брэнсом Бернс претендовал на ее руку. Игра шла нелегкая, и он два раза сходил с дистанции: один раз потерял все набранные очки, когда вничью провел с Маргарет партию в теннис, и второй раз, когда отпихнул бросившегося к нему фокстерьера. Собак он боялся и потому относился к ним с сильнейшей неприязнью. Пищеварение, как я уже говорил, у него было плохое. Маргарет по молодости лет не придавала этому значения. Ее отец, по-видимому, склонялся в пользу их брака: Бернс имел деньги и не такое уж темное для финансового воротилы прошлое. Отличался осмотрительностью, хорошо играл в бридж, правда, не так хорошо, как сэр Уильям. Впрочем, он играл куда лучше меня. Я про Бернса, разумеется. Миссис Брэдли, школьная подруга и близкая приятельница матери сэра Уильяма, сообщила мне, что не без некоторого интереса наблюдает за процессом ухаживания, но готова решительно воспрепятствовать заключению этого брака. Ее теория, порожденная личными наблюдениями, состояла в том, что счастье в браке достигается очень редко, и практически невозможно, если у одной из сторон за плечами

* Уильям Ральф Инг (1860–1954) — английский писатель и философ, профессор богословия, декан собора Святого Павла в Лондоне.

сорок семь лет и скверное пищеварение, а другой двадцать, и она отвратно играет на укулеле. Маргарет ей нравилась, а Брэнсома Бернса она ценила как экземпляр личности с самым ископаемым интеллектом, с каким ей доводилось встречаться.

Сам Бернс, нечего и говорить, видел в ней лишь старую сумасбродку, которая вполне может клюнуть на предложение сделать инвестиции, если преподнести его позавлекательнее. Ему даже не верилось, что она побывала замужем.

— Неужели нашелся нормальный человек, пожелавший, будучи в здравом уме, на ней жениться? — сказал он однажды, когда мы остались наедине.

Я ответил, что, по моим сведениям, миссис Брэдли дважды вдова.

— Гос-споди! Так это сколько же у нее денег?!

К сожалению, я не смог заставить себя донести его высказывания до миссис Брэдли; уверен, она оценила бы их в полной мере. Не раз я замечал устремленный на нее задумчивый взгляд рыбьих глаз финансиста. Наверное, он пытался определить, насколько она богата, однако задача была не из легких. Одевалась миссис Брэдли хоть и необычно, а иногда просто жутко, но явно дорого. С другой стороны, она обладала редким остроумием и неиссякаемым дружелюбием, а такие качества не вяжутся, по его мнению, с богатством; разве что женщина — звезда мюзик-холла или герцогиня, которая устроила из фамильного замка общество с ограниченной ответственностью. В бридж миссис Брэдли играла лучше, чем Бернс и сэр Уильям, и была прекрасной бильярдисткой. А второго такого искусного метателя дротиков и ножей я вообще не видел. Еще она без промаха стреляла из пневматического оружия и силь-

но досадила Бернсу, выиграв у него пять фунтов: одним противным дождливым вечером она на спор десять выстрелами снесла горлышки у десяти бутылок. Я точно знаю — сам видел.

Да, Бернсу никак не удавалось ее классифицировать. И мне тоже... Хотя от ее рекордов попахивало эдакой ковбойской удалью, речь у нее была безупречно правильная, классическая, без всяких там новомодных словечек, без сленга, и это нас обоих озадачивало. Она, несомненно, была, что называется, леди, и, однако, знала самые худшие стороны худших городов Европы и Штатов, и знала обо всех грехах человеческих и всех пороках. Удивить ее никому еще не удавалось, зато я сам видел, как благодаря ей у Берта волосы встали дыбом. Читала она только современных поэтов, а ее единственная уступка самой себе заключалась в рюмке хереса, выпиваемой перед обедом. Совершенно необычная женщина. Но не сумасбродка. Нет, с теми, кто считает ее сумасбродкой, я решительно не согласен.

— Самое занятное зрелище? — Закатив глаза, я обдумывал ее вопрос. — Даже не знаю. Может, распродажа в магазине?

— А я однажды наблюдал, как дерутся две акулы, — благородно пришел мне на выручку сэр Уильям.

Рассказ помог вернуть ему хорошее настроение. Миссис Брэдли слушала, откинувшись на спинку стула. Глядя на нее, я представлял греющуюся на солнышке ядовитую змею или крокодила, ласково улыбающегося, в то время как птички выклевают из его бронированной шкуры мелкую надоедливую живность.

Дождавшись, пока отец закончит, Маргарет заявила:

— Самое занятное зрелище на свете — игра Коше. Я видела его на Уимблдонском турнире. — Со вздохом она встала и подошла к окну. — Прошрое лето было не очень, а это — бьет все рекорды. В такую вот погоду нервные люди и кончают с собой. Хорошо, что я оптимистка.

Повернувшись к нам, она сказала:

— Мистер Бернс, будьте добры позвонить.

Бернс повиновался. Усаживаясь на место, он произнес:

— Самое занятное зрелище — женщина, когда она пытается вытянуть у мужа деньги. Она способна откалывать любые номера, словно мартышка, и менять обличье, словно хамелеон.

Мы все стали возражать; сэръ Уильям яростно, я слабо, Маргарет с негодованием, а миссис Брэдли с усмешкой. Бернс только улыбался плотоядной улыбкой финансиста.

— Будьте же искренни, — сказал он.

Даже в его самых невинных замечаниях всегда проskalзывал намек, что его собеседники неискренни, и это меня еще пуще злило.

— Неужели вам не доводилось слышать, как женщина выпрашивает у мужа деньги? Ну же?

Маргарет, чья веселость, как у большинства молодых женщин, вернулась столь же быстро, как и ушла, ответила:

— Доводилось.

— Вот как? — изумился ее отец.

— Да, у Бертов. Я не хотела подслушивать, просто у мистера Берта голос как рупор, а миссис Берт — то есть Кора Маккенли, — когда злится, кричит, словно простолоудинка, каковой, собственно, и является.

Я пошла в Бунгало забрать у Берта пожертвование в пользу деревенской библиотеки, которую мы открыли прошлой зимой, а они там как раз ругались, жутко громко, из-за Бертовой прижимистости и Кориного мотовства. Она кричала, что денег ей хватает только на хозяйство, а он — что в Солтмарш негде щеголять в дорогих нарядах. Было страшно неприятно... Да ну их совсем! Пора убирать чай, а вы, мистер Бернс, придумали бы, чем нас занять, пока не придет время переодеваться к обеду.

Бернс улыбнулся; он искренне ломал голову, услужливо стараясь изобрести какое-нибудь развлечение. К тому времени как убрали посуду, он был готов.

— Встаньте-ка вот сюда, — начал он, отступая в сторону, прямо на пса.

Фокстерьер со страдальческим визгом взвился вверх.

Бернс завопил, обращаясь к Маргарет:

— Я не нарочно! Я просто хотел...

Пес лаял, Маргарет нагнулась и стала его гладить и успокаивать. Джим, воспитанный и добродушный зверь, желая показать, что ничуть не обиделся, принялся наскокивать сначала на Маргарет, а потом — совершенно неожиданно — и на Бернса. Бернс, одержимый, как упоминалось, нездоровым страхом перед собаками, который он приобрел, наверное, в раннем детстве и который был совершенно не в состоянии контролировать, не говоря о том, чтобы побороть, закричал и замахнулся на разволновавшееся животное.

— Фу, малыш, фу! — смеясь, сказала Маргарет.

Я попытался схватить пса за ошейник, но промахнулся и растянулся на полу, увеличив тем самым всеобщую сумятицу.

— А ну, сидеть! — Сэр Уильям поднялся, чтобы утихомирить собаку. — Не ушиблись, Уэллс?

Я покачал головой и извинился за свою неловкость. Мне пришлось кричать, потому что шум стоял невообразимый.

Тут Бернс с ревом «Тихо! Тихо!!» с размаху ударил Джима прямо по глазам и пнул ногой в тяжелом ботинке. Пес, взвизгнув, шарахнулся от него, а потом оскалил зубы и, впившись ему в ногу, стал яростно ее трепать. Бернс тоже рассвирепел и тщетно пытался стряхнуть Джима с ноги. Обезумев от ужаса, он схватил с каминной полки хрустальную вазу, явно собираясь обрушить ее Джиму на голову. Маргарет закричала, ее отец взревел, я, кажется, тоже кричал. Пес, почуяв беду, разжал зубы и шустро увернулся; ваза грохнулась на землю. Прежде чем кто-либо успел ему помешать, сэр Уильям вцепился Бернсу в горло и стал с большим успехом душить. Глаза у Бернса выпучились. Он как-то странно забулькал. Маргарет истошно вопила.

Миссис Брэдли, сохраняя удивительное присутствие духа, быстро поднялась, взяла вазу с цветами и резко выплеснула ее содержимое, среди которого, разумеется, было и немалое количество холодной воды, в лицо сэру Уильяму. Тот разжал руки. Маргарет на подкашивающихся ногах подошла, схватила пса за ошейник и выставила за дверь. Миссис Брэдли опять уселась и изящно вытирала пальцы шелковым платочком. Бернс и сэр Уильям таращились друг на друга. Потом последний что-то пробормотал, отвернулся и принялся поправлять волосы и отряхивать костюм.

После подобной сцены я был рад удалиться. Маргарет хотелось, чтобы я остался к обеду, однако нам с

Дафни следовало заняться приготовлениями к празднику, да и вообще я не очень-то рвался там обедать.

Миссис Брэдли проводила меня до ворот. По дороге она неожиданно сказала:

— Так значит, это Берт?

— Да. Берт не признал, что заключал с мистером Гэтти пари, но и не отрицал, что запер его в часовне.

— Ясно.

Я уже сообщил сэру Уильяму и прочим о том, как кто-то неизвестный, или неизвестные, кидали в нас с Уильямом черепицей, и упомянул о своих подозрениях относительно ребят из хора. Теперь же я сказал миссис Брэдли, что хочу с ними разобраться.

— Не говорите им ни слова, мой мальчик, — предостерегла она и даже заставила дать обещание — только тогда и отпустила.

Дафни дожидалась меня в комнате, которую все по привычке называли детской. Комната была на втором этаже — большая, полупустая и холодная; я удивился, что Дафни ее выбрала. Наверное, решила спрятаться от тети. Нечего и говорить, плоховато они ладили — Дафни и миссис Куттс.

— Садись, Ноэль. Что там за история, как тебя с Уильямом пытались убить?

Я рассказал и попросил никому не говорить.

— Ладно, буду молчать. Только вся деревня уже знает.

— Откуда? Уильям?

— Он говорит, нет. — Дафни нахмурилась. — Наверное, это все чертовы мальчишки.

Я выразил согласие и рассказал о своем обещании не устраивать дознания.

Дафни вдруг заявила:

— Говорят, миссис Гэтти была совершенно нормальной, пока он не заставил ее там поселиться. Ужасно, правда? Кажется, как раз такие вещи в бракоразводных судах называют психическими пытками.

И Дафни отвела от меня свои чистые голубые глаза, но взяла за руку.

— Все это довольно странно, как ни посмотри, — согласился я. — Между прочим, сможем ли мы найти маленькую круглую палатку — для гадалки?

— Да. Я как раз хотела тебе сказать. Я говорила с Томми Мэнли, а он говорил с Уильямом, а тот говорил с предводителем скаутов, который пообещал дать нам ее бесплатно. И я пригласила скаутов на праздник. Наверное, Уильям очень обрадовался. Забавно, что Томми пришлось выступать посредником между мной и братом, правда?.. Скауты покажут, как они разбивают лагерь, как выполняют гимнастические упражнения, и еще я вставила в спортивную программу для них стометровку. Нужно теперь же сказать дяде. В соревновании «Бег с яйцом в ложке» будет пятнадцать участниц, потому понадобится не меньше трех призов, значит, придется оставить мальчикам только два первых приза; их семеро... да и то я подкупила Оливера, помощника садовника из Манор-Хауса. А то было бы вообще пятеро.

— В смысле — шестеро?

— Нет. Записав Оливера, я обеспечила еще одного участника — мальчика по имени Бриггс, который терпеть не может бегать и терпеть не может Оливера. Причем Оливера он ненавидит сильнее и будет участвовать для того, чтобы сделать ему в подходящий момент подножку.

Я невольно рассмеялся, однако следовало братья за дело.

— Чувствую, праздник выйдет веселый. Как мне одеться для предсказаний?

— Я перешила свой старый цыганский наряд, — ответила Дафни. — Нужно будет примерить.

— Наверное, приклею себе бороду. Пусть будет бородатая женщина-гадалка. Три пенса за сеанс. Такие услуги в основном интересуют деревенских девушек, а денег у них маловато.

— А не лучше ли по шесть? А то отбою не будет от бедных клиенток. Голосую за шесть, да еще шесть — за совет относительно любовных дел. Ты сможешь на этом хорошенько нажиться. Дяде и Церберше не скажем. Им не понравится, что помощник викария выкидывает такие номера.

— Лучше вообще никому не говорить. — Я нежно ей улыбнулся. — Если меня примут за чужого, выйдет гораздо смешнее.

Дафни завистливо вздохнула.

— Думаю, ты там здорово развлечешься. Вот бы мне спрятаться в палатке и послушать тебя. А теперь сиди тихо, я почитаю тебе список. Вечно в последнюю минуту что-нибудь да вылезет. Значит, так. Стулья, круглая палатка, шатры, закуски, карусель, качели, кокосы, яйца и ложки, переносные барьеры, картофель, флажки, разметка для теннисного корта, рулетка, флаги, оркестр, волшебные фонари, сигнальный пистолет, судьбы, свисток, колокольчик, рупор, таблички с именами, призы, урны для голосования — больше ничего не приходит в голову, но наверняка кучу всего забыла. Да! Финишные ленты! И зачем я только выбросила прошлогодний список?..

Забравшись в кресло с ногами, Дафни принялась просматривать в дневнике записи о поездке, из которой не так давно вернулась. Потом перешла к событиям последних недель, и на лбу ее появилась складочка; маленький карандаш постукивал по ровным зубкам. Я, нечего и говорить, сидел рядом на подлокотнике и читал вместе с ней.

Суббота, 25 июля

Погода, вопреки обыкновению, хорошая. Ничего себе лето! Ездили с сэром Уильямом в его машине в Феллонбридж. Мило с его стороны. Очень рада, что они с дядей не ссорятся в отличие от некоторых священников и сквайров. Он всегда такой любезный — спрашивал о каникулах, о том, когда начнутся занятия. Домой вернулись в десять минут шестого, как раз к чаю. Старина Билл, кажется, мне обрадовался. Уже расставил стержни для метания колец; не успела снять шляпу, как позвал меня соревноваться.

Воскресенье, 26 июля

Дядя произнес весьма пылкую проповедь на тему «Не судите, да не судимы будете!». Церберша недовольна, потому что он явно намекал на хулителей Мэг Т., которая родила в прошлую пятницу. Церберша возглавляет кампанию против Мэг, и потому эта проповедь для нее как нож острый. Некоторые прихожане подходили пожать ему руку. На заутрене были даже Лори. Оба прямо добрые самаритяне... Да, Ц. опять оказывается в ложном положении. Такова уж ее роль в деревне. Наверное, ужасно ненавидеть собственную тетю и никогда не соглашаться с тем, что она говорит, или делает, или думает. Но я — ненавижу. И пусть она куда

правильнее дяди. Мне она, конечно, не родная тетя, а дядина жена. Большое утешение.

Понедельник, 27 июля

Ох уж этот дурацкий праздник! Только о нем и говорят. Деревню уже видеть не могу, бегала туда сегодня несколько раз. Одолжила десять раскладных стульев, две табуретки, плетеную инвалидную коляску, кресло-каталку для наших больных. Надеюсь, они хорошо развлекутся, чертовы старые снобы. Ходила в таверну (через черный ход!) навестить Мэг Тосстик. Не дали увидеть ни ее, ни ребенка. Ребенка, говорят, вообще никто не видел, кроме самой Мэг и миссис Лори. Миссис Лори раньше была акушеркой, так что и доктора не приглашали. Боюсь, у малыша какое-нибудь уродство, вот его никому и не показывают. С миссис Лори я это не обсуждала, потому что это не мое дело, просто пожелала Мэг поскорее поправиться. Миссис Лори улыбнулась; оказывается, она уже предложила Мэг занять место служанки, как только та достаточно окрепнет. Церберше про свой визит я не говорила. Мне следует изображать высоконравственную и наивную девицу, каковыми, согласно пониманию Ц., могут быть лишь педантичные и отсталые дуры. А Ноэлю рассказала. Он покраснел и сменил тему. Подозреваю, он обещал ей не обсуждать со мной это событие. Как глупо, мне ведь уже восемнадцать!

Вторник, 28 июля

Приходила лапочка Маргарет с дамой по имени миссис Брэдли — совершенно ужасное и удивительное создание. Напоминает ящерицу или... словом, что-то чешуйчато-доисторическое и смеется с каким-то

клохтаньем, люди прямо подсакивают. Маргарет в ней, похоже, души не чает, и мне ужас как противно: эта дама страшна во всех отношениях. Зато она хорошо отделала Цербершу — заявила, что ее «враждебность по отношению к молодой женщине по имени Мэг Госстик — проявление подсознательной ревности». Церберша просто пятнами пошла: она, мол, «даже придумать не может причины, по какой ей испытывать ревность из-за вульгарной молодой особы вроде Госстик». А эта самая Брэдли проигнорировала возражение Ц. и, ухмыляясь, словно индийский крокодил-людоед, высказала предположение, что та «вышла из репродуктивного возраста». С Ц. едва не случился припадок, а Брэдли только улыбалась. Тут уже беседа расстроилась, и пока Ноэль, от смущения бордовый, провожал эту жуткую миссис Борджиа, мы с Маргарет бросились ко мне в спальню и истерически хохотали, уткнувшись в подушки.

Маргарет говорит, у ее отца случился приступ ярости: кто-то из слуг ему надерзил или что-то вроде того. Она ужасно беспокоится.

Думаю, знай мы с Уильямом, что дядя или Церберша в приступе гнева способны кого-нибудь укокошить, вели бы себя тише воды ниже травы.

Утешая Маргарет, я сказала, что сэр Уильям никогда не переступит черту, хотя как раз уверена в обратном. Просто я преклоняюсь перед Маргарет еще со школы; она была у нас старостой, а я — серым мышонком. Я скажу что угодно, лишь бы ее подбодрить.

Миссис Гэтти сообщила о смерти мужа всем, кроме констебля Брауна, но и до него дошли слухи, и он явился к нам и спросил у дяди, как правильно пишется «злонамеренный», и еще высказался в том смысле,

что у бедной старой дамы в голове, по выражению Ноэля, тараканы. Она все время сравнивает его, Брауна, с быком, да еще просит не обижаться — ведь быки, мол, упоминаются в Священном писании, и у них большие красивые грустные глаза, и вообще они лапочки. Браун расфыркался, но дядя его успокоил, предложив подавать в игре против Мач-Хартли. Дядя — самый-самый деликатный человек. Деликатность, я уверена, важнее благочестия... А что касается чистоты, которая по пословице идет вслед за благочестием, то, думаю, бедняге Уильяму ей никогда не научиться... зато Церберше тут нет равных... неправильно это!

Среда, 29 июля

Билл и эта дамочка Борджиа отыскивали Гэтти. Он был в подземной часовне; похоже, мистер Берт, писатель, запер его там, чтобы сделать приятное миссис Гэтти. Не пойму толком.

Мы сильно нервничали, поскольку Билл в девять еще не пришел. За него самого я никогда не волнуюсь, но Церб. задергалась: без четверти девять ему полагается быть дома, и она, мол, не потерпит непослушания. Ноэль поговорил по телефону и ушел. Вернулись они вместе с Биллом.

Четверг, 30 июля

Относится ко вчерашнему дню.

Нам кажется, кто-то хочет навредить Биллу или Ноэлю. Ужас. Думаю, все это подстроили те гадкие люди из Бунгало и в одном согласна с Цербершей: нельзя Биллу к ним ходить. Я бы не прочь пойти туда сама и вытрясти из них правду, но Ноэль так некстати заставил их помогать нам с праздником. А у нас непрелож-

ное правило: тех, кто помогает организовать праздник, ни в коем случае не обижать. Вот будет радость, когда все это кончится!

Церберша приказала Биллу быть дома не позднее семи, и он (напугался, видно, хоть и не признается) честно пообещал.

До чего же мне дороги Маргарет и Билл! Я так их люблю, что, наверное, будь я способна полюбить Церб. — полюбила бы, хотя бы ради них. Но она жутко противная. Не пойму, как только дядя на ней женился? По моему, он ужасно раскаивается. Я так думаю, лет с четырнадцати. Если б они ненавидели друг друга — и то было бы понятнее. Но они даже не ненавидят.

Ноэль... не могу заставить себя писать про Ноэля. Во всяком случае «правду».

Среда, 31 августа

Ужасно, но я боюсь выходить одна. Придумываю предлоги, чтобы брать с собой Билла. Я даже обрадовалась предложению Церберши проводить ее в Олдбери к поставщику провизии. Несчастливая трусиха. А ведь я сама не знаю, чего боюсь. Дядя думает, на Билла с Ноэлем напали мальчишки, и выгнал из хора Боба Мэттерса и Джоуи Бэйлиса, хотя они все отрицают, и Билл им верит. Ноэля пригласили на чай в Манор-Хаус, чтоб ему! Я боюсь.

Она закрыла страницу ладошкой, я засмеялся, поцеловал Дафни, и она кинула дневник на столик.

— По-моему, Борджиа такая же сумасшедшая, как и миссис Гэтти, — сказала она чуть погодя. — Я ее совсем не понимаю. Говорит невозможные вещи и хохочет как гиена.

— Да нет, она ничего, — возразил я, вспомнив о блестящей дедукции, которую миссис Брэдли продемонстрировала, с такой легкостью вычислив, что Гэтти прячется в часовне.

Суббота прошла без приключений. Парк сэра Уильяма являл собой жуткое зрелище: полусобранные карусели и качели-лодочки, затоптанная грязная трава, вывороченный колесами дерн. Несколько деревенских детишек ухитрились пролезть в парк и наблюдали за происходящим. Дафни, миссис Куттс и я находились сразу везде. Доставили кокосы, и Уильяма отправили на тетином велосипеде посмотреть, как они там. Лори опять подал прошение, но ему не позволили торговать на празднике даже минеральной водой. Викарий помогал ставить палатку для гадания; устроители ярмарки возились с шатрами. Один дали займы нам — для закусок — и заплатили положенные пять фунтов. Согласно договору они не имели права портить в парке травяное покрытие. «Ага, щас, жди!» — лаконично выразился по этому поводу Уильям.

Так или иначе вечером мы вернулись домой с чувством выполненного долга. Уж я-то точно. Шел дождь. Сначала моросило, но к семи, когда мы с большим опозданием уселись пить чай, лило уже основательно.

— Нужно, чтобы команда Мач-Хартли подавала первой, — заметил Уильям, разглядывая надкушенный кусок хлеба с вареньем. И хихикнул: — Начни матч не с подач и околпачь Хартли-Мач.

Эта незатейливая шутка веселила его на протяжении всего ужина. Простая душа, что с него взять!

— Мистер Гэтти десятого уезжает — едет в Швейцарию, — неожиданно сообщила Дафни.

— Вот как? — удивилась ее тетя. — Кто сказал?

— Бор... миссис Брэдли. Так нужно — для лечения миссис Гэтти. Только она пока не знает, что он едет.

— Удивительнейшая особа эта миссис Гэтти, — заметил викарий. — Не верю я, что она душевнобольная. Думаю, просто притворяется, чтобы вызвать жалость. А вот ее мужу я сочувствую.

— Еще бы, — едко подтвердила миссис Куттс. Она ничего не ела, зато пила уже вторую чашку чаю.

— Съешь хоть хлеба с маслом, дорогая Кэролайн.

Викарий брился рано утром, и теперь у него на подбородке уже появилась едва заметная щетина. Он, сам того не сознавая, водил по ней рукой.

— Прошу тебя, Бедивер, убери руки от лица. — Миссис Куттс устала и была резка.

Дафни хотела что-то сказать, но тут викарий обратился ко мне:

— Не пойти ли нам в кабинет, Уэллс? Я поделюсь с вами кое-какими соображениями насчет завтрашнего дня.

— Я очень надеюсь, что ты сделаешь заявление по поводу праздника, — вернулась миссис Куттс к теме недельной давности. — И надеюсь, ты будешь говорить убедительно. В прошлом году я от их поведения просто содрогалась!

— Могу лишь сказать, дорогая, — парировал Бедивер, тоже довольно уставший, — что некоторые люди просто любят содрогаться. Не забывай, пожалуйста, никто не принуждает тебя сидеть на празднике и содрогаться. Прояви немного великодушия и возвращайся в понедельник домой пораньше, вот мой тебе совет!

Наверняка, еще не договорив, Куттс уже пожалел о своем выпаде, хотя никогда бы в том не признался. И никто не признался бы в своей неправоте перед

миссис Куттс. Таким уж она отличалась неприятным нравом.

Викарий поднялся, кивком пригласил меня идти с ним и вышел. Я не двинулся с места: страшно было уходить вот так сразу. Миссис Куттс опустила голову и заплакала. Уильям топтался у стола и в горестном смущении пинал каминную решетку. Он понимал, что хорошо бы что-то сказать или сделать. Вид льющей слезы тети вызвал у него самые тяжелые чувства. Удары о каминную решетку, однако, ее доконали. Как и наше с Дафни присутствие. Подняв голову, она сквозь слезы уставилась на племянника и сердито крикнула:

— Уходи отсюда! Опять стучишь! Вечно стучишь и гремишь!

И мы, все трое, ушли. Что еще оставалось? Настроение у нас было препоганое, даже у Дафни, хоть она и терпеть не могла свою тетю.

Глава IV

ФОРТЕЛИ НА ПАПЕРТИ И В ТАВЕРНЕ

Миссис Куттс завершила воскресный завтрак третьей чашкой чаю и очередным воззванием к супругу — заклеить с кафедры тех, кто позволит себе на следующий день вольности. Викарий молча отправился наверх переобуться.

Служба по большей части прошла как всегда. Необычным было лишь то, что рядом с миссис Гэтти сидела морщинистая желтолицая дама с маленькими черными глазками, а мистер Гэтти, никогда не пропускавший воскресные службы во время своего пребывания

в Солтмарш, отсутствовал. Зато пришли Берт с Корой. Очень странно.

Когда служба закончилась и викарий произнес благословение, миссис Гэтти немедленно поднялась с колен и по главному проходу направилась к дверям. Миссис Брэдли поспешила следом. Остальные прихожане, дождавшись, пока мы с викарием пройдем в ризницу, тоже устремились на улицу. А дальше оставалось только удивляться. Когда все вышли, миссис Гэтти, встав у старой надколотой чаши для святой воды, указала пальцем на сквайра и четко произнесла:

— Был львом, а убиен челюстью ослиной.

Таким экстравагантным манером она намекала на то, что сэр Уильям, будучи на военной службе, счел должным подать прошение об отставке из-за пущенной о нем злобной сплетни. От слов миссис Гэтти он страшно покраснел и, послав ей пристальный взгляд, быстро двинулся к покойницким воротам, почти волоча за собой державшую его под руку Маргарет. Тогда миссис Гэтти переключила внимание на хозяина таверны, лысого здоровяка с бледной физиономией и водянистыми глазами. Мне он никогда не нравился, хоть и доставал нам кокосы по дешевке и казался человеком добродушным.

— Ты — свинья нечистая, свинья, вот кто ты! — произнесла она.

Хозяин таверны улыбнулся с редким самообладанием.

— Именно так, миссис Гэтти. — Улыбаясь, он делался гораздо симпатичнее.

И сразу ушел.

Следующим на глаза миссис Гэтти попался я. Мы с викарием как раз подошли к двери в ризницу.

— Козленок! Молодой козлик!

Я, кажется, покраснел, но все-таки засмеялся и сказал:

— Оставьте, миссис Гэтти. — И хотел что-то добавить, но миссис Брэдли сделала мне знак уйти. И почему люди слушаются эту маленькую старушку?

Брэнсом Бернс, финансист, был назван акулой. В ответ он лишь приподнял шляпу и поспешил за сквайром и его дочерью. Наверное, его не впервые так называли. Внимания миссис Гэтти удостоились и некоторые другие. Миссис Брэдли вскоре увела ее, но викария спасти не успела. Куттса сравнили с крутолобым бычком, его жену — с верблюдицей, а бедную Дафни — с заносчивым жирафом; совершенная клевета, и в другое время я бы не преминул на это указать. Дафни держалась хорошо, даже похихикала, и мы отправились домой, сопровождаемые едкими замечаниями хозяйки Моут-Хауса. К счастью, идти было не больше тридцати ярдов.

— Интересно, а куда подевался мистер Гэтти? — спросила Дафни, едва я повесил шляпу на крючок. Шляпу я вообще-то ношу только по воскресеньям. — Не пойти ли нам в кабинет, Уэллс? Я поделюсь с вами некоторыми соображениями на этот счет.

В тот день мне предстояло проводить вечернюю службу, а в таких случаях, не знаю почему, я всегда держусь. Утром все проходит отлично, зато, как поется в одном гимне, «в торжественный вечерний час», у меня поджилки трясутся. Викарий не хотел, чтоб я читал проповедь по бумажке. По его мнению, сельчане этого не любят, и нечего и говорить, так оно и есть. Словом, мне по множеству причин следовало хорошенько подготовиться, но я решил, что еще успею, и,

закрыв за нами дверь кабинета, заключил любимую в объятия. Затем, переведя дух и в последний раз полюбовавшись Дафни, я целиком ушел в подготовку вечерней проповеди и больше получаса сочинял текст на тему «потекут — и не устанут, пойдут — и не утомятся»*.

Слушали даже мальчишки из хора. Наверное, ждали каких-нибудь намеков насчет завтрашних соревнований. Отчасти так и вышло, потому что я среди прочего говорил о добродетели воздержанности. Вообще-то я в преддверии Августовского выходного прочел как раз такую проповедь, какую миссис Куттс жаждала услышать от самого викария. Оба меня потом поздравляли, а Дафни, держась за мои лацканы, твердила, что проповедь прекрасная и мне нужно сегодня же вечером попросить у дяди согласия на нашу помолвку.

— А если он откажет? — спросил я.

— Тогда, старичок, я за тебя не выйду.

То был, нечего и говорить, сильный удар, ибо я не очень надеялся, что пока Дафни нет даже девятнадцати, Куттс позволит ей связать себя обещанием. Однако удача меня не покидала. Викарий выслушал и спросил, каковы мои виды на будущее. Поскольку из полученных тридцати тысяч фунтов двадцать я отдал матери и сестрам, у меня оставалось десять. Это его устроило; он сказал также, что меня ждет епископский сан.

— Вы человек практичный, — добавил он. — Сейчас, правда, рано играть свадьбу: Дафни слишком молода. Вы и сами все отлично понимаете.

У Дафни я потом спросил:

* Исайя, 40:31. «А надеющиеся на Господа обновятся в силе: поднимут крылья, как орлы, потекут — и не устанут, пойдут — и не утомятся».

— А ты всерьез говорила, что не пойдешь за меня без дядиного согласия?

— Да. Я так рада, что он согласился.

И я тоже радовался — до следующего вечера, когда в «Гербе Морнингтона» случился скандал. Нужно сказать, викарий все сделал, чтобы городской совет запретил продажу спиртного по воскресеньям, но, поскольку Лори пообещал открывать бар только после восьми, когда вечерняя служба окончена, то ему разрешили.

А скандал случился по вине бармена Боба Кэнди. Видимо, Боб пытался прорваться к Мэг и выпытать, кто отец ребенка, и даже отпихнул с дороги миссис Лори. Она позвала на помощь самого хозяина, и тот приказал Бобу убираться. Тогда Боб накинулся на них и стал при всех обвинять — они, дескать, угрозами заставили девушку молчать. Разозленные Лори пытались его перекричать; потом пятеро посетителей скрутили Боба, пока он не впал в совершенное буйство, и заперли в дровяном сарае, причем отнюдь не церемонились; поскольку Боб работал еще и вышибалой, у многих наверняка имелись к нему старые счета.

В дровяном сарае бедняга поостыл — наверное, из-за своей несчастной наследственности, он ужасно боялся темноты — и стал извиняться перед миссис Лори и умолять, чтоб его выпустили. Ему сказали, что Мэг Тосстик никто не запугивает, напротив, с ней обращаются как с родной дочерью, а наш славный викарий — старина Куттс, значит — просил всячески ей помогать. Все это тоже говорилось при свидетелях.

Да, интересный вышел вечерок. Лично у меня тоже случилась одна неприятность. На ночь глядя, то есть часов в одиннадцать, ко мне явился Боб Кэнди, рас-

строенный потасовкой в баре, и отказался участвовать в завтрашнем матче.

То была, нечего и говорить, серьезная потеря. Боб хоть и не гений крикета, но такие ребята есть не во всякой деревенской команде — сообразительные и с хорошей реакцией. Если он в ударе, его с поля не выбить. Мы всегда ставим его бэтсменом. На вид он спокойный, как буйвол, зато легко возбуждается и, когда готовится к удару, взвинчивает себя до предела. Я не однажды, а раз двадцать видел, как он владеет битой. Безошибочно определяет, какой мяч ему по силам. Биту держит, словно с ней родился.

Зато второго такого скверного полевого игрока не найдешь, хоть две недели ищи по всем графствам. Его ставили средне-правым, потому что деревенские крикетисты бьют по ногам: привычка работать косой. Такие удары у них в крови. Впрочем, Боб в трудной ситуации не подведет. А когда нужно обратиться к судье, рыкает басом, точно лев. Это хорошо при таком арбитре, как сэр Уильям, который хоть и старается для деревни по мере сил, крикетом интересуется не особенно. Неспортивно, нечего и говорить, но таков уж деревенский крикет. И тем он спортивнее, если можно так выразиться.

Итак, отказ Боба был настоящим ударом. Никакой серьезной причины он не назвал, сказал только, что Лори дал ему выходной до шести, а идти на праздник ему не хочется. Ужасная досада. Спорили целый час, но совершенно без толку. Несчастный болван уперся. Однако несмотря ни на что, я ликовал. Когда я уснул, мне приснилась Дафни. Какой-то смутный сон, ничего конкретного, помню лишь ощущение чего-то радостного.

В половине седьмого меня разбудил Уильям. Просил покидать мяч. Я был так бодр, что с удовольствием вылез из теплой мягкой постели и пошел с ним!

Глава V ДЕРЕВЕНСКИЙ ПРАЗДНИК

Праздник растянулся на целый день. За вход платили по шесть пенсов; мы с Дафни наделали билетов с отрывными талончиками, чтобы люди — им ведь нужно пойти пообедать, а вечером выпить чаю — не платили еще раз. На ярмарку шли из всех окрестных деревень, приехала и целая компания на автобусах с ближайшего морского курорта Уаймут-Харбор. Мы рассчитывали получить не меньше двенадцати фунтов за билеты, пять фунтов от организаторов ярмарки, не меньше двадцати за закуски (не чистая прибыль — предстояло заплатить еще поставщикам) и не меньше пяти за организованные нами развлечения. Самым прибыльным из них было сбивание кокосов, но и на аттракцион «Предсказание судьбы» — наше нововведение! — возлагались немалые надежды. Устроить его днем мы не могли из-за крикета. Матч кончился ровно в шесть, и у меня оставался час, чтобы принять душ, переодеться, выпить чаю и пробраться потихоньку в палатку.

Матч начался в половине одиннадцатого. Мы отбивали первыми и набрали сто пять очков, причем я набрал тридцать, и даже викарий — целых двадцать семь. Вместо отказавшегося играть Кэнди мы, посоветовавшись с капитаном противника — здоровенным де-

тиной по фамилии Могстон, — поставили Дафни, и она успела набрать двадцать шесть.

Когда первый иннинг кончился, было уже два, и мы сделали перерыв; у Мач-Хартли оставалось три часа, чтобы отыгаться.

— Постараемся их выбить, — сказал викарий. Констебль Браун подавал первым, потом — я.

Игроков мы расставили так, чтобы Дафни оказалась у ворот — слабые подачи Брауна перехватить было нетрудно, а к моим она привыкла. Второй мяч их бэтсмен отбил прямо нашему полевому игроку. Будь то Боб Кэнди, он бы как пить дать зевнул, а этот, известный повсеместно под именем Уильям Куттс, легко его взял и мигом воззвал к арбитру. Арбитр, сэр Уильям, вздрогнул, пробудился и удалил бэтсмена. Следующий бэтсмен играл очень осторожно, но потом Дафни ловко перехватила у него мой мяч, и вот уже второй соперник отправился с поля долой. В итоге за два часа сорок пять минут мы выбили всех, дав им набрать семьдесят девять очков.

Мы с Дафни побежали домой, Уильям рванул прямиком на праздник, а викарий остался угощать чаем команду Мач-Хартли. Сквайр тоже отправился пить чай, пообещав вернуться и помочь при вручении призов.

— Странно получилось с Бобом Кэнди, — заметила Дафни. Она зашивала меня в цыганскую юбку, чтобы я в порыве вдохновения не выскочил из нее прямо во время сеанса. — Он ведь обожает крикет.

Про Боба я ей еще не рассказал. По правде говоря, теперь, когда затея с гаданием близилась к осуществлению, у меня жутко тряслись поджилки. Да еще я восемь часов пробыл на свежем воздухе и теперь едва ползал. Однако свое коварное дело следовало довести до

конца, и вот, накинув поверх рабочего наряда плащ и сунув парик, шляпу и бороду в небольшой саквояж, я двинулся на ярмарку. Мне удалось пробраться в палатку незаметно. Уильям, которому полагалось стоять у входа и дуть в горн для привлечения публики, уже занял свое место. Он сунул голову в палатку и сказал:

— Игра в кокосы идет отлично, Ноэль. Мистер Берт самое то для этого дела, да и старый Фрозблауэр ему помогает, как путевый. Вы-то сами как?

— Паршиво. — Я достал свои «украшения», нацепил. — Вид у меня нормальный?

— Что надо. Мне начинать?

— Наверное.

В маленькой палатке стоял столик и два стула. На столе — блюде, на нем — две свечи, которые я зажег, перед тем как облачиться в парик и бороду. На темной стене палатки зловеще белел вырезанный из ситца череп.

Уильям тем временем приставил горн к губам и затрубил.

Думаю, в целом представление у меня вышло неплохое. С местными, нечего и говорить, получалось лучше, чем с чужими, я ведь много про них знал. Чтобы никто ничего не заподозрил, пришла ко мне и Дафни. Пока я разглядывал ее ладошку, она тихонько проговорила:

— Чуть-чуть осталось, милый. Крепись! Через минутку начнутся танцы. Церберша, думаю, уже изволила удалиться — ее давно не видно. Закончишь — и сразу пойдем домой. Устала страшно. Уильяма забираем с собой. Так она велела. Бедняга, он-то еще совсем не нагулялся.

— А Берт как справляется?

— Отлично. И его дама тоже. Мне оба нравятся. Она, может, и скверная женщина, хотя тут я Церберше не очень верю, но сердце у нее ужасно доброе. Ты знаешь, у дяди вышла жуткая заварушка с сэром Уильямом из-за детских состязаний! Глупости, конечно, но, говорят, был ужас какой скандал. И ведь из-за пустяка. Помнишь, дядя выгнал из хора двоих мальчишек? Так они заявили, что имеют право участвовать в соревнованиях, поскольку списки составлялись, когда они еще были в хоре, а дядя нипочем не соглашался. К несчастью, их забег проходил, пока дядя играл в крикет, и оба мальчика вышли в финал. Паршиво то, что сэр Уильям встал на их сторону. Дядя пришел в ярость, но держал себя в руках. А сэр Уильям не удержался и назвал его «каким-то там попом», да еще при всех. Дядя дал ему в глаз, и началась жуткая сумятица. Всем стало не до соревнований. Сэр Уильям ушел страшно разозленный, глаз у него уже начал заплывать. Ну разве не паршиво, что вот так случилось?

Я согласился и хотел уже расспросить о подробностях, когда полог палатки откинулся и к нам сунул голову Билл.

— Ноэль! Тетя Кэролайн здесь, и вы ей срочно нужны! Дядя все еще не пришел, а уже почти десять, и она слышала о его ссоре с сэром Уильямом. Говорит, она знает, каков у сэра Уильяма нрав, и теперь боится до смерти. Она прямо не в себе, вы давайте скорее, такое дело!

Я тоже знал, какой нрав у сквайра. Разве я не видел, как он чуть не задушил финансиста Бернса из-за собаки? Так что же он сделает, если ему врезали на глазах у всей деревни? Я стащил шляпу, парик и бороду, накиннул плащ, задул свечи и, сопровождаемый Даф-

ни, выбежал из палатки. Вместе с Уильямом мы поспешили домой.

Миссис Куттс, нечего и говорить, в истерике не билась, не такой у нее характер. Однако она страшно побелела и пошатывалась. Я вызвался разыскать сэра Уильяма и спросить, известно ли ему о передвижениях викария после того, как тот ушел с праздника. Дафни хотела идти со мной, но, как ни желал я ее общества, следовало оставить кого-то с миссис Куттс. Уильяма я тоже не взял, чтобы не добавлять его тете волнений. И один пошел в Манор-Хаус посмотреть, что к чему.

Все, кроме миссис Брэдли, уже легли. Слуги были на празднике, и потому она сама открыла и впустила меня.

Из парка, через который я только что прошел, доносились звуки духового оркестра, игравшего на танцах. Мы направились в библиотеку, где в камине горел маленький, но веселый огонек. Усадив меня, она спросила, не нужно ли мне позолотить ручку. Вот в каком я был состоянии — совершенно забыл, что на мне наряд цыганки! Мой распахнувшийся плащ, нечего и говорить, открыл ястребиному взору миссис Брэдли красную юбку. Я нахмурился и покачал головой.

— Нет, у меня весьма важная новость. Викария нигде нет. У него вышла... э-э... размолвка с сэром Уильямом сегодня вечером, и мы волнуемся, ведь...

— Бедняга, возможно, лежит где-нибудь в карьере со сломанной шеей, — продолжила эта жуткая дама.

— Я серьезно, — сдержанно ответил я. Ее шутка показалась мне неуместной.

— Так и я тоже, молодой человек. — И она ткнула меня под ребро твердым, как железный болт, пальцем. — Значит, нужно поспешить — вдруг он еще жив.

— А сэр Уильям дома?

— Да. И вообще я не верю, что он мог причинить викарию вред, однако пойдем и проверим.

— Но не в каменоломни же?

— Почему нет? Я всегда считала их сущим подарком для недалекого убийцы, у которого все же достанет сообразительности столкнуть жертву вниз и оставить умирать, а потом просто держать рот на замке, а нервы в узде.

— А как же следы?

— Детский сад! — бросила миссис Брэдли с неприятно задевшей меня колкостью. Я из тех мужчин, которые считают женщин нежным полом, и все такое.

Потом мы шли через парк, пробираясь сквозь толпы народа. Мы заглянули к констеблю Брауну, прихватили с собой и его, и двоих его квартирантов, студентов Миллера и Бонда, приехавших в Солтмарш позаниматься в тишине, и двинулись к дому викария проверить, не вернулся ли Куттс. Он не вернулся. Пришлось заткнуть уши, чтобы не слышать нытья Уильяма, рвавшегося пойти с нами.

Мы отправились на каменоломни. У миссис Брэдли был мощный фонарик, Браун взял свой полицейский фонарь, а студенты сняли фары с велосипеда и автомобиля.

Я шел с миссис Брэдли, и, когда мы поднимались по неровной тропе, ведущей в каменоломни, меня посетила мысль, которой я и поделился с Брауном.

— Мистер Берт, — он живет вон там, в Бунгало, — мог бы помочь нам в поисках. Не позвать ли его?

Браун, изнывающий под бременем тяжелой ответственности за сверхъестественное исчезновение Куттса,

согласился, и мы двинулись по направлению к Бунгало.

В двух комнатах горел свет. Я постучал, но нам не открыли. Странно. Я постучал снова и стал ждать: никакой реакции. Наверное, Берт с Корой на празднике, решили мы и отправились дальше.

Эти каменоломни даже днем наводили на меня тоску. Ночью же там было просто страшно. Я думал о неогороженных карьерах, пытался вспомнить, где они находятся. Мы медленно продвигались по тропке, протоптанной частично человеческими ногами, частично копытами овец и пони. По дороге мы кричали, и нам отвечало необычное эхо. Некоторое время мы шли гуськом, потом миссис Брэдли сказала:

— Думаю, на следующей развилке нам лучше разделиться.

Поскольку у меня не было фонаря, я пошел за ней. За нами двинулся Миллер, а Бонд и Браун свернули налево.

Часа два мы кричали и прислушивались. Спускаться в карьеры не имело смысла; к тому же это было крайне опасно. Друг за другом мы следили по свету фонарей. Наконец, словно сговорившись, опять собрались вместе и решили вернуться в деревню. Констебль, наверное, не переставал удивляться, с чего вдруг мы все отправились на каменоломни, да и мне мысль о том, что сквайр в результате ссоры мог нанести викарию смертельное увечье, стала казаться смешной.

— Он, наверное, уже дома и клянет меня за паникерство, — сказал я миссис Брэдли.

— Очень хочется на это надеяться, молодой человек, — ответила она.

Я предложил проводить ее домой, но она и слышать не хотела; я, однако, не мог не выполнить долг перед слабым полом и потому поплелся за ней. Так, гуськом, мы все прошли через парк, где от нас отделились остальные участники поисков, и добрались до дверей Манор-Хауса.

Открыл нам сам хозяин; он был в пижаме.

— А, сэр Уильям, — сказала миссис Брэдли. — И где же вы оставили викария?

— Викария? Да на спортивном поле, чтоб он провалился! Упрямый, недалекий, самодовольный осел! — Тут он разглядел позади миссис Брэдли меня и добавил: — Да! И можете так ему и передать, Уэллс!

— То есть вы его не убивали? — по-идиотски спросил я.

— Да я бы с удовольствием, — злобно бросил сэр Уильям. — Так вы входите или нет? Давайте решайте, а то я, черт побери, хочу наконец закрыть дверь!

— Спокойной ночи. И вам, миссис Брэдли, — кротко сказал я. И побежал домой.

Там был и Браун, и студенты — все, кроме миссис Куттс. Она пришла минут через десять — белая как мел, — села за стол и забарабанила пальцами по скатерти. Она ходила проверять аллеи в парке.

Старина Браун снял шлем и, почесывая в затылке, твердил, что до утра ничего не сделаешь. Уильям стоял рядом с тетей, совершенно измотанный и напуганный. Бедняжка Дафни плакала, а два студента пытались подавлять зевки и изображали озабоченность. Было за полночь, и мы уже дошли до ручки.

Мне удалось убедить всех, что сквайр не нанес мистеру Куттсу никаких повреждений, и некоторый эф-

фект это возымело. Браун и студенты стали поглядывать на дверь, Дафни выпрямилась и вытерла глаза, а у миссис Куттс на щеках появились розовые пятна. А юный Уильям вдруг завопил:

— Ух ты!! Его миссис Гэтти заперла, точно говорю! В часовне, как мистера Гэтти!

Все были потрясены. Какое разумное предположение! С нее вполне станется. И мы с Брауном отправились в Моут-Хаус, оставив Бонда и Миллера держать оборону.

Гэтти уже легли и незванным гостям не слишком обрадовались. Старый Гэтти, когда его вытащили из постели, чтобы задать несколько важных вопросов, не скрывал недовольства и сам стал спрашивать, какого, мол, черта, и все такое прочее. Оказалось, эта пташка спит в ночной рубашке! Нам прямо неловко было.

Услышав новость, он успокоился и стал сама любезность. Отправился в спальню — беседовали мы в гостиной, и с лестницы второго этажа на нас тарацились перепуганные горничная и кухарка — и поднял с постели миссис Гэтти. Она вышла в пеньюаре, в волосах — папильотки, на носу — золотые очки. То ли она и спит в них, то ли без них чувствует себя неодетой.

— Викарий? — переспросила она.

— Да, — отвечали мы.

— Надо же!

— Да.

— Пропал?

— Да.

— Знаете что, — начала миссис Гэтти с видом человека, на которого снизошло озарение. — Он, должно быть, провалился в какой-нибудь карьер. Опасные там места, я всегда говорила.

Она казалась совершенно нормальной, а вот старина Гэтти смотрел на нас, словно хотел сказать: «Мы еще и не на такие фокусы способны!»

Мы откланялись и пошли по домам.

Уильяма отправили спать, и кое-как я уговорил остальных последовать его примеру. Миссис Куттс, наверное, всю ночь пролежала не сомкнув глаз; она не стала запирасть входную дверь на щеколду, чтобы викарий, если придет, мог сам попасть в дом. Я завалился в кровать и уснул. Очень уж я вымотался — весь день то одно, то другое.

Глава VI ПОЧИТАТЕЛИ ДИККЕНСА

Утром, примерно в половине шестого, меня разбудил Уильям Куттс. Я открыл глаза и увидел над собой его лицо — вспотевшее, сияющее нечестивой радостью и волнением.

— Слушайте, Ноэль! Да вставайте же, балда эдакий, послушайте меня! Ноэль! Ноэль!!

Он энергично меня толкал и пыхтел в мое правое ухо — я лежал на левом боку. Первой моей мыслью было, что я каким-то образом опять очутился в школе; я сел в кровати, обдумывая, как я сейчас схвачу этого умника и надаю ему тумаков. Потом, опознав обидчика, я вернулся к реальности, протер глаза и собрался его хорошенько обругать. Однако не успел я подобрать приличествующие случаю выражения, как Уильям сказал:

— Вставайте! — И добавил: — Я его нашел!

— Что? — Теперь уж я совсем проснулся. — Где?

— В загончике. Не могу его вытащить. Он на цепи.

Не тратя времени на переваривание столь удивительной новости, я натянул рубашку и брюки, сунул ноги в туфли, не забыв, конечно, завязать шнурки, и через двадцать секунд скатился вслед за Уильямом по лестнице.

В деревне посреди небольшого скверика есть загончик для потерявшегося скота. Можно сказать, исторический памятник — никто им никогда не пользовался. А теперь сюда угодил викарий. В середине загона в землю воткнули шест, и к нему-то и привязали Куттса — собачьей цепью с ошейником. Рот ему заткнули шоферской перчаткой и замотали портянкой (есть, кажется, такой предмет одежды у военных). Руки ему связали, и вид у него был самый что ни на есть дикий и срамной. Ошейник застегнули на замок, но мне кое-как удалось открепить цепь и вынуть кляп.

— Не пытайтесь разговаривать, сэр, — сказал я. — Ладно еще Уильям нашел вас так рано.

Викария основательно поколотили — разбили рот, а кожа на костяшках пальцев была сильно содрана.

— Да уж, — заметил он с мрачным, как выражаются в книгах, удовлетворением. — Будь то местные хулиганы — их мигом бы разыскали. Я уверен — совершенно уверен! — что понаставил им отметин.

Разговаривали мы уже после того, как он отдохнул и поел хлеба с молоком. Я от души плеснул ему в тюрю бренди. Миссис Куттс начала протестовать, но мы впервые в жизни не обратили на нее внимания. Я и сам сторонник трезвости, однако, если кто когда и нуждался — именно нуждался! — в глоточке янтарного зелья, так это бедный старина Куттс. Он был едва жив и не

валился с ног только за счет жуткой злости на обидчиков. Рассказал он презанятные вещи; выслушав, я немедленно заявил:

— Миссис Брэдли — вот кто непременно во всем разберется!

Вкратце история произошла следующая.

После потасовки с сэром Уильямом старина Куттс отправился по своему обыкновению домой, налил себе стаканчик лимонада, взял хлеба с сыром и пригоршню изюма и уселся перед приемником, собираясь провести приятный вечерок. Однако из-за ссоры ему было не по себе, да еще по радио постоянно шли помехи — какая-то дурацкая зарубежная радиостанция глушила концерт, который он хотел послушать. Будучи сыт по горло, викарий решил прогуляться, причем как можно дальше от веселящихся прихожан.

Пока он возился с приемником, пытаясь избавиться от помех, пока перекусывал, прошло много времени, и потому, когда он уходил из дому, было, наверное, около девяти или чуть больше. Желая держаться подальше от парка, где тарахтел оркестр, викарий отправился в сторону каменоломен — к бухте. Шагал он быстро, немного устал и потому присел на камень у воды полюбоваться морем, а потом решил искупаться. Он, нечего и говорить, в душе спартанец, наш старик.

Уже почти совсем стемнело. (До бухты от дома викария не меньше полутора часов ходьбы.) Он разделся, сложил одежду у входа в пещеру. Прилив почти закончился. Поплавав совсем немножко, Куттс начал вытираться носовым платком — никогда, кстати, не пробовали? — и тут, к его удивлению, со стороны моря кто-то три раза махнул фонарем, видимо, с борта корабля. Викарию стало любопытно, потому что с чего бы како-

му-то судну бросать здесь якорь? Ведь это довольно рискованно. Очевидно, корабль стоял у пустынного острова под названием Скэлл Рок; однако проход к острову, загроможденный подводными рифами, знали очень немногие, и только местные жители. Большое судно здесь пройти не могло, и даже маленькое сильно рисковало. Да и незачем тут причаливать, потому что рядом хорошая гавань, где фарватер помечен буйами.

Викарий протер глаза и попытался разглядеть, кто там. Тут прямо в него уперся луч судового прожектора и сразу отскочил. А фонарь опять три раза переместился туда-сюда, только теперь он горел чуть повыше, как будто на мостике.

Все это казалось странным, но викарию стало холодно, и он немного побегал, чтобы согреться, и начал одеваться. Когда он уже нагнулся за шляпой, кто-то, подкравшись тихо, точно кошка, сильно ударил его в спину, и викарий упал. Не успел Куттс ничего сообразить, как сверху на него навалились, и он задал хулигану от души (если судить по костяшкам его пальцев, то так оно и было). Однако тут подоспел второй, и Куттса мигом скрутили, заткнули ему рот, завязали глаза и потащили окольными путями к загончику. Вот ирония судьбы — похитители наверняка заметили наши фонари, когда мы искали Куттса. Или же он к тому времени был в загончике... Все деревенские либо веселились на празднике, либо спали. По мнению викария, похитителей никто не видел. Ясное дело! И все равно какая наглость! Нападавшие вычернили себе лица. Старый разбойничий прием. И ни один не произнес ни слова. Переговаривались мычанием. А ведь трудно узнать человека по мычанию, тому свидетельством разные нудные салонные игры, хорошо нам всем извест-

ные. Одна называется «Чей пишит поросеночек?», а другая как-то еще... И вот, переговариваясь с помощью мычания, они воткнули посреди загона шест и поступили с викарием, как я уже описал. Повязку с глаз сняли, а кляп оставили.

Мы пытались разобраться, кто же это был, но викарый никого не разглядел и не узнал. Ведь уже совсем стемнело, он их, по сути, вообще не видел. Искать нужно, сказал он, двоих здоровенных парней, у одного из которых физиономия такая, словно он врезался в поезд.

— Второго я вообще не достал, зато первый похож на букварь в многодетной семье, — похвалился Куттс. — И если они местные...

Вмешивать в это дело миссис Брэдли викарый не хотел, но я настаивал, и он уступил. Мы с Дафни пошли к Манор-Хаусу; мне, в частности, не терпелось взглянуть на сэра Уильяма. Он человек крупный. Правда, мне как-то не верилось, что он станет чернить лицо или звать на помощь какого-нибудь отчаянного головореза, чтобы расквитаться за личную обиду. С другой стороны, они с викарием ужасно поссорились, и совпадение выходило очень странное.

Нрав у сэра Уильяма бешеный, а викарый из чувства собственного достоинства мог просто не открыть имени обидчика, даже если и узнал его...

Я как раз объяснял все это Дафни, когда мы подошли к воротам парка и направились к дому сэра Уильяма.

Что говорить об утре после праздника, о гадости запустения...

Парк являл собой ужасное зрелище. Куски дерна выворочены, трава затоптана, замусорена клочками бу-

маги, банановой и апельсиновой кожурой, битыми бутылками, конфетти. На дорожке валялась шляпа, три разные перчатки (это я говорю лишь об увиденном по пути!), обертки от шоколада, куски кокосовой кожуры — всем свинарникам свинарник. Я состою в обществе борьбы за чистоту и отлично знаю, что может натворить толпа — гидра многоголовая, но, честное слово, никогда не видел ничего подобного тому, что делалось в парке сэра Уильяма в то августовское утро. А ведь еще ночь выдалась без дождя, иначе было бы куда хуже. Нет, словами не передать, ужас, настоящий ужас!

Лицо у сэра Уильяма было в порядке, если не считать заплывшего глаза, куда ему врезал викарий. Сэр Уильям выслушал наш рассказ, а с ним — миссис Брэдли, Брэнсом Бернс, финансист, Маргарет Кингстон-Фокс и стоявший у стола дворецкий Стори. Последний, желая обратить на себя внимание, кашлянул.

— Если позволите, сэр Уильям...

— Да?

— Вероятно, это контрабандисты взяли за старое.

— Глупости, Стори, мы же не в Америке!

— Конечно, сэр Уильям. Мне просто вспомнилось, что во времена моего прадеда в нашей гавани орудовали контрабандисты. Мне даже доводилось слышать о существовании подземного хода, ведущего в таверну, хотя теперь, думаю, он засыпан.

— Послушайте, Уэллс, — неожиданно обратился ко мне сэр Уильям. — Дело-то нешуточное. Как мировой судья, должен сказать, что это весьма серьезно. Викарий деревни Солтмарш подвергся нападению в собственном приходе! Случай беспрецедентный! Он им, говорите, тоже задал?

— Одному, сэр Уильям, — ответил я, сохраняя серьезное выражение лица. Ведь он сам едва не создал прецедент, просто викарий врезал ему первым.

Дафни заметила:

— Да уж, бедные его руки.

— Ага! Значит, нам остается найти парня, которого викарий так отделал, узнать от него имя сообщника и отправить обоих негодяев на каторжные работы. — И сэр Уильям осторожно потрогал ушибленный глаз.

Маргарет заметила:

— Они, видимо, не местные, папа.

Миссис Брэдли спросила:

— В загончике, говорите?

— Да.

— Любопытно. Ведь только что, в воскресенье, миссис Гэтти назвала его быком. Бык забрел в чьи-то владения, и его заперли в загоне.

Она уставилась на меня своими черными глазками.

— Вы читали «Записки Пиквикского клуба», молодой человек?

— Да, я читал. — Нужно сказать, я вообще обожаю эту книгу.

— Ага. Немного Диккенса, немного Гэтти — и вырисовывается любопытная ситуация.

Она издала свое обычное жуткое клохтанье и принялась за жареные почки и ветчину. (Мы явились прямо во время завтрака.)

— О чем вы, миссис Брэдли? — спросил я.

С дьявольской усмешкой она погрозила мне вилкой.

— Что произошло, когда капитан Болдуиг нашел спящего в тачке мистера Пиквика?

— Это когда они охотились?

— Да, а потом он хорошенько закусил и в тачку рухнул без сил. — И миссис Брэдли радостно гукнула, довольная своей остротой.

— Капитан Болдуиг велел слуге отвезти мистера Пиквика в загон для потерявшейся скотины. Но Пиквик, кажется, нарушил границы частных владений? А мистер Куттс никаких границ не нарушал. Он...

— Оказался там, где был совершенно лишний, — закончила миссис Брэдли.

— Ясно! — воскликнул я. — Возьму помощников, и мы пойдем к тому месту и посмотрим, что будет. Думаю, впятером или вшестером с двумя хулиганами мы точно управимся.

— Не ходи, Ноэль, — вмешалась Дафни.

— Пусть идет, девочка. Совершенно ничего не случится, — успокоила ее миссис Брэдли.

— Откуда вы знаете? — сказал сквайр. — Я сам с вами пойду, Уэллс, и возьму полдюжины ребят, которым полностью доверяю. Встретимся возле дома Берта в девять вечера.

Приключение намечалось увлекательное, и идя по деревенской улице, я чувствовал себя точно глава чикагской полиции, готовящийся очистить город от криминальных элементов.

Однако вышло иначе. Когда мы и вправду отправились проверять берег, искать уже пришлось не тех, кто напал на викария, а человека, убившего Мэг Тосстик.

Словно мало было таинственных слухов вокруг бедной девочки, так теперь нам довелось узнать, что между девятью и половиной одиннадцатого в ночь праздника несчастную задушили и что ребенка нигде нет. Она расставалась с жизнью, а народ вовсю танцевал, а я, наверное, как раз гадал самым последним клиентам.

Никогда еще не получал я таких ужасных, таких страшных известий.

Вскоре после нашего с Дафни возвращения из Манор-Хауса к викарию явился уставший и запыхавшийся констебль Браун и рассказал о случившемся. Куттсу пришлось в свою очередь поведать о ночном приключении; утаить его он не мог, поскольку ему сильно досталось.

Старина Браун горестно вздохнул.

— Попомните мои слова, сэр, — значительно произнес он. — Это все одна банда. Чего они, интересно, хотят?

— А как ее убили? — спросила миссис Куттс.

— Задушили вязаным шелковым галстуком. Он был у нее на шее, и завязан спереди, ну, словно кто-то вроде бы в шутку обмотал ей шею, а потом сделал турникет из деревянных плечиков для одежды. Да, мэм, зрелище не из приятных. Вот уж бедняжка так бедняжка. Еще ее стукнули по голове, но доктор говорит, умерла она от удушения.

Вот так мы узнали новость.

Брауна вызвал на место преступления Лори после того, как миссис Лори, принеся девушке завтрак — та еще почти не вставала, — увидела ужасную картину. Браун вызвал доктора Фосса, потом позвонил в полицейский участок в Уаймут-Харборе, и ему сказали, что пришлют инспектора.

В тот день Браун сделался важной персоной, да и супругам Лори досталось немало славы. У входа в таверну постоянно околачивалась небольшая толпа, а мальчишки неотступно сопровождали Брауна.

Как ни посмотри, дело это казалось необъяснимым. Понятно, если девушку убивают до рождения ребенка;

тогда уж, что называется, концы в воду. Таких примеров полно — могут и тело изуродовать, и голову отрезать, чтобы никто жертву не опознал, — и все в таком духе. Однако в нашем случае удивляло больше всего то, что после рождения ребенка прошло уже одиннадцать дней. А ведь кроме как из-за ребенка убивать ее было незачем — ну кому бедная девочка могла встать поперек дороги? Если только соблазнитель не хотел признавать своего отцовства... ну и что? Неужели он так боялся, что Мэг его выдаст? В чем же дело?

Потрясенный неожиданной догадкой, я спросил у миссис Куттс:

— А Мэг и вправду родила?

— В каком смысле? Когда она от нас уходила, то была, вне всяких сомнений, беременна.

— А, ну ладно. Мне просто пришло в голову: если ребенка никто не видел, а после убийства он и вовсе исчез, то, может, его и не было?

А что, очень даже глубокая мысль.

— На этот счет не беспокойтесь, — злобно сказала миссис Куттс. — Ребенка пристроил куда-то его отец с помощью тех же Лори. А прятали его, дорогой мой Ноэль, по весьма простой и разумной причине. Точно вам говорю! Полагаю, слишком уж он похож на своего отца, и тот себе места не находил. Вот вам и весь секрет!

Все это она протараторила, как на пишущей машинке прострекотала.

— Значит, по-вашему, отец ребенка убил Мэг, чтобы она его не выдала? — Таким мне виделось логическое завершение событий. — Так, наверное, и полиция считает.

Впрочем, я ошибался.

Миссис Куттс вдруг пошатнулась и рухнула вперед. Никогда раньше не видел, как теряют сознание. Она упала словно подкошенная, и я страшно перепугался. То ли у меня сработал рефлекс, то ли чистое везение, но я успел ее подхватить, не дал удариться головой. Да, у нее слабое сердце. С той ночи, когда напали на Куттса, она стала сама не своя. На ногах едва держалась.

В течение дня в Солтмарш явились полицейские из Уаймут-Харбора, и инспектор, и начальник полиции графства; деревня буквально гудела. Кругом шатались толпы возбужденных репортеров и доморощенных детективов (в основном отдыхающие из Уаймут-Харбора) — искали улики, а точнее, сувенирчики на память. Да, люди, нечего и говорить, народец гадкий.

Уильям Куттс тоже ходил, поглядывал и забрел в осиное гнездо — Бунгало. Он перед этим провел два нелегких часа в бухте и у каменоломен и решил заглянуть к Берту, чтобы напасть на свежий след, сказал он, но, по-моему, мальчишка просто надеялся напроситься на угощение. Дверь, как обычно, была открыта, он и вошел, и уже хотел завалиться в гостиную, как вдруг услышал крики и сообразил, что у Берта и Кору жуткий скандал. Он, нечего и говорить, сразу убрался, но до него донеслись слова:

— ...хорошую трепку, если еще узнаю! Вот чертов делец, развлечений захотел, разрази его гром!

— В этой мерзкой дыре даже свинья затоскует!

— Уж я знаю, кто свинья! Давай шевелись, а то на поезд опоздаешь!

Видно, Берт и Кора основательно поругались. Оба они такие несдержанные, а общительной и темпераментной женщине вроде Кору вряд ли по нраву жизнь, которую они ведут.

Однако все эти события меркли рядом с тем ужасом и трепетом, что мы испытали, узнав об убийстве.

Уильям теперь спал не иначе как с самой большой рогаткой под подушкой, и я сильно подозреваю, что миссис Куттс клала рядом с кроватью кочергу. А я сопровождал Дафни, даже когда она выходила в огород набрать гороха или крыжовника. Перед сном я неизменно стучал в дверь ее комнаты и спрашивал, все ли в порядке. Все, нечего и говорить, было в порядке.

Во вторник, во второй половине дня, мужчины из деревни, возглавляемые сквайром и викарием, перед лицом ужасных событий забывшими о своих распрях и поддерживаемые Уильямом Куттсом и его скаутами, решили в поисках каких-либо следов убийцы прочесать местность. Я пригласил старину Берта — с его-то мозгами и силищей он справится с любым разбойником. Он охотно согласился помогать, потому что все равно был не при деле — Кора Маккенли получила роль в пьесе «Пташки» и отправилась на гастроли до самого Рождества. Впрочем, он, кажется, не очень-то огорчился. Наверное, не мог забыть того скандала.

С семи вечера почти до часу ночи мы обходили окрестности бухты, но ничего не произошло. И все же я никак не мог поверить, что убийство девушки и нападение на викария не связаны. Да, в нашей деревне есть убийца.

Когда мы вернулись, миссис Куттс и Дафни уже легли спать. Викарий зашел к жене и через минуту позвал меня.

— Попросите у Дафни нюхательную соль.

Я, нечего и говорить, лучше полюбовался бы спящей Дафни, но пришлось будить ее из-за пустяка.

Как выяснилось, миссис Куттс ходила нас искать, заблудилась и едва не упала в карьер. Чувствовала она себя совсем скверно.

И я буду не я, если в среду не произошло таинственное событие, нагнавшее немало страха на меня и Дафни.

Поскольку миссис Куттс жаловалась на головную боль, и на сердце, и на общую слабость, Дафни пришлось вместо нее играть на органе на еженедельном женском молитвенном собрании. Дафни играла нечасто и потому решила прийти пораньше и порепетировать. Да, органистка из нее не очень, и без репетиции ей не справиться, и мы пошли вместе — поиграть с половины седьмого до половины восьмого. «Вместе» — потому что после нападения на нас с Уильямом у дверей Бунгало Дафни постоянно нервничала, и я завел обыкновение «держаться поблизости». Этот приятный обычай мы не разглашали, ибо миссис Куттс его бы не одобрила.

Я отвел Дафни в церковь; она играла, я надувал мехи. Посреди гимна «Веди нас, благостный свет», Дафни, неплохо справлявшаяся, вдруг прекратила играть.

— Давай, смелей! — громко подбодрил я. Ответа не было, и я кинулся к ней.

— Ноэль! — Дафни обняла меня, крепко прижалась. — Кто-то дотронулся до моей шеи. Взялся за нее руками!

Шел восьмой час, служитель успел зажечь свечи, начали появляться первые прихожане. Честно говоря, я решил, что у Дафни разыгрались нервы. В помещении можно было войти только из ризницы, а ее всегда запирали. Сами мы, не желая беспокоить викария, прошли через главный вход.

— Когда я почувствовала на шее чьи-то руки, позвала тебя, — сказала Дафни на обратном пути. Куттс остался и беседовал с прихожанами. Случившееся меня сильно встревожило, но обсуждать это с Дафни мне не хотелось. Ей наверняка все примерещилось, думал я. Однако пообещал «держаться еще ближе» и посоветовал ей запереть на ночь дверь, чтобы меньше нервничать. Да, в те дни мы все в той или иной степени нервничали.

О происшедшем я, нечего и говорить, рассказал миссис Брэдли. Она восприняла это серьезнее, чем я ожидал.

— Не отпускайте ее одну, Ноэль, — посоветовала она. — Ведь убийцу Мэг Тосстик еще не задержали. Может, его и схватят со дня на день. Однако все равно приглядывайте за Дафни. Вдруг они арестуют не того?

И издав свое жуткое гуканье, она потрепала меня по плечу.

Глава VII

ЭДВИ ДЭВИД БЕРНС — ЕГО ФОРТЕЛИ

Арестовали, нечего и говорить, Боба Кэнди. Наверное, при расследовании убийств полиция принимает во внимание лишь две вещи: мотив и возможность. Да, бедняга Боб возглавил список подозреваемых по обоим критериям. Тем, кто плохо знал Боба, дело казалось ясным. Как известно, он встречался с Мэг; никто не верил, что ребенок от него. Будь он отцом — женился бы, как полагается, и тем бы и кончилось. Ну, если не

считать десятка детей, которых они с Мэг произвели бы на свет и из которых двое-трое дожили бы до зрелости и тоже, в свою очередь, дали бы жизнь нескольким отпрыскам.

Боб не признавал отцовства, и все, в том числе и полиция, ему верили, считая, что он убил Мэг за измену. Если говорить о возможности, так они жили под одной крышей, и Боб легко мог пробраться ночью в ее комнату и задушить. По поводу же способа убийства никаких сомнений вообще не возникало, ибо задушили несчастную вязаным галстуком, который и был на трупе, когда утром в комнату вошла миссис Лори. Как выяснилось, этот самый галстук жертва подарила Бобу на день рождения, связала, как твердил со слезами ее отец — гнусный старый черт! — «своими собственными руками». Боб признал, что галстук его, но, дескать, разозлившись на Мэг за измену, он зашвырнул его куда-то и поклялся больше не носить. Вспомнить, куда именно его дел, он не мог, кинул, мол, куда-то, и все. Он взял его вместо поводка, когда в субботу перед праздником его попросили привести со станции в таверну собаку. Боб печально заметил, что галстук на редкость прочный. Да уж, прочный.

Сэр Уильям заплатил адвокату Боба и всем рассказывал, что не верит в его виновность. Наш констебль Браун тоже не желал верить. Арест после дознания произвел приезжий инспектор. Бедный старина Браун сильно расстроился.

— Вот ведь, мистер Уэллс, — говорил он. — Эти ребята из города по-своему неплохи, но они же парня совершенно не знают. А я-то помню его с тех пор, как ему семь было или восемь, и уверен: он не убивал. И инспектору то же самое говорю, а он мне: «Доказательс-

тва! Доказательства!» Я только в затылке почесал. Всё ведь и вправду против Боба, как по-писаному. Ну, его и арестовали. Я вам вот чего скажу. Кто-то же это сделал, верно? И вовсе не Боб. Значит, нам остается что? Найти того, кто убил, да поскорей, пока беднягу Боба не засудили и не казнили.

Тут он попал в точку, но у Боба был железный мотив. Кому еще кроме Боба нужно убивать девушку? Так я и сказал старине Брауну. Он снял шлем и стал противить его изнутри носовым платком.

— А вы не думаете, мистер Уэллс, — спросил он, — что убить мог отец ребенка?

— Да, наверное. Правда, с другой стороны, ребенку уже больше недели, то есть он уже, образно выражаясь, не кот в мешке. Обычно в таких случаях женщину убивают, пока не успела родить, правда ведь?

— Да ну? Так или иначе, мистер Уэллс, я буду держать и уши, и глаза открытыми. У нас много чего странного творится; нельзя же все списывать на Боба Кэнди. Во-первых, у него и мозгов-то не хватит, во-вторых, у него нет сообщников. Я насчет нападения на викария.

Да уж, если говорить о мозгах бедняги Боба, то и тут всё против него. Достаточно вспомнить его беглого сумасшедшего предка. Душить молодых женщин — самое подходящее занятие для психа, и тут родословная Боба Кэнди говорит отнюдь не в его пользу.

На второй неделе августа, обходя прихожан, я встретил миссис Брэдли.

Она шла, опустив очи долу, и не замечала меня, пока я ее не поприветствовал.

— Добрый вечер!

— Ах, вот вы где, — очень деловито начала она.

Я огляделся в поисках помощи, но никого не увидел.

— Вы мне нужны. — Миссис Брэдли сверлила меня страшным взглядом василиска. — Познакомьте меня с некоторыми здешними семьями. Например, со славным малышом Эдви Дэвидом Бертом. Вы с ним дружны?

Можно было и так сказать. Берт самоотверженно исполнял роль ведущего в игре в кокосы во время моего вынужденного отсутствия. Отличный парень этот Берт.

— А что такое? — осторожно поинтересовался я.

— Я иду по следу убийцы, и мне нужно убрать с пути все лишнее.

— Включая Берта? — с деланной веселостью спросил я.

— Включая забавного малыша Берта, — серьезно ответила миссис Брэдли, беря меня за рукав. И добавила с коварной улыбкой: — Вы, констебль Браун и я — мы предадим убийцу в руки правосудия.

— Вы хотите сказать...

— Мне требуется ваше содействие. Я не справлюсь без вашей бесценной помощи, мой мальчик. Кого все в деревне уважают, как не молодого и серьезного помощника vicar? Кого все любят, как не симпатичного молодого оболтуса, не слишком ученого, не успевшего ни разу даже поссориться с начальством? — Миссис Брэдли весело взвизгнула, отпустила мой рукав и ткнула пальцем в ребро.

— Вы верите, что убил Боб Кэнди? — поинтересовалась она.

— Нет, — честно признался я. — Уверен, что не он.

И отодвинулся подальше от ее хищной лапки.

— Тогда — по коням! — И миссис Брэдли взяла меня за локоть. — К дому Берта — «шпоры, седло, на коня — и вперед!»*

Берта дома не оказалось, но это ничуть не обескуражило мою энергичную спутницу.

— Ничего страшного. Пойдем поговорим с мистером и миссис Гэтти. Мне просто не терпится задать нашей милой парочке несколько вопросов.

Мистер и миссис Гэтти были дома. Он обрезал засохшие розы, она подстригала газон. Увидев нас, оба бросили работу и подошли поздороваться.

— Мы насчет убийства, — сообщила миссис Брэдли. — Надеюсь, такие уважаемые люди, как вы, не откажутся подписать петицию в защиту бедного Боба Кэнди?

— Против него еще даже обвинение не выдвинули, — возразил коротышка Гэтти.

— Нужно подготовиться заранее, — торжественно пояснила миссис Брэдли. — Идемте в дом и подпишем. Это недолго. Пойдемте с нами, мистер Уэллс. Засвидетельствуете подписи.

— Петицию составила миссис Куттс, — сказала она Гэтти, который, положив ножницы и рабочие перчатки в тачку, шел следом за нами к дому. На двери своего угрюмого жилища он взирал с неудовольствием.

— Никак не уговорю Элизу переехать, — заявил он. — Терпеть этот чертов дом не могу и боюсь, но она к нему очень привязана.

Его замечание меня просто ошеломило. В деревне никто не сомневался, что нервы миссис Гэтти совершенно расстроены именно из-за того, что она живет в

* Миссис Брэдли цитирует стихотворение Роберта Браунинга (1812–1889) «Песни кавалера».

бывшей клинике для душевнобольных. И теперь, услышав, что, оказывается, все наоборот — мистер Гэтти нервничает из-за дома, а миссис Гэтти желает в нем жить, — я был потрясен и уже хотел возразить, но миссис Брэдли меня опередила:

— А я думала, вашей жене этот дом не нравится.

— Никоим образом. Так где ваша петиция? — И он улыбнулся. Да, вылитый волк, ничего не скажешь. Меня вдруг осенило:

— Скажите, а не вы были на крыше Бунгало в ту ночь?

Гэтти смутился, но не замедлил ответить:

— Я, мистер Уэллс.

— Ну и ну — вот все, что я могу сказать.

— Что-что вы можете сказать? — переспросила миссис Брэдли, одаривая меня не слишком сердечным взглядом, который я смело встретил. Она меня как будто хотела запугать!

— Я имел в виду — он мог кого-нибудь убить, — пролепетал я. Мне хотелось как-то умиловить спутницу, ибо смотрела она уже свирепо. А еще очень хотелось — просто не терпелось — выяснить, чего ради Гэтти швырялся черепицей.

— Так в чем же дело? — сурово спросил я.

Гэтти вдруг как-то сник, словно ростом меньше стал. У меня-то рост пять футов и одиннадцать дюймов — без обуви.

— Это Берт виноват, — вымолвил он, слегка покраснев. — Не нужно было меня запирать. Я и думать не думал, что он сыграет со мной такую шутку.

Я едва не вскрикнул от удивления, но тут миссис Брэдли нечаянно выбила из рук Гэтти ручку, и все мы нагнулись и стали ее искать. Прошло немало времени

(подозреваю, что ручка была у миссис Брэдли, поскольку она в конце концов и передала ее хозяину). Затем она протянула ему лист, на котором уже стояло несколько подписей, и он вписал свое имя. Мы помахали на прощание миссис Гэтти и вышли на дорогу.

— Когда-нибудь, — задумчиво молвила миссис Брэдли, — нужно будет заняться изучением лжи как таковой. Интересно, почему лжет миссис Гэтти? Из страха, ради спокойствия или же просто развлекается?

— А она лжет?

— Несомненно. И кстати, молодой человек, если вы и вправду желаете помочь, не задавайте вопросов людям, с которыми я беседую. Так вы мне все испортите. Расскажите-ка подробнее о происшествии в Бунгало.

— Про Гэтти? — уточнил я.

— Про Гэтти. Приятно знать, что это был не разбойник. И поподробнее, пожалуйста.

Я рассказал ей все от начала до конца.

— Мне нужно вернуться в Моут-Хаус, — заявила она. — Следует уточнить кое-какие детали. А вы, мой мальчик, побудьте здесь.

— Я — с вами.

Миссис Брэдли казалась такой хрупкой, а этот Гэтти с волчьей улыбкой доверия у меня не вызывал.

Теперь супруги поменялись местами: он подстригал газон, а она занималась розами.

— О, крокодил и козлик опять пришли! — сообщила миссис Гэтти мужу. Он оставил газонокосилку и пошел.

Я невольно восхитился манерой миссис Брэдли вести беседу. Она без предисловий спросила:

— Так как, говорите, вы попали в часовню?

— Меня затащили туда Берт и его слуга.

Я едва не поперхнулся. Раньше он говорил, что заключил пари! Видно, уже позабыл. Выходит, перед нами сразу два лжеца!

— А почему? — поинтересовалась миссис Брэдли. — Вы ему чем-то досадили?

— Не думаю. Наверное, у него есть какой-то секрет, и я его случайно чуть не раскрыл. В тот вечер у меня на выезде из Уаймута сломалась машина, и я шел домой мимо бухты и каменоломен. Пробирался в темноте, и тут они на меня набросились и потащили в церковь. Не знаю, почему нас никто не видел. Когда вы меня выпустили, я решил пойти к Берту и устроить что-нибудь в отместку. Ведь — подумать только! — я просидел в этой жуткой часовне почти тридцать шесть часов! Я влез на крышу Бунгало — сначала, конечно, отдохнул и перекусил — и заглянул в окно мансарды, но уже стемнело, и я ничего не разглядел. Пока я там ползал, нечаянно расшатал пару черепиц. Они упали, как раз когда мистер Уэллс и юный Куттс вышли из дому. Я ужасно перепугался — думал, ушиб их. Я прятался от Бертова револьвера за трубой, и плитки выскользнули у меня из рук. У Берта наверняка есть какие-то тайные делишки, и я намерен все выяснить.

— Замечательно! — сердечно сказала миссис Брэдли. — Удачи вам в подстригании газона.

Мистер Гэтти посмотрел на нее как на сумасшедшую, вздохнул и взялся за газонокосилку. Миссис Брэдли повернулась к стоявшей рядом миссис Гэтти.

— Дорогая моя, — начала та, — зачем крокодилу разговаривать с волком?

— Милый мой страус, а кто сообщил вам, что волк заперт в часовне?

— Никто не говорил. — Глаза миссис Гэтти ласково смотрели из-под золотых очков — обычная, нормальная женщина средних лет. — Я сама его там нашла. Ой нет! Мне мистер Берт сказал. Наверное, думал, что мне нужно пойти и выпустить волка. — И она захихикала.

— А вы его не пытались выпустить? — спросил я, и миссис Брэдли ткнула меня в ребро. Я успел позабыть о ее инструкциях и теперь стал лепетать какие-то извинения. Однако сказанного не воротишь. Миссис Гэтти тут же сделалась серьезной.

— Нет, не пыталась. Очень уж хорошо получилось, правильно. Я на него только посмотрела, а он меня не видел и не слышал, и вернулась домой, и все думала, а потом, когда решила, что он уснул, пошла поговорить.

Я многозначительно взглянул на миссис Брэдли. Она со свойственной женщинам проницательностью верно поняла мой взгляд и чуть заметно кивнула. Осмелев, я спросил у миссис Гэтти, что же она говорила мужу, пока он спал в часовне.

— Я сказала: «Бука! Бука идет!» — торжественно ответила она. Я расхохотался. Миссис Брэдли расхохоталась. И миссис Гэтти расхохоталась, и ее муж подошел узнать, в чем дело. Трясущейся рукой я махнул в сторону его жены и едва пробормотал:

— Она сказала: «Бука! Бука идет!» — и опять впал в буйное веселье. Потом овладел собой, вытер глаза.

Лицо у Гэтти сделалось задумчивое.

— До чего же это все интересно, — промолвила миссис Брэдли, когда мы окончательно ушли от дома Гэтти. — Мальчик мой, опять собирается дождь. Вот незадача! Быть может, приютите меня пока в доме викария?

Просьба меня удивила, учитывая, что путь к дому викария лежал мимо ворот Манор-Хауса.

— С удовольствием, — сказал я, хотя сердце у меня упало. Стоит им с супругой викария начать судачить, их не остановить. По-моему, эта дама хочет описать чету Куттс в книге. Когда ей удастся навести миссис Куттс на любезную той тему, выражение лица у нее становится хищное — только что губы не облизывает. У меня от такого зрелища кровь стынет. Не женщина, а вампир.

Любимая тема миссис Куттс, нечего и говорить, — распушенность. После страшной гибели Мэг Тосстик и отъезда ненавистной Кору Маккенли эта тема подразумевает меня и Дафни. На следующую ночь после убийства Мэг миссис Куттс увидела меня у племянницы и мгновенно рассвирепела. Я объяснил, что всего лишь спросил у Дафни, все ли в порядке и не страшно ли ей, но дамочке везде мерещилось самое скверное. На следующую ночь она, нечего и говорить, застала меня уже в комнате! Да, я не позволю собой командовать личности с такими жуткими понятиями, пусть она и приходится Дафни тетей.

Увидев меня, присевшего к Дафни на кровать, она решила, что случилось худшее. (Вовсе оно не случилось.)

— Тетя, да ты сама кого угодно до худшего доведешь, — заплакала Дафни, расстроенная ее нападками. — Ноэль, дорогой мой! — И она протянула мне кольцо. Я молча опустил его в карман. Мы демонстративно поцеловались, и я отступил в сторону, давая миссис Куттс дорогу вон из комнаты. Она не двинулась — я тоже. Не мог же я уйти и оставить Дафни ей на растерзание. Наконец миссис Куттс вышла, и я последовал за ней.

Утром я опять отдал кольцо Дафни — она, нечего и говорить, вернула мне его, только чтобы отвязаться от своей ненормальной тетки. Да, после гибели Мэг Тосстик у миссис Куттс сильно испортились и нервы, и характер. Мужа она пилила, а он после той истории с загоном и так стал как разъяренный бык. И неоднократно повторял, что легко отделался. Миссис Куттс несла чушь о развратных пастырях, и то были речи куда более резкие, чем ее всегдашние обличения. Причем нам с преподобным обоим доставалось. Сумасшедшая женщина. Честное слово! Если бы я мог — женился бы на Дафни немедленно, вырвал бы ее из обстановки, которая на нее так скверно действовала. Однако священнослужитель не может просто зарегистрировать брак в мэрии; кроме того, меня связывало обещание, данное старику Куттсу, не спешить со свадьбой.

Итак, пришлось проводить миссис Брэдли в дом викария, потому что дождь усилился, и мы, пока шли от Моут-Хауса, основательно промокли.

Ничто не могло доставить большего удовольствия миссис Куттс, питавшей в последнее время особое пристрастие к миссис Брэдли, чем переодеть гостью в сухое платье и туфли и развести для нее огонь в камине.

Пока они были наверху, в гостиной появилась Дафни.

— Ноэль, дядя беседовал с инспектором, который расследует убийство, и тот говорит, что у нас в деревне ожидается всплеск преступности. Таким преступлениям часто подражают. Это просто ужасно.

За чаем беседа велась про убийство. Миссис Брэдли слушала, как хозяйка распространяется о распущенности, и старалась раззадорить ее, когда та начинала

иссякать. Я не знал уже, куда деваться от их разговора, Дафни — тоже.

В шесть гостья наконец-то оторвалась от беседы и дала мне знак следовать за ней. Я пошел сам не знаю почему. Эта женщина, нечего и говорить, подавляет мою волю. Мне хотелось остаться с Дафни и обсудить грядущий Праздник урожая, но я как покорный пес следовал за миссис Брэдли. Мы вышли на дорогу, ведущую к каменоломням, и тут моя спутница резко остановилась и сказала, стараясь перекрыть шум ветра:

— Знаю я все проделки Берта. Вы его не боитесь?

— Боюсь, еще бы! — прокричал я.

— Да-да, понимаю! Чем я вам так не нравлюсь, мистер Уэллс?

Ничего на это ответить я не мог; мне вдруг стало жарко, и язык отнялся.

— Мне нужна ваша помощь! Будет проще, если вы избавитесь от своего предубеждения! — Она помолчала и еще громче добавила: — Мне ведь и викарий ни-почем; могу помочь, если пожелаете!

— То есть?

— Вы хотите жениться на его племяннице!

От этой чертовки ничто не укроется.

— А у меня полно знакомых епископов!

Я остановился и взглянул на нее. Надеюсь, выражение лица у меня было непреклонное.

— Вы пытаетесь меня подкупить, миссис Брэдли!

— Да, конечно, мой мальчик! — кричала она, влажно дыша мне почти в самое ухо.

— Согласен! Пожмем друг другу руки.

Она сжала мою ладонь сухой желтой лапкой. Ничего себе, хватка! Посильнее, чем у миссис Куттс, опытной пианистки.

— Ждите здесь. Если через полтора часа не выйду, идите в полицию.

— Думаете, Берг — убийца?

Нехорошо все-таки кричать во всю мочь. Так и в диффамации могут обвинить.

— Думаю, он страшен, если его разозлить! — Дрожащей рукой я поправил свой воротник-ошейник. — Я тоже иду!

— Смельчак! — радостно взвизгнула миссис Брэдли. Что ж, не без того.

У меня с собой была тяжелая трость. Критически обозрев это орудие, я положил его на обочину. Лучше не провоцировать Берта, а без палки я буду выглядеть безобиднее. Поднимаясь по крутой тропе, я весь дрожал и изнывал. Сильный ветер, едва не сдувавший нас вниз, гнал по небу серые тучи. Вокруг были заброшенные карьеры. Как же легко силачу вроде Берта столкнуть нас в карьер, там, где ограда совсем никудышная. Нас могло бы спасти присутствие Кору, но где она, Кора? Судя по слухам, гастролирует на северо-востоке Англии, играет в пьесе «Пташки». До некоторой степени меня успокаивало присутствие неукротимой маленькой пожилой дамы. Ее желтое лицо было спокойно, губы плотно сжаты, словно все жизненные силы она сейчас сосредоточила на преодолении подъема и борьбу с порывами ветра. Обернувшись, миссис Брэдли прокричала:

— Вы ведь сами хотели пойти!

— Да! — ответил я, придерживая обеими руками шляпу. — Это все супруги Гэтти! Оба психи!

— Оба — что?

— Психи!

— Что?

— Психи!!

— А да! — Она заулыбалась и вдруг замахала рукой.

У ворот стоял Берт. К моему изумлению, он замахал в ответ и побежал навстречу. Обхватив миссис Брэдли за спину громадной ручищей, он буквально потащил ее наверх на растерзание бушующему ветру.

Когда, дрожащий и едва живой, добрел я до Бунгало, миссис Брэдли, удобно устроившись в кресле, пила пиво, а Берт, стоя на коврике у камина, грел спину, гоготал и притоптывал, развеселившись от какой-то сомнительной шутки своей гостью. (Сам я ее шуток вообще не понимал.) Он тоже держал стакан. В дом меня впустил Фостер Вашингтон Йорк, и когда я принял радушное приглашение и сел, принес пива и мне.

— Ах да, — сказал Берт, видимо, продолжая прерванный моим появлением разговор. — Мы таки заперли его в часовне. Я сообщил, где он, его жене и не сомневался, что она пойдет и выпустит его. Этот мелкий шпик ползал в бухте (я лишь передаю слова Берта), ну мы его и заграбастали, и связали, чтоб не мешал кончить работу. Я про то и забыл.

— Мистер Берт, — спокойно произнесла миссис Брэдли. — Вы должны пообещать мне бросить вашу рискованную игру. Чтобы в бухту больше не доставляли никаких грузов и не прятали в этом доме. Вы меня понимаете? Да, и насчет ваших ссор с женой...

Она говорила очень мягко, но не сводила черных ведьмовских глаз с Берта. Меня пугало выражение ярости на его лице. Слишком уж неравны были силы. Как бы ненароком я нагнулся за кочергой. Прекрасное, удобное орудие приятно оттягивало руку. Я показывал кочергой, зажав ее между пальцами. Миссис

Брэдли дружески-успокоительно улыбалась Берту, у которого уже начала раздуваться шея.

— Вы ведь не способны на убийство, Эдви, правда?

— Я — не — знаю! — отчеканил Берт, делая шаг вперед. — Наверное, способен, если будет некуда деваться.

— Но-но! — Она выставила вперед желтую лапку. — Скверный мальчик. Сядьте-ка!

Берт сел. И даже улыбнулся какой-то овечьей улыбкой.

Я положил кочергу, все так же изображая неприужденность. Берт посмотрел на меня.

— Щенок чертов! — бросил он.

Я с трудом улыбнулся.

— Эдви, почему вы так гадко обошлись с викарием?

— Он дрался как черт. Здорово отделал беднягу Фостера. Не будь он черный, переливался бы сейчас не хуже радуги.

Из глубины моего сознания начали подниматься и обретать форму разные мысли. Постепенно все встало на свои места. Викарий говорил, что у разбойников были вычернены лица. И почему я не подумал, что один из них — черный от природы? А вот миссис Брэдли с этого, кажется, и начала — и ниточка привела ее к Берту. Его Бунгало — ближайший к бухте дом, а контрабанда — самое первое, что приходит в голову, если вспомнить о судне, которое видел Куттс. Сэр Уильям и слушать не стал дворецкого, а ведь тот, нечего и говорить, подал ему верную мысль.

— Уверен, тут не обошлось без Лори, хозяина таверны «Герб Морнингтона», — сказал я, когда мы, подгоняемые ветром, спускались в деревню. Я думал, мис-

сис Брэдли сочтет мое предположение абсурдным, но она в порыве радости ткнула меня под ребра.

— Дорогой мой, дорогой мальчик! — заклохтала она, словно курица над яйцом. — Что за светлая мысль! Нет, вы подумайте! Никогда бы не догадалась связать Лори с контрабандистами!

Я не очень-то удивился. Мой опыт общения с прекрасным полом — с такими несхожими сокровищами слабой половины человечества, как миссис Куттс, миссис Гэтти, моя матушка, сестры и Дафни, — привел меня к неоспоримому выводу: если не считать небольшой и строго очерченной сферы знания, женщины на удивление невежественны. Миссис Брэдли сумела догадаться, что Берт занимается контрабандой, но тот факт, что самая типичная контрабанда — спиртные напитки, от ее внимания совершенно ускользнул. Она, возможно, и не знает, что эти товары облагаются пошлиной. Я прочел ей краткую и, надеюсь, полезную лекцию о пошлинах на ввоз товара.

Мы почти неслись под гору, а позади бушевал и завывал ветер. Моя лекция была, по сути, извлечением из курса «Великие англичане», который начинался с биографии сэра Роберта Уолпола и который я читал прошлой зимой в клубе для мальчиков.

Миссис Брэдли слушала с интересом и, когда мы подошли к Манор-Хаусу, тепло меня поблагодарила. Я расстался с ней не без облегчения.

Перед ужином мы с Дафни обсудили Праздник урожая и другие вещи. После ужина я, к своему удивлению, получил записку от сэра Уильяма. Он просил прийти немедленно, так как я понадобился миссис Брэдли. Будь это приглашение от нее самой, я бы его проигнорировал или послал бы записку с извинения-

ми, однако пожелание сэра Уильяма — дело другое. Я попросил викария меня не ждать, взял шляпу и плащ — после бури начало моросить — и вскоре шагал к Манор-Хаусу.

Идя быстрым шагом по главной дороге, чуть в стороне от деревни, я невольно продолжал размышлять об убийстве. Манор-Хаус стоит в уединении, поблизости только одно жилище — дом констебля Брауна. Приятно было думать, что этот не слишком образованный, но добросовестный слуга закона убежден в невинности Боба Кэнди. Подходя к его коттеджу, я вдруг решил, что неплохо бы зайти и спросить, как далеко продвинулся в своем расследовании инспектор из Уаймута. Браун наверняка все знал: он повсюду сопровождал инспектора и усердно записывал каждое слово и каждый поступок начальства. Инспектору, нечего и говорить, такое внимание льстило, и он сносил присутствие констебля, хоть и считал его недалеким. Однако глупцом он отнюдь не был. Браун то есть.

Дверь мне отворила миссис Браун и проводила меня в гостиную — собственно, гостиная начиналась сразу у дверей. Тут был и констебль, и двое его квартирантов. Я об этих ребятах много думал. Ведь гораздо логичнее предположить, что Мэг Тосстик убил чужой человек, чем допустить, что кто-то из наших, деревенских, совершил такой подлый поступок. Я пристально разглядывал обоих студентов, но, если говорить по совести, не замечал признаков какой-то особой порочности. Кроме того, ни у одного из них не было загнанного выражения лица или нервного взгляда, характерного для убийцы, который боится, что его поймут. Впрочем, таковых мне тогда еще встречать не доводилось.

Никаких новостей я от Брауна не узнал. Инспектор опросил всех, кто мог, по его мнению, знать хоть что-то об убийстве; дело против Боба Кэнди ничуть не продвинулось. К сожалению, только этим он меня и обрадовал. По мнению констебля, стороне обвинения особливо усердствовать не придется.

— Понимаете, мистер Уэллс, — пояснил наш добряк, — полиции все яснее ясно. Им уже хватает улики, чтобы повесить беднягу Боба. И свидетели у них наготове. Уж они знают, кого вызывать, кого — нет. Инспектор не хочет найти чего-нибудь такого, из-за чего дело запутается, ясно вам, сэр?

— По-вашему, — перепугался я, — полицейские не желают докапываться до правды?

— Желать-то желают, еще как, — Браун махнул рукой, в которой держал трубку, — да только они думают, что уже докопались. А значит, песенка Боба Кэнди спета. Чего инспектор тут искал, так это доказательств *своей* правды. А если ничего и не найдет — не беда, и без того уж достаточно набрали. С другой стороны, инспектор не хочет расквасить себе нос. Так уж люди устроены, сэр, при всем моем уважении. В теперешнем своем виде это дело просто загляденье! Не станут же они из кожи лезть, чтоб его испортить.

Я мрачно кивнул. И двое молодых людей тоже. Добавить было нечего.

— Ну, тогда я пошел. Спасибо вам, Браун.

— Я слышал, этой приезжей, из Лондона, нет равных в сыском деле, — сказал Браун, провожая меня к двери. — Да только навряд ли ей интересны наши деревенские дела.

— У меня таких сведений нет. — Я решил не говорить констеблю о том, как миссис Брэдли догадалась,

что Берт занимается контрабандой, и потому, сохраняя таинственный вид, вышел и направился в Манор-Хаус. Вскоре я сидел в большой компании — там были сэр Уильям, Маргарет, Брэнсом Бернс и миссис Брэдли — и передавал собравшимся слова констебля. В заключение я сказал, что дела у Кэнди совсем плохи.

— А Браун о вас упоминал, — обратился я к миссис Брэдли. — Я, как мог, поддержал вашу репутацию.

— Напрасно беспокоились, мистер Уэллс, — довольно сурово вставила Маргарет.

— Нет-нет, вы не так поняли! — Стараясь загладить промах, я был сама доброта и ласка. — Все вовсе не...

— Надеюсь, о Берте вы не говорили? — спросила миссис Брэдли.

— Ни звука, честное слово, — ответил я, радуясь в душе, что поборол искушение. И с терпеливой улыбкой добавил: — Это было бы неумно. Надо же — контрабанда спиртного!

— Ничего подобного! — бросила миссис Брэдли.

Ее всегда мелодичный голос стал вдруг резким, а выражение лица столь свирепым, что я только и сказал:

— Да? — И отдался на волю судьбы.

Мои подозрения, что миссис Брэдли ведет какую-то игру, еще больше укрепились, однако я решил быть тише воды ниже травы.

Сэр Уильям спросил:

— А какие есть козыри против Кэнди, кроме мотива?

— У него была возможность убить, — ответила миссис Брэдли. — Во время убийства он находился в таверне. И пятнадцать минут провел неизвестно где.

— Какой кошмар, — сказала Маргарет. — Не мог он никого убить. Он даже ходил на мои занятия по изучению Библии.

— Да не способен он на убийство! — воскликнул сэр Уильям.

Мне было приятно, что они так горячо защищают парня; я внимательно оглядывал своих собеседников — все ли они единодушны? Меня удивило выражение не-симпатичного лица финансиста. Губы его раздвинулись, кривые зубы оскಾಲились в злобной ухмылке.

«Милостивый Боже! — подумал я. — Да ведь он уверен, что убил сэр Уильям!»

И тут же, как если бы я сказал это вслух, миссис Брэдли начала:

— Да, именно такие вещи и нужно учитывать. По-вашему, Боб Кэнди не способен убить, а по-моему — способен.

— Но как... — прогремел сэр Уильям. (Во всяком случае, прогремел бы, если бы миссис Брэдли его не прервала.)

— Я не убеждена в невинности Кэнди. Думаю, он способен на убийство, но также знаю, что в деревне есть и другие потенциальные убийцы. — Она обвела нас взглядом. — Например, сэр Уильям.

Сэр Уильям побагровел; он уже готов был впасть в бешенство, однако миссис Брэдли его осадила.

— Не нужно становиться в позу, дорогой хозяин. Мистер Брэнсом Бернс того же мнения.

Брэнсом Бернс — я с удовольствием вспомнил, что миссис Гэтти окрестила его акулой (он, нечего и говорить, относится к серым акулам... впрочем, в жизни их не видал), — сунул палец за воротничок и издал вежливо-протестующий звук. Тусклые рыбы глаза хо-

лодно блеснули. Он отнюдь не забыл тот день, когда ударил собаку, — по его лицу это читалось, словно по книге.

— Затем, — продолжала миссис Брэдли, — обратив на меня сверкающий зловещей радостью взгляд, — есть еще наш юный друг мистер Уэллс.

— Я — убийца?!

Просто смешно! Да, я взял в руки кочергу — там, в Бунгало. И взял, должен признать, с намерением от души, с хрустом, врезать Берту по башке — начини он сам махать кулаками. А эта дамочка, значит, готова уку- сить руку, которая ее же собиралась защитить. Однако сказать такое вслух я не мог.

— Затем еще мистер Берт, — продолжала она.

Тут я был согласен. Берт при мне признался, что под давлением обстоятельств мог бы совершить убийство.

— И еще миссис Куттс, хотя у меня до сих пор нет никаких доказательств, кроме чистой психологии — доказательство бесспорное, но неприемлемое как в бытовом аспекте, так и в юридическом, — что миссис Куттс — потенциальная убийца. И еще, — миссис Брэдли улыбнулась, — есть я. За мной уже числится одно убийство. Меня за него судили и оправдали, вот так, дети мои.

Она грустно покачала головой и повернулась ко мне.

— Значит, по-вашему, Кэнди не способен на убийство?

— Вы пока не привели никаких фактов, подтверждающих его виновность.

— Согласитесь хотя бы, что убить он мог. У него же дурная наследственность.

— Лори об этом знал, но рискнул взять его на службу барменом и вышибалой.

— Верно, — признала миссис Брэдли.

Я, чтобы закрепить позиции, прибавил:

— Вывод мне вполне ясен.

— И мне тоже, — поспешно сказала миссис Брэдли и, явно торопясь сменить тему, заметила:

— По поводу Берта и контрабанды, сэр Уильям. Здесь, у себя дома, вы ведете беседу как частное лицо и не выступаете в качестве мирового судьи. Так?

— Мм... не совсем. Пожалуй, мне лучше удалиться. — Ему, конечно, не понравилось, что его назвали убийцей. Маргарет вышла вслед за ним, а Брэнсом Бернс остался.

— А почему вы говорили о спиртном? — поинтересовалась миссис Брэдли. Ее, казалось, сама эта мысль позабавила.

— Дело очевидное.

— Да, — поспешно продолжила она. — Дело очевидное, что это никак не спиртное. Будь это спиртное, всяк в деревне, от мала до велика, был бы в курсе и каждый постарался бы хоть как-то поживиться. Однако же никто не знал. Никто не интересовался. А почему? Потому что Берт ввозил книги, а не спиртное. Запрещенные книги, мой мальчик, грязные, порнографические книжонки, настоящие отбросы, причем он даже не нажился на них, а значит, его поступок совершенно непростителен. — И она разразилась хохотом.

Брэнсом Бернс нервно сказал:

— Экая непристойность. А где, кстати, его жена? Мы с ней иногда сталкивались на почте и болтали, но после убийства я ее не видел.

— И не могли, — заявила миссис Брэдли, прежде чем я успел открыть рот. — В Бунгало ее уже нет.

— Вот как? Милая девушка. Жаль, что вышла за такого противного типа.

О Берте мы еще говорили немало.

Глава VIII

КАК ПРОВЕЛ ПРАЗДНИК БОБ КЭНДИ

Я не особенно и удивился. Берт с точностью до наоборот соответствовал моему представлению о том, как выглядит распространитель грязных книжонок, однако выражался он порой столь грубо, что буквально вгонял людей в краску.

Я осуждающе нахмурился и в праведном негодовании уставился в пол. Сказать мне было нечего. По счастью, за миссис Брэдли дело не стало. Дав мне время переварить новость, она продолжила:

— Он, конечно же, не способен ни на что путное.

— Еще бы! — подхватил я. — Надо думать! Держу пари, Лори тоже при деле, будь то пиво или книги. Старый сквалыга никогда не упустит своего! В смысле — чужого!

Я засмеялся собственной шутке, но миссис Брэдли не слишком развеселилась. Да, по моим наблюдениям, у женщин с чувством юмора не очень. Тогда я пошел с козырной карты и заинтриговал-таки старую даму.

— Понимаете, Берт, чтоб его не засекли, наверняка порой пользовался тайным ходом, а вряд ли он мог это делать без ведома Лори.

Уж не знаю почему, но разговоры о подземных ходах никого не оставляют равнодушными. Миссис Брэдли, нечего и говорить, заинтересовалась и задала кучу вопросов. Я мало мог рассказать — только что раньше из таверны в бухту вел подземный ход, а потом его заложили. Однако Лори с Бертом вполне могли его восстановить.

— Зачем выгружать книги именно в бухте, если не из-за подземного хода? — торжествующе заключил я.

Миссис Брэдли смотрела на меня с интересом.

— Все их делишки были как на ладони, — сказала она наконец. — Как только кто-то заподозрил бы, что в одиноко стоящем доме происходит нечто необыкновенное, сразу же вылезли бы наружу все их шалости. Добавьте сюда жильца, который мало того что не проявляет элементарной осторожности, а еще и хватает, и едва не убивает местного vicar, и устраивает жестокую шутку с таким хорьком, как Гэтти, и к тому же, как вы говорите (ничего такого я не говорил!), отдает себя в руки старого лиса Лори. Конечно, так любое предприятие развалится. Не сложи я два и два, это сделали бы другие.

— Да уж, все к лучшему. После таких событий, я думаю, что общественная нравственность...

— Я всегда верила, — перебила меня миссис Брэдли, — и буду верить, что любая грязь пристаёт лишь к тому, кто сам грязен душой. Ведь любое зло грязно, гадко и должно отвращать. Почитайте Бернарда Шоу. Порочность, считает он, не только противна нашим чувствам, но и затуманивает воображение. Зло — самый скверный адвокат дьявола. Возвращаясь к нашей теме, скажу: мальчик мой, вы, как священнослужитель, должны бы знать, что человечество губят подлые грешки — зависть, злоба, ревность, алчность, вероломство, само-

обман, — а не грязные открытки и эротическая литература... именно так, дорогой поборник приличий.

Торжественность своей речи она сама же и испортила: захохотала как гиена и ткнула меня в бок; я же старался увернуться от ее желтых лапок.

— *Honi soit qui mal y pense**, хотите сказать? — попытался я закрыть тему, но миссис Брэдли лишь еще громче заклохтала. Совершенно необычная женщина. При этом по-своему искренняя.

— Тогда я предположу, что даже убийство... — начал я, когда восстановилась тишина, хотя, как продолжать, понятия не имел. Просто хотел сменить предмет беседы. Нельзя позволять людям думать, будто они победили меня в споре. Англиканская церковь, которую я представляю, должна всегда быть на высоте.

— О, убийство! — со зловещей радостью ухватилась миссис Брэдли за это слово. — Убийство, юноша, — преступление сомнительное, если вообще преступление.

— Нечего и говорить, преступление. И грех. — Я сделал строгое лицо, как бы переводя беседу в сферу благочестия.

— Глупости, мой мальчик, — с жаром возразила миссис Брэдли. — «Убийство» — лишь заголовок для целого перечня деяний, большинство из которых следует квалифицировать как нетяжкие преступления. И только малая часть остается для настоящих убийц.

— И пусть довольствуются малым! — сказал я. Мою острогу она оставила без внимания.

— Вспомните дело Криппена**.

* Пусть стыдится, подумавший плохо (фр.).

** Доктор Хоули Харви Криппен (1862–1910) был осужден за убийство жены, изуродованные останки которой нашли в подвале его дома.

Хотя я всегда считал этого злодея самым эффективным экспонатом Кабинета ужасов, ее намек пропал втуне.

— А что Криппен? — спросил я. — Жертва скрытых страстей, вот и все.

— Жертва комплекса неполноценности.

— Хм... — только и сказал я, пытаюсь переварить эту мысль. Боюсь я психологов: они любят ставить людей в тупик своими научными рассуждениями.

— Кроме того, в момент совершения преступления ненормальны почти все убийцы. Вспомните Патрика Мэхона*.

— Это слишком ужасно.

— Вы смешиваете два деяния несчастного.

— Он даже тело расчленил!

— И я как раз о том.

Я заморгал.

— Если преступник подсунул полицейским ложный след, заморочил их и одурачил, оставил фальшивые улики, разве он намного больший негодяй, чем если бы не предпринимал ничего, чтобы избежать наказания?

Я обдумал вопрос и ответил отрицательно.

— Так ведь человек, который расчленяет тело и прячет голову, всего лишь пытается спастись от тюрьмы. Старайтесь мыслить здраво, мой мальчик.

— Некоторых убийц признают невменяемыми и содержат в Бродмуре! — сказал я, ловко уклоняясь от ответа.

— Ох уж этот Бродмур, — вздохнула миссис Брэдли. — Напрасная трата общественных средств. Куда

* Патрик Мэхон (1890—1924) был осужден за убийство любовницы, тело которой расчленил на множество частей.

лучше безболезненная смерть. О смерти, молодой человек, говорят много глупостей. Заметьте, осужденный не должен переживать ужас ожидания казни, как то происходит при нашей отвратительной, бесчеловечной системе. Я не призываю отменить смертную казнь, но пусть она будет не наказанием, а избавлением. Пусть нам достанет душевных сил освободить от жизни тех, кто не готов нести ее бремя. А общественная этика, состоящая, как правило, в том, чтобы воздерживаться от определенных поступков, для одних умов недостижимый идеал, для других — просто чепуха.

— Однако долг церкви... — начал я и замолчал. Ведь церковь не занимается светской этикой. Вопросы светской этики всего лишь веши для нашей духовной жизни.

— Священники тоже люди, — довольно бестолково заметил я.

— Не обязательно, — заявила миссис Брэдли и ядовито фыркнула. Беда в том, что я не всегда понимаю, серьезно ли говорит моя компаньонка. Я вдруг подумал о миссис Куттс с ее унылым умом. По сравнению с ней эта маленькая странная женщина-ящерка казалась яркой, словно радуга или перламутровая ракушка. Никогда не знаешь, что внутри ракушки, зато одно точно ясно: если сам Гавриил затрубит в трубу прямо миссис Брэдли в ухо, не признаёт она ни звука его трубы, ни самого архангела. Да, личность непростая, и отрицать это бессмысленно, но сразу чувствуешь, что она, как поется в одном мормонском гимне, «на стороне Господа».

Миссис Брэдли хлопнула меня по плечу — лучше, нечего и говорить, чем тычок под ребра.

— Ну а теперь к повестке дня, — сказала она. — Если говорить об убийцах, давайте не забывать о нашем.

Между прочим, не знаете ли, на какой поезд лучше сесть в Уаймут-Харборе, чтобы успеть в Лондон к ужину и еще попасть в театр?

— Лучше всего поезд в три тридцать. Он нигде не останавливается, прибывает на вокзал Ватерлоо, и кроме того, в нем есть вагон-ресторан.

— Спасибо, мой дорогой. Значит, в три тридцать. — Миссис Брэдли записала время. — Теперь, мальчик, об убийстве Мэг Тосстик. Странное, знаете ли, дело. — И тут, решив, видимо, перейти от общего к частному, она заговорила о Бобе Кэнди. Именно этого я ждал.

— Нужно, чтобы вы с ним побеседовали. И задайте ему несколько вопросов о том, как он провел праздничный день.

— Так его адвокаты наверняка...

— Да, да, да! — Миссис Брэдли поглаживала рукав своего черно-желтого вечернего платья. — И все же лучше вам самому сходить. Он ведь к вам всегда хорошо относился, разве нет?

— Более или менее.

— Вот и докопайтесь до его алиби. А если у него нет алиби, выясните правду. Видимо, полиции он не сказал всего; если мои заключения верны, правда лишь укрепила бы позиции обвинения. Разгадывая небольшие тайны мистера Берта, я немало думала и о Бобе Кэнди и пришла к выводу, что в праздник Боб виделся с Мэг. При чем галстук он не выбрасывал, он надел его в тот день. С галстуком Боб, согласитесь, выкрутился не слишком убедительно.

Это я признавал. Ясно как день: насчет галстука, которым задушили Мэг Тосстик, бедняга наврал с три короба.

— Расскажите мне про Боба, — попросила она.

— Ну... он такой здоровенный, крепкий парень. Вы и сами видели. Никаких признаков ненормальности никогда не проявлял, разве что дуться любил из-за всяких надуманных обид. Его способности вышибалы и применения-то почти не находили: народ в деревне спокойный, напиваются редко. Перед закрытием всех просто выпроваживали. То есть Боб работал в основном барменом. Влюбился в эту несчастную, и оба стали копить деньги, чтобы пожениться. Я про их планы знал, поскольку они попросили викария хранить их сбережения. Тот сказал, что в банке им дадут два с половиной процента, а сам он процентов не дает, и уговорил их открыть сберегательный счет. Счет был на имя Мэг; Боб так решил. Куттс советовал открыть два счета, но Боб и слушать не желал.

— Вот, вы упомянули несколько фактов, говорящих в пользу Боба. — Миссис Брэдли нахмурилась. — Нет, не такой он человек, которого стоило бы повесить.

— Как видите, в материальном отношении от смерти Мэг он ничего не выигрывает. Констебль Браун указал на это инспектору, но тот проигнорировал.

Миссис Брэдли кивнула.

— Вы говорите, у него не было серьезных недоброжелателей?

— Это насчет того, что он вышибала? Уверен, не было. Да, в тот вечер, в воскресенье, он вел себя грубовато, но к нему все хорошо относятся.

— Вы, как его защитник, должны собрать любые факты, говорящие в его пользу. Ведь даже несколько подобных мелочей иногда могут склонить чашу весов в сторону обвиняемого.

— Значит, вы не надеетесь отыскать настоящего убийцу? — Я был разочарован. Миссис Брэдли произ-

водила впечатление человека, способного в любой момент вытащить из шляпы кролика.

— О нет, я отлично знаю, кто убийца. Беда в другом — мало кто захочет мне поверить. А вы меня удивляете. По-прежнему уверены, что Боб Кэнди не способен на убийство. Просто нелепо.

Подобную мысль она уже высказывала. Теперь же, не дав мне времени возразить, миссис Брэдли начала ее развивать.

— Молодой человек по-настоящему любил невесту, если доверил ей все сбережения. Вам не кажется необычным, что в деревне так удивились, узнав о беременности Мэг Тосстик? Судя по вашим словам и словам миссис Куттс, добрая беременность не столь уж редкое в вашей деревне явление.

— Это скорее традиция. — Я, нечего и говорить, готовился встать на защиту односельчан. В конце концов люди у нас вполне добродетельны, и в таком обычае особой безнравственности нет, пусть даже миссис Куттс другого мнения. Просто так уж тут заведено. Нужно мыслить шире.

Кажется, миссис Брэдли критиковать и не собиралась. Она кивнула и сказала:

— Если принять за факт, что Боб Кэнди, как вы утверждаете, невиновен, то имеется рабочая гипотеза. Допустим, некие любознательные лица, включая супругов Лори, просили Мэг Тосстик открыть имя соблазнителя, а она отказалась. Не знаю, почему она его скрывала, но скрывала. Причем — факт весьма примечательный! — пресловутая маленькая птичка никому ничего не прочиркала. Тайна Мэг так и осталась тайной — даже для меня, и потому я не могу обосновать свою убежденность, и, стало быть, это лишь версия, а

не установленный факт. Далее. Мэг хранила тайну по одной из двух причин. Либо ее запугал отец ребенка, либо она боялась, что ее возлюбленный, узнав имя соблазнителя, совершит убийство. Человек сильный легко запугает такую девушку, как Мэг Тосстик, однако же он, видимо, не настолько силен, чтобы противостоять Бобу Кэнди. Бедная девочка, доведенная почти до истерии, после всех душевных и физических страданий уже была готова поведать вперемешку со слезами и самобичеваниями свою горестную и постыдную историю. Негодяй, жертвой похоти которого она стала, испугался, что она так и поступит, и решил убить, дабы она умолкла раз и навсегда. И вот убийство совершено, а бедный неповинный Кэнди, как и предвидел убийца, арестован. Каково? — И она от души рассмеялась.

— Значит, остается только найти отца! Вы говорите, что знаете, кто он. Давайте припугнем его и вытянем правду.

Миссис Брэдли фыркнула.

— Поверьте, виселицы он боится куда больше, чем ваших угроз. Да и потом без доказательств мы почти ничего не добьемся, а изложенная мной версия отнюдь не обязательно истинна. Это лишь рабочая гипотеза, в которую укладываются все известные факты. Теперь вы поговорите с Бобом, точно выясните, где он был и что делал во время праздника, и расскажете мне. Убедите его, что лучше всего не скрывать правды. Кстати, для защиты я пригласила Фердинанда Лестрейнджа.

— Самого сэра Фердинанда? — Я чуть не поперхнулся, когда представил, сколько тот запросит.

— Да. Моего сына от первого брака, — ответила эта удивительная женщина. — Умный мальчик. Почти такой же умный, как его мать, и так же неразборчив в

средствах, как отец. Который всю пшеницу на бирже скупил и рынок на себя обвалил! — Она взвизгнула и в сатанинском веселье тыкала меня под ребра, пока я не выскочил из комнаты.

Смех ее преследовал меня до самой прихожей; там я схватил шляпу и побежал прочь. Перед сном я еще успел поговорить с Дафни. Другие обитатели дома уже спали. Дафни тоже легла, но услышав звук открываемого замка, потихоньку спустилась в столовую. Она села ко мне на колени, и я рассказал все, что узнал — точнее, большую часть.

— Держу пари, это Лори! Старая мерзкая свинья! — воскликнула моя возлюбленная. — Он как раз такой тип!

— Я бы поставил на Берта. Явный безбожник, и вообще более отвратного типа еще поискать. Такие вот и сворачивают девушкам шеи. Он и Кору бил. Не удивляюсь, что они поссорились.

— От него не бросает в дрожь, как от Лори. А девушки вроде Кору не переживают из-за потасовок. Им нравится, когда их мужья ведут себя грубо.

Лично я всегда считал, что всякие там штучки в духи Этель Делл* — чистая фантазия, однако Дафни не дала мне возразить. Оглянувшись и понизив голос, она сказала мне на ухо (приятно щекотнув своим дыханием):

— Знаешь, а Церберша считает, что это или дядя, или сэр Уильям. Я про ребенка. Она думает, Лори его прячут, потому что он похож на отца.

— Твоя тетя — сумасшедшая, — сказал я мягко, но с откровенной прямоотой. — Послушай, Дафни, поехали

* Этель Мэй Делл (1881–1939) — английская писательница; для ее романов характерны нежные женственные героини и мужественные суровые герои.

со мной в Клайтон! Пока я поговорю с Кэнди, побудешь в библиотеке, а потом посидим в чайной. Да еще дорога в оба конца, так что часа четыре пробудем вместе.

Условившись о поездке, мы разошлись по спальням. Как же мне не терпелось жениться! А я даже не знал, сколько еще придется ждать.

Через три дня я получил разрешение посетить Кэнди, и мы отправились в Клайтон. Дафни пошла по магазинам и в библиотеку почитать последние журналы, а я на трамвае поехал в тюрьму; она находилась мили за полторы от города.

Кэнди мне обрадовался, однако стоило завести речь о деле, мигом спрятался в раковину как улитка. Он был немного бледен, но в целом выглядел неплохо и о суде говорил с надеждой.

— Им придется меня отпустить, — повторял он, сплетая и расплетая пальцы. — Я же не убивал! Так что повесить меня не могут. Это ведь незаконно, мистер Уэллс.

— Послушайте, Кэнди, дружище. — Я изо всех сил старался его не напугать, но и подводить миссис Брэдли никак не хотел. — Они думают, что убили вы. Знаете, кое-кто богатый и умный вам сочувствует и намерен отсюда вытащить, только ничего не получится, если вы не расскажете все, как было.

Вид у него стал задумчивый, как у Джоконды, и такой же глуповатый, а то, что он выделывал пальцами, меня уже раздражало. Говорить он явно не собирался, а время шло, и я решил пойти ва-банк. Суровым голосом, каким священник обращается к нераскаявшемуся грешнику (а офицер к солдатам), я спросил:

— Почему вы не признаетесь, что провели с убитой вечер?

Он вдруг подскочил — и я от неожиданности тоже.

— Ах ты ж! Я был у ней не вечером, черт побери, а после обеда!

— Про это все уже знают. — Я надеялся, что ложь мне простится. — Так почему бы вам не облегчить душу? В тот вечер вы виделись с Мэг Тосстик.

Чистый блеф, нечего и говорить, даже мне самому стало стыдно.

— Да не убивал я, говорю же — не я!

— Знаю, что не ты, дурень этакий! — подбавил я суровости. — Но как же тебе помочь, если ты не говоришь правды?

Боб облизал губы. Его челюсти нервно ходили.

— Ладно, — утрюмо пробормотал он. — На праздник мне идти не хотелось, а «Герб» до вечера закрытый, вот я и отпросился у мистера Лори до шести. Бар-то открывался в половине седьмого, а после праздника народу захочется промочить горло. Я сказал викарию, что в крикет их дурацкий играть не стану, и пошел в Литтл-Хартли, побродил по лесу, закусил, а потом потихоньку вернулся в Солтмарш поговорить с Мэг, кое-что у нее выведать. Раньше-то я никак не мог, меня миссис Лори не пускала. Наверное, боялась, что обижу. — Лицо у Боба потемнело.

— Она так сказала?

— Нет. То, дескать, бедняжка очень плоха, то она устала или спит, то младенца кормит, в общем, все время причину находила.

— То есть вы не говорили с Мэг с того самого дня, как она родила, и до праздника?

— Ну, вроде как да. И раз хозяин с хозяйкой, и все служанки, и ребята ушли на праздник, а про меня думали, будто я где-то гуляю, я и решил попытать сча-

тъя. Не хотел я бедняжке дурного, только спросить, да по-хорошему, кто же это такой ей милей меня стал. А бранить ее, мистер Уэллис, я не собирался. — Боб умоляюще смотрел на меня, но я молчал, и он заговорил дальше: — Когда я вошел, Мэг напугалась. Побелела, и лицо у нее было такое изможденное. Ребенка мне не показала, наверное, не хотела, чтоб я видел, на кого он похож. И вот она спрашивает: «Зачем ты, Боб?.. Как ты?» — «Я-то ничего, — говорю, — а ты?» — «И я ничего. Ты бранить меня пришел? Ты уж не ругайся и не обзывайся, пожалуйста. Где мне брань слушать, я едва живая. И про отца ребенка не спрашивай». Ну вот, мы с ней так потолковали, а потом она говорит: «Я понимаю, Боб, что прежнему не бывать, а только сделай мне приятное, приляг головой ко мне на подушку». Я и прилег рядом, обнял ее поверх одеяла, а галстук снял, а то он мне на шею давил.

— Тот самый — вязаный?

Он кивнул, горько улыбнулся и продолжил:

— Смешно, правда? Задремал я как дурак — лежать-то мягко было и тепло. А потом чувствую, Мэг вся дрожит, я и проснулся, а она велит мне убираться. Смотрю на часы — уже пять минут седьмого. Я скорее вскочил, взял у нее гребешок, причесался. Стал искать галстук — а его нет. Мэг обещала найти и прибрать, а мне сказала уходить поскорее. Уж больно боялась, бедняжка, что меня у нее застукают. Ну я и ушел. Взял у себя в комнате другой галстук, переоделся в рабочее и пошел в бар. Хозяева еще не возвратились, а служанки и Чарли Пичи — это второй бармен — скоро пришли, и мы открылись, как положено. Хозяев так и не было, ну мы и закрылись в половине одиннадцатого, Чарли и девушки отправились на танцы, а я поднялся наверх,

к Мэг. Постучал — она не ответила. Покрутил ручку — заперто. Я и пошел спать.

— А когда именно вы пошли к себе?

Кэнди задумался.

— Не раньше чем без четверти одиннадцать... но и не позже одиннадцати. Да, а вот те пятнадцать минут, что я лазил в погреб, — они-то меня и подвели.

Я пытался его успокоить, хотя и сам понимал: из-за этих пятнадцати минут он и попал в беду.

Время посещения истекло, и я ушел.

— Понимаешь, — сказал я Дафни уже за чаем, — бедную девушку, видимо, убили до того, как Кэнди ушел к себе. Доктор говорит, она умерла между девятью и половиной одиннадцатого.

— Как раз когда Кэнди был занят и не мог помешать, — заметила Дафни.

— Как раз, — с горечью ответил я, — когда этот дурень спустился в погреб за пивом для разливочной, в которой распоряжается миссис Лори.

— Значит, именно она его туда отправила!

— Каким образом? Ее же вообще не было в доме. Боб сказал, что хозяева не вернулись, а где их носило, он даже не знает. Миссис Лори еще днем велела достать на вечер пиво.

— А мне это кажется подозрительным.

— Девочка моя, будь же разумной.

— Послушай, Ноэль, ну ведь странно же, что бедняжку Мэг убили как раз тогда, когда их не было и никто их не мог заподозрить? Не говоря о том, что раньше миссис Лори вообще не оставляла ее одну.

— Послушай, Дафни. — Ее наивность меня разве-селила. — Разумеется, преступнику удобнее пробрать-

ся в дом, когда хозяев нет. Нельзя же совсем отказываться убийце в сообразительности.

— Все равно ненавижу обоих Лори. И неспроста они взяли к себе Мэг.

— Но твой дядя, я так понимаю, оплатил кормежку и проживание, — слабо возразил я.

— Да ну?!

Это сомнительное восклицание она никак не пояснила.

— Ладно, пока я ничего не забыл, запишу-ка рассказ Кэнди, и миссис Брэдли услышит все как бы от него самого, почти слово в слово.

У меня отличная память, и я довольно неплохой стенограф — сто сорок знаков в минуту, нечего и говорить, вполне осиливаю. Вооружившись показаниями Боба, мы отправились в Солтмарш, а там я сразу пошел в Манор-Хаус к миссис Брэдли.

— Первым делом, — заявила она, выслушав меня, — следует расспросить девушку, которая замещала в тот день в разливочной миссис Лори. Кстати, разве не странно, что хозяйка сама работает в разливочной?

— Только ради обслуживания автомобилистов. Лори торгуют навывнос, просто не называют это винной лавкой — чтобы можно было и по воскресеньям торговать*.

— Ах, ну да, конечно.

Она ядовито фыркнула, и мы отбыли в «Герб Морнингтона».

— Поскольку нам неизвестно, кто из девушек работал в винной лавке... то есть в разливочной в понедельник вечером, — сказала она по дороге, — то лучше

* До «Закона о воскресной торговле» (1994 г.) торговля некоторыми товарами в воскресные дни в Англии была запрещена.

всего поговорить с барменом Чарли Пичи. Что он за человек?

— Нормальный, кажется, — осторожно ответил я. — В нашу церковь он не ходит. Католик.

— Он-то как раз вряд ли убийца.

Я обдумывал этот странный постулат, пока мы не подошли к таверне.

«Герб Морнингтона» уже не тот деревенский кабачок, маленький, с беленым фасадом. Его перенесли подальше от дороги, разбили площадку для кафе на воздухе, а года за три до описываемых событий его перестроили в деревянно-кирпичный елизаветинский дом. Здесь есть гараж на двенадцать автомобилей и десять гостиничных номеров. Да, Лори постарались. В основном они, нечего и говорить, обслуживали проезжающих и тех, кто отдыхал в Солтмарш летом. А зимой только пивом и торговали.

— Вы зайдете, — распорядилась миссис Брэдли, — возьмете что-нибудь выпить и узнаете у Чарли имя той девушки. А я подожду на почте.

Я заказал коктейль и как следует взялся за Пичи — худого парня с темно-русыми волосами, которого едва знал, поскольку он был католик.

— Кто распорядился в разливочной в понедельник вечером? — спросил я.

— Мейбл. Она вам нужна, мистер Уэллс?

— А может она отпроситься и прийти на почту? Я бы лучше там с ней поговорил.

— Запросто. Она все равно бездельничает. Хозяйка суетится вокруг приезжих охотников, а хозяина нет.

В баре мы были одни; я придвинулся к нему и тихо спросил:

— Так что тут у вас делалось, Пичи? Младенец был или нет?

Бармен вытер со стойки капельки пива и сказал:

— Странно, да, мистер Уэллс? Младенец-то точно родился; все слышали, как он плакал. Только куда он девался — тайна, покрытая мраком.

— Послушайте, — начал я, чувствуя себя уже Шерлоком Холмсом и трепеща, словно гончая, взявшая след. — Сами-то вы что думаете? Вы же знали Боба. Наверное, знали и убитую. Так как по-вашему — кто убил Мэг Тосстик? И где ребенок?

Пичи неуверенно произнес:

— Не знаю, должен ли я вам говорить... Вы ведь не из полиции. Хотя если пообещаете, что дальше вас не пойдет...

Я пообещал, но предупредил:

— Кое-кому я должен рассказать. Однако если не хотите — не стану.

— Той дамочке из Манор-Хауса?

Я подтвердил.

— А, тогда пускай. Только имейте в виду: наверняка я не знаю. Просто думаю так. Понимаете?

— Абсолютно.

— Так вот, я думаю, это мистер Берг. То-то он влип, когда Боба арестовали. Он же хотел все на моего хозяина свалить.

Я дал парню шиллинг за беспокойство — он ведь даже не наш прихожанин, — допил коктейль и неспешно направился к зданию почты. Пока я туда добрал и помог миссис Брэдли выбрать пару открыток, подошла и Мейбл Пьюзи, очень испуганная. Она купила марку за полтора пенса, приклеила ее к конверту, который держала в руке, и мы все вышли на улицу. На почте мы

к девушке не подходили, собрались вместе на улице. Мейбл была в ужасном состоянии.

— Ах, мэм, — сразу заговорила она с миссис Брэдли. — Теперь его могут повесить, но откуда же мне было знать? Я и подумать не могла! Миссис Лори, когда уходила, велела достать светлого пива и с дюжину портера... Да я бы лучше язык себе откусила, только бы не говорить полиции, что Боб провел в погребке четверть часа, да еще после девяти; мне и невдомек было, что из-за этого его в убийстве обвинят.

— Послушайте, милая, — ласково сказала миссис Брэдли своим чудесным голосом. — Вы хотите помочь Кэнди — верно?

— Хочу, еще как! Ведь пока Мэг Тосстик его не... — Девушка замолчала, но все и так было ясно. Бедняжка любила Боба, а теперь из-за ее слов парня могли приговорить к смерти. Тяжелая мысль. Мы сочувственно покивали.

— Сколько он принес из погреба бутылок? — заинтересовалась миссис Брэдли.

— Дюжины три, не менее.

— А где находится погреб?

— Теперь он под гаражами, где раньше стоял сам дом. Из таверны идете через двор, входите в первую дверь, и в дальнем правом углу будет лаз. Выключатель прямо на стене, у люка, включаете и спускаетесь. Раньше оттуда вел подземный ход.

— И Бобу Кэнди требовалось именно пятнадцать минут, чтобы принести столько бутылок?

— Ну... — Мейбл колебалась. — В суде я скажу, что да, пусть даже это будет клятвопреступлением. К тому же подручный — обормот эдакий — где-то шатался.

— А у него какие обязанности?

— Ему положено ждать у люка и принимать у Боба бутылки, складывать в маленькую тележку — ее Боб сам сделал — и отвозить в разливочную. А он ушел на праздник. Сказал, хозяйка его отпустила, и до утра, мол, он не придет. Мало его лупили, поросенка! — Мейбл была полна праведного негодования. — Мы уже запирали двери, когда он ввалился. Где-то около часу. Хозяин говорит: «Парни есть парни», а хозяйка, наверное, дала ему оплеуху.

— А как вел себя Боб, узнав, что у Мэг будет ребенок? — спросила миссис Брэдли.

Мейбл пожала плечами.

— Пошумел немножко да напился, но быстро успокоился. — Она вздохнула. — У парней ведь не так, как у нас, девушек. Да, Боб сильно не переживал... я и на суде так скажу!

Глава IX ДЕРЕВНЯ ВЫСКАЗЫВАЕТСЯ

— Последнее ее замечание очень важно, не так ли? — сказала миссис Брэдли на обратном пути.

Я, нечего и говорить, был сбит с толку.

— Почему?

— Боб пережил обиду задолго до убийства. Таким образом, мотив становится сомнителен.

— Минуточку! А эта самая Мейбл — как ее там? — не могла она убить?

Миссис Брэдли сжала губы в маленький клювик и покачала головой.

— Даже если у вас сильные руки и крепкие нервы, убивать таким образом крайне неприятно. Вы выдвинули предположение потому, что Мейбл влюблена в Боба и могла захотеть убрать соперницу. Думаю, это маловероятно. Во-первых, Мейбл не похожа на ревнивую и мстительную особу. И потом, если она совершила убийство из любви к Бобу, она бы призналась, чтобы его спасти. И все же забывать о ней не будем. Следует помнить: Кэнди не единственный, у кого был мотив убрать Мэг.

— Спасибо, — сказал я, ободренный тем, что она не разнесла мое предположение в пух и прах. — Значит, подведем итоги. Мне записать?

— Буду благодарна.

Мы уже подходили к Манор-Хаусу и через минуту были в библиотеке.

— Во-первых, — начала миссис Брэдли, — если в суде Кэнди расскажет все так, как рассказал вам, то любое жюри его оправдает. Такая трогательная история и, вероятно, правдивая. Во-вторых, если ему удастся обеспечить себе алиби на упомянутые пятнадцать минут, возбужденное против него дело просто развалится. На мой взгляд, арестовав его, полиция действовала чересчур поспешно, даже если учитывать эти четверть часа. Кэнди очень не повезло, что подручный ушел и не исполнял в тот день свои обычные обязанности.

— Беда в том, — добавил я, — что народ веселился на празднике. И потому у всех деревенских есть алиби. Даже если они были не с друзьями...

— Алиби есть отнюдь не у всех! — перебила меня собеседница. — Вы обратили внимание на тот факт, что Кэнди не видел ребенка?

— Да. Бедняжка, наверное, родился с каким-нибудь уродством. Или думаете, он на самом деле видел и за чем-то солгал?

— Уродства бывают разные, — серьезно произнесла миссис Брэдли. Я приготовился слушать дальше, но она явно покончила с рассуждениями и даже не ответила на мой вопрос. Однако когда я собрался идти, взглянула мне в глаза и сама спросила: — Вы по-прежнему верите в невиновность Кэнди?

— Душу готов продать! — воскликнул я.

— Вот еще Фауст нашелся.

Ее злобное фырканье преследовало меня до самого выхода.

По дороге домой, уже в сумерках, я не переставая думал о ребенке. Почему-то никого не заинтересовал тот факт, что ребенок исчез в день убийства. Я завернул к Брауну и задал ему вопрос.

— Занятно, что вы спрашиваете, — сказал он. — Поглядите-ка, мистер Уэллс, как вам это?

И он вынул из ящика стола визитную карточку. На одной стороне было имя Гэтти, на другой — печатными заглавными буквами (криво) выведено: «Где ребенок Мэг Тосстик?»

— А кто написал? — спросил я.

Констебль почесал краем карточки подбородок.

— В том-то и загвоздка, сэр, именно в том. Не знаю. Ее ведь не мне написали, нет, сэр. Миссис Куттс принесла. Часа в два пополудни. «Вот, Браун, — говорит, а карточку держит так, словно та кусается, — что это еще такое?»

«Это, мэм, — говорю я... а что я мог ей сказать? — это, говорю, не знаю даже, что такое, мэм. Скажите сами, мэм, что это такое».

— «Вот вы и выясните!» — рывкает она. Уж простите, мистер Уэллс, но она прямо рывкает. Как моя пятнистая гончая. Помните ее? Мистер Уильям еще хотел щенка из ее последнего помета. А тетка у него деньги отобрала и пожертвовала церкви. Ну вот, я, значит, посмотрел на карточку и ничего не понял, кроме того, что на ней написано. «Ладно, мэм, — говорю, — я постараюсь, но здесь нужно тщательное расследование». Конечно, мистер Уэллс, ничего я не расследовал, ведь, по чести говоря, не знаю, как тут быть. Одно могу сказать: это не Гэтти сделали.

— Гэтти?

— Ну да. — И, перевернув карточку, Браун ткнул пальцем в имя. — Вы же не думаете, что карточку послали мистер или миссис Гэтти, когда они вполне могут сами прийти к викарию и спросить. А если бы они хотели спросить, не выдавая себя, зачем посылать визитную карточку? Смысл-то какой, мистер Уэллс?

Он был прав.

К моему удивлению, миссис Куттс, встретившая меня у дверей, держала в руке такую же карточку.

— Что такое? — спросил я.

— Это, конечно, не Гэтти. — Она сунула карточку мне. — И все же вы на всякий случай сбегайте и спросите.

Я застонал, но, нечего и говорить, пошел.

Гэтти были дома и, по их словам, знать ничего не знали ни о каких посланиях на их карточке. Они повертели ее в руках, и я тоже ее брал, да и миссис Куттс, так что проверять на ней отпечатки пальцев не имело смысла. Забрав карточку, я пошел домой.

— Ну вот, еще один, — сказала миссис Куттс.

Старина Куттс, мучимый невралгией, уже лег, а Дафни с Уильямом метали кольца на заднем дворе.

На следующий день было воскресенье. Обычно мы завтракаем в половине девятого, а в воскресенье — в восемь. Не знаю почему так; наверное, чтобы викарий успел просмотреть свою воскресную проповедь. Меня обычно разбудить нелегко, но в тот день разбудили так, что я мигом проснулся. Сидя в постели, я разглядывал увесистый предмет, сползающий снаружи по оконному стеклу и похожий на раздавленный переспелый помидор. Я встал и внимательно его рассмотрел. Это и вправду был раздавленный переспелый помидор. Отчаянно пытаюсь проморгаться, я выглянул в окно и увидел за нашей изгородью толпу деревенских парней. Занимались они тем, что забрасывали дом перезрелыми овощами и фруктами, тухлыми яйцами, кусками коровьего и конского навоза. Я, как выяснилось, неосмотрительно распахнул окно. В это же время рядом открылось окно Уильяма, и раздался взволнованный мальчишеский голос:

— А ну завязывайте сейчас же, придур...

Тут он получил прямо в лоб куском навоза. А мне досталось по уху прошлогодним яйцом. Мы захлопнули окна и выскочили из комнат, торопясь в ванную. Уильям сильно разозлился. Ругательств он знал не много, но все, какие знал, использовал сполна. Я, нечего и говорить, последовать его примеру не мог, только молча сочувствовал.

— Да за что же это? — вопрошал он, растирая полотенцем начисто вымытое лицо. — Чего им взбрело в голову, спрашивается?

Я пошел разыскивать старика, Уильям — за мной. На площадке нам попалась Дафни в веселеньком голу-

беньком халатике и с взлохмаченными волосами. Прямо как маленькая девочка. Я успел ее слегка чмокнуть — мимолетное, но удовольствие. Она машинально утерлась и сообщила, что снаружи шумит толпа разгневанных санкюлотов. Появилась миссис Куттс — полностью одетая, прическа волосок к волоску, — и мы собрались у окошка на лестничной площадке. Толпа перестала швыряться овощами и прочими приятными штучками и перешла к десерту — комьям земли и камушкам.

Окнам в столовой досталось уже основательно, а один камешек, размером с хорошую виноградину, разбил окно у меня в спальне и еще — стекло на картине «Резвящиеся нимфы», висевшей над изголовьем. Мне она не нравилась, и держал я ее лишь потому, что она раздражала миссис Куттс, которая являлась в мою комнату каждое утро, еще до того, как служанка приходила наводить порядок, и поворачивала картину лицом к стене.

От шума и гама проснулся и старик. Он успел одеться лишь до стадии брюк и рубашки и не побрился. Узрев толпу побивателей камнями, он не придумал ничего лучше, как обратиться к ним с речью.

— Говорить через окно бесполезно, — заявил он, обозрев пустую раму в моей спальне. — Выйду в сад и разберусь с этим безобразным митингом.

Даже миссис Куттс, которая обычно, наоборот, любит представлять Церковь Воинствующую, сочла эту мысль дурацкой, а я уже дошел до такого состояния, что согласился с ней. Точнее, хотел согласиться, но увидел устремленный на меня взгляд Дафни. И сказал, что если он пойдет, то и я пойду.

Старик не стал даже надевать жилет и пиджак, а сразу прошагал наружу и давай на них греметь. Такой

голос он обычно приберегал на те дни, когда в церкви было полно школьников, и они стучали ногами по вперёдистоящим скамьям, играли в футбол подушечками для коленопреклонения, лупили друг друга молитвенниками и демонстративно кашляли до самой заключительной молитвы.

— Люди добрые! — прогромыхал Куттс. — Что все это значит?!

Десятки голосов нараспев ответили:

— Где ребенок Мэг Тосстик? Где ребенок Мэг Тосстик? Мы спрашивали у Лори! Он не знает! Мы спрашивали у его хозяйки! Она не знает! Где ребенок Мэг Тосстик?

Они тянули это как псалом, и вой стоял почище, чем в Баттерсийском собачьем приюте. В дом летели камни. Вдруг раздался щелчок, и кто-то в толпе крикнул:

— Эй, ребята, пригнитесь! Они стреляют!

Тут пневматическое ружье Уильяма выстрелило второй раз, и в толпе осаждающих кто-то завопил. Викарий крутанулся назад.

— Уильям!! — закричал он. — Прекрати! Слышишь?!

— Ладно, только если кто кинет камень — у меня еще есть пуля. Развылись, наглецы какие! Если бы мои тетя и сестра не выкручивали мне тут руки, я б вышел, я б вам задал!

Диверсия Уильяма внесла смятение в ряды нападающих; воспользовавшись этим, Куттс объявил, что если они желают высказаться, то после утренней службы он готов принять депутацию. Паства, видно, привыкла помалкивать, когда Куттс говорит, и потому все почти спокойно выслушали его разглагольствования об ущербе собственности и неспровоцированных оскорблени-

ях, а по окончании речи — довольно яркой, поскольку выступал он, нечего и говорить, на голодный желудок, — без особого ропота разошлись. А мы вернулись в крепость и стали подсчитывать потери.

— За окно заплачу из церковных пожертвований, — пробормотал Куттс, держа во рту палец, порезанный об острый край разбитого стекла.

— Ноэлю придется пока спать в комнате Уильяма, — вмешалась его жена.

— Ни за что на свете! — неосмотрительно воскликнул я.

Во время завтрака миссис Куттс непрерывно делала разные замечания, преимущественно в мой адрес. Оказывается, по мнению деревенских, ребенка украл я. Я ее даже не перебивал. Бесплезно.

Должен признаться, идя за викарием к церкви, я испытывал то же чувство, что, наверное, испытывали первые миссионеры. Воскресная служба, однако, прошла нормально; хоть самые буйные, сидя на задних скамьях, жевали жвачку, никаких беспорядков не произошло. После заключительной молитвы викарий, стоя на ступенях алтаря, прокашлялся, огляделся и сказал не вызывающе, но грозно:

— Жду в ризнице того или тех, у кого есть претензии ко мне или членам моей семьи.

Двое юнцов и мужчина постарше приличного вида подошли к двери в ризницу. Заговорил старший — местный почтальон, атеист. Он снял шляпу и вообще вел себя почтительно, хотя выражений особо не выбирал и напрямик заявил:

— Я у вашего дома не был и камнями не бросался. И не одобряю всякого хулиганства и бесчинства. Однако все мы хотим знать, что вы и ваша хозяйка сдела-

ли с ребенком той бедняжки. Мы, мистер Куттс, знаем, что вы отец, но где маленький?

Старый Куттс ужасно покраснел.

— Уважаемый, — произнес он, задыхаясь. — Это совершенная, гнусная и нелепая клевета. Вас можно привлечь к суду. Следите за своими словами. — Викарий свирепо нахмурился и, глядя на почтальона, что-то еще фыркал.

Тот, однако, отступить не собирался.

— Прошу прощения, мистер Куттс, но когда это случилось, бедная девочка жила под вашей крышей, так ведь?

— Так, — буркнул викарий.

— А может, мистер Уэллс постарался, — вставил один из парней, поворачиваясь ко мне.

— Ничего подобного! — слабо возмутился я.

— Я так ребятам и передам, — сказал почтальон. — Только навряд ли их устроит такой ответ. Нам бы фактов, мистер Куттс.

— Ну и идите к чертям! — Викарий явно позабыл, где находится.

Депутат потопал прочь, захватив обоих юнцов.

— Позову Берта с его слугой и сэра Уильяма — пусть выставят всякого, кто попытается помешать вечерней службе, — мрачно сказал викарий. В дни своей, возможно бурной, молодости, он миссионерствовал и, похоже, научился разбираться в людях, потому что беспорядки во время вечерней службы и вправду были. Собственно говоря, куда лучше тут подошло бы слово «бунт».

Либо им не понравилось, какой мы выбрали отрывок из Писания, либо у них все было заранее спланировано. Про это мы знаем не больше, чем про ту един-

бургскую торговку, которая швырнула в декана табуретом в тысяча шестьсот тридцать каком-то году.

Так или иначе молитвенник просвистел мимо, едва меня не задев. Я как раз читал Священное писание и растерялся. Позади меня раздался голос викария: «Не останавливайтесь, Уэллс», и я понял, что он стоит рядом. Затем в нас полетело сразу несколько молитвенников, и мне пришлось замолчать. Неожиданно среди всей этой суматохи раздался голос миссис Гэтти:

— Ку-ку! Ку-ку!

Нашла время, ничего не скажешь.

Глава X

ВСЯЧЕСКИЕ АЛИБИ И ГРОМ СРЕДИ ЯСНОГО НЕБА

Пока я снимал стихарь, мятеж почти подавили. Последних, самых упорных бунтовщиков вышвыривали за двери Берт (не скрывавший радости), викарий (пытавшийся радости не выказать) и Фостер Вашингтон Йорк, который, напевая негритянский духовный гимн «У меня есть крылья», с ревностным пылом и истинно христианской неподкупностью тоже вносил свою лепту в общее дело. Поспев, так сказать, к шапочному разбору, я наподдал одному юнцу по имени Скоггин, которому мечтал врезать уже года полтора, и мы, заперев двери, продолжили службу. Викарий сократил проповедь до тринадцати минут, а закончив, двинулся не в ризницу, а прямо к дверям, отпер их и вышел на крыльцо. Я пошел за ним. Хулиганы еще болтались перед церковью, очевидно, поджидая нас.

Никто, однако, не думал, что мы появимся так скоро, и мы, нечего и говорить, застали их врасплох. Не давая им времени опомниться, викарий поднял руку и, указывая сначала на одних, потом на других, произнес:

— Вы совершили святотатство! Кроме того, вы нарушили общественный порядок. Я поставлю в известность констебля, и вам очень скоро придется ответить за ваше поведение. Можете идти.

Да, от Куттса я не в восторге, но иногда им просто восхищаешься.

Парни только переглядывались и облизывали губы. А потом начали разбредаться. Всего их было пятнадцать — некоторые даже не из нашего прихода, а из соседней деревушки под названием Стэдхемингтон.

— Да, интересно, — протянула миссис Брэдли, услышав мой рассказ.

— Это показывает, что думают в деревне.

— Да. — Она усмехнулась. — А вот почему они так думают?

Я лишь лепетал о дыме, который бывает и без огня, об угле, который не обожжет, да замазает, а миссис Брэдли опять сжала губы в клювик и покачала головой.

— Миссис Куттс, — молвила она. — Верблюдица может плюнуть, может и укусить. Анонимно, милый мальчик.

— Вы про визитные карточки Гэтти?

— Разумеется. Эти карточки в дом викария никто не присылал. Что скажете, молодой человек? Виновен мистер Куттс или нет? Нормален или нет?

— Да ну, бросьте, — запротестовал я.

Она опять улыбнулась.

— Решайте, мой милый. Считаете ли вы его отцом ребенка? Его жена считает. Это ее все время и мучит.

— Быть не может! — Я, нечего и говорить, лицемерил. Миссис Куттс думала так с самого начала. Жуткая женщина. Совершенно жуткая!

— Вопрос в другом, — продолжала моя собеседница. — На чем основана ее уверенность? На достоверном знании, как выразился бы один мой приятель? Или она сделала вывод из имеющейся в ее распоряжении информации? Или же она просто подозревает и пытается доказать или желает, чтобы муж ей доверился? Или дело в чем-то еще? Особенно меня интересует последний вопрос.

Я не имел ни малейшего представления, о чем она, но сделав умное лицо, после секундной паузы выдал:

— Если отец ребенка — викарий, то Боб не виноват.

— Почему?

— Ну... — Я припомнил, как старый Куттс задал перцу Берту и его слуге, прежде чем они привязали его в загоне. Костяшки пальцев у него были ободраны, словно он лупил дерево. А как он выставил грубиянов из церкви! Такому человеку ничего не стоило свернуть девушке шею. Так я и сказал миссис Брэдли. Она только хихикнула.

— Вы должны признать, что если он отец, то у него достаточно хороший мотив для убийства, — не унимался я.

— Да, но зачем же ждать еще почти две недели после рождения ребенка? Нет, дорогой Ноэль. Если вы хотите повесить убийство девушки на отца, вам придется объяснить, почему он так долго ждал.

— Викарий, как я понимаю, оплатил питание и проживание Мэг в таверне.

— Как вы понимаете? То есть точно вам не известно?

— Нет. Мне дали так понять, — сказал я. Дафни ведь ничего не отрицала.

— Маловато. Согласитесь, этого маловато.

— Я могу спросить Лори, чтобы знать наверняка. Или даже самого Куттса.

— Думаю, миссис Куттс их уже спрашивала. И думаю, все ей отвечали уклончиво.

— И на этом основаны ее подозрения?

— О нет. Они были у нее и раньше. Иначе зачем ей выгонять девушку? Женщина типа миссис Куттс получила бы колоссальное удовольствие, изводя бедняжку покровительством и милосердием. Такие жестокие люди отпускают своих жертв только в особых случаях.

Да, здесь старая дама, нечего и говорить, попала в точку. Спасать падших (не без элемента инквизиции) — то был конек миссис Куттс.

— Так что теперь делать? — спросил я. — Между прочим, это вы предположили, что Мэг убил ее соблазнитель.

Миссис Брэдли с дьявольской улыбкой взяла маленький листочек бумаги, из тех, которыми прокладывают сигареты в коробках, и печатными буквами написала:

«Если будете и дальше вести себя столь же глупо — вашего мужа повесят».

Бумажку она положила в конверт, запечатала и вывела имя и адрес миссис Куттс.

— Тоже хочу отправить анонимку, — пояснила она. — Идемте. отошлем ее по почте. Теперь насчет всех этих алиби.

— Каких алиби? — спросил я, шагая вслед за ней к выходу. — А, вы про Куттса и убийство? — Я рассмеял-

ся. — Конечно, он не убивал. Он был у всех на виду, пока не поспорился с сэром Уильямом. А потом на него напал Берт... правда, мы не знаем точно во сколько. Получается, у него нет алиби с момента ухода с праздника и до самого нападения.

Миссис Брэдли кивнула. Ее черные глаза смотрели прямо вперед, на дорожку, а на губах появилась ласковая улыбка. Во всяком случае, мне показалось, что ласковая.

— Если верить словам Куттса, — продолжал я, — он отправился гулять к морю мимо каменоломен и вышел из дому около девяти или чуть позже... О Господи!

Миссис Брэдли словно очнулась и снова заулыбалась.

— Именно! — отозвалась она. — Допустим, викарий явился в бухту уже после убийства. Допустим, он знал, что там на него может наброситься Берт. Допустим, в конце концов, что Мэг Тосстик погибла от его руки. Вот вам причина выходов миссис Куттс! Вот причина ее горя.

Я, хотя минуту назад высказал ту же мысль, отрицательно покачал головой:

— Не убьет он никого. — И был в том убежден.

— Факты есть факты. А из наших сведений о передвижениях викария в ночь убийства вытекает следующий факт: до встречи с Бертом и его слугой у него было и время, и возможность убить Мэг Тосстик. Далее — если права его супруга, правы местные жители и он отец ребенка Мэг, то у него куда больше мотивов устранить девушку, чем у Боба Кэнди. Впрочем, это мы уже обсуждали. Самый мучительный для него вопрос: как долго будет она хранить тайну? Неприятней-

шее, отвратительное положение для пастыря деревенских душ.

Я пришел в смятение. Нет, в виновность Куттса я не поверил, да и вообще не верил ни тогда, ни потом, разве что разумом, если так можно выразиться, допускал. Однако версия выстраивалась убедительная. И помимо прочего, пусть полиция и арестовала Боба Кэнди, у бедняги было всего пятнадцать минут, чтобы и убийство совершить, и набрать в погребе три дюжины пива разных сортов, а у викария — час, а то и полтора. Миссис Брэдли я об этом не сказал. Не очень-то я ей доверял!

— Поговорю с Бертом, — решил я, — и узнаю, когда они напали на викария.

— Прекрасно! Я иду с вами. Вы не против пойти более длинным путем, мимо почты? Мне ведь нужно еще письмо отправить.

Берт сидел в мансарде. Он радушно нас встретил, предложил выпить и стал со смехом рассказывать о случившемся в церкви.

— Послушайте, Берт, — начал я, — помните ту ночь, когда вы связали викария и заперли в...

— Да ну его! Кто прошлое помянет... ладно? Уж после того, как я вчера в церкви для него постарался, знаете ли!

Он поднял штанины и продемонстрировал синяки на лодыжках. Мы посочувствовали, я поблагодарил его за помощь.

— Я только хотел спросить, в котором часу вы заметили викария, — пояснил я. — Мы пытаемся найти факты в пользу Боба, для суда.

По мнению Берта, было двадцать минут одиннадцатого или половина. Казалось, убийство его совсем

не интересуется — он даже не спросил, как информация о викарии может помочь Бобу Кэнди.

— Не раньше? — уточнил я. Сердце у меня вдруг затрепетало.

— Раньше — никак. Около шести я ушел с праздника, дома выпил чаю, потом двинул в бухту, помог выгрузить книги. Мой чертовски точный перевод «Сестричек-озорниц», вот так, мой мальчик. — Он похлопал меня по коленке. — В Англии стоит восемнадцать шиллингов шесть пенсов, да, миссис Брэдли. — У него еще хватило нахальства ей подмигнуть. — Продается из-под полы, зато почти задарма. А ты, парень, до сих пор Браунингом увлекаешься? А то, может, таки захочешь почитать — чтоб сразу пасть в объятия Велиала*? Хотя, парень, поздно уже. Джентльмен умрет, а слова не нарушит! Да и вон та леди, стоит мне теперь хоть до обложки дотронуться, мигом меня засадит, верно, миссис Брэдли?

Итак, подтвердились мои худшие опасения. Викарий мог успеть все — и совершить убийство, и прийти в бухту к началу одиннадцатого.

— Ничего, — сказала миссис Брэдли, когда мы подходили к Манор-Хаусу. — Это только один. Давайте проверим передвижения сэра Уильяма.

— Так ведь он после ссоры с викарием пришел прямо сюда, разве нет?

— Пришел.

— Ну вот! — Я удивился, что она вообще упомянула его имя.

— Ну вот, — согласилась она.

* Намек на стихотворение Р. Браунинга «Монолог в испанской обители», в котором говорится о монахе, читавшем «неприличный» французский роман.

Я смотрел на собеседницу в упор, но никак не мог понять, что означает ее насмешливая улыбка. Наконец она сказала:

— Ладно, возьмемся тогда за Эдви Дэвида Берта. Заметьте, мой мальчик, — если у викария нет алиби, то и у Берта тоже нет.

— И у Йорка! — Я сразу взбодрился. — Взяться нужно за Йорка. Он — сама простота и все нам выложит. Ему и невдомек будет, почему его спрашивают.

— Прекрасная мысль! Начнем, Макдуф!

— Что, сейчас?

— А почему нет?

Мы пошли обратно в гору, мимо каменоломен, в Бунгало. Миссис Брэдли и не подумала потихоньку обогнуть дом и незаметно для хозяина найти Фостера Вашингтона Йорка. Она прошла прямо к главному входу и позвонила. Открыл сам Берт. Волосы у него были всклокочены, взгляд отсутствующий; в руке он держал авторучку. Распахнув дверь, он некоторое время хмуро таранился на нас. Теперь он походил на настоящего убийцу, а никак не на гостеприимного хозяина, принимавшего нас час назад.

— К дьяволу! Я занят! — И он захлопнул перед нами дверь.

— Вот так, — сказала миссис Брэдли со своим жутким смешком. — Теперь сосредоточимся на нашей цели.

Она отправилась на задний двор, где мы и нашли слугу, который колот дрова.

— Вы знали, что Берт не станет с нами разговаривать? — спросил я у миссис Брэдли.

— Конечно. Он всегда в это время пишет. Согласитесь, что так лучше брать интервью у нашего приятеля

с топором, чем если бы мы тайком от хозяина дома крались бы сквозь смородиновые кусты. — И миссис Брэдли, гукнув, ткнула меня в ребро.

Йорк заулыбался. Казалось, он рад нас видеть. Отвечая на наводящие вопросы, слуга подробно поведал о том, как они с хозяином провели праздничный день. Миссис Брэдли весьма искусно направляла его повествование, и, быстро миновав малозначительные подробности о самом празднике, Йорк перешел к самому интересному. Его рассказ настолько совпадал с рассказом Берта, что буквально привел меня в восторг. Берт ушел с праздника около шести и пил дома чай. После чаю, пользуясь тем, что вся деревня веселится, они с Йорком отправились на берег за своей распутной книжонкой. Книги, напечатанные в Германии, были упакованы в ящики с надписью «город Бутл, школа Хеффертона Карлайла. “Общественная история”». Эти ящики доставили с корабля в шлюпках. Действовали контрабандисты, вероятно, уже в сумерках и совершенно не скрываясь. Берт считал, что если таможенный или полицейский чиновник и захочет раскрыть один из ящиков, то, увидев, что там и вправду книги, потеряет к ним всякий интерес и больше ничего проверять не станет. Таможенники, говорил он, литературой не увлекаются.

— Хм-м... Если бы мне пришлось классифицировать Эдви Дэвида, я бы отнесла его к типу «преступник-оптимист». Ему даже в голову не приходит, что кто-то может взять и открыть книгу!

Выражение «преступник-оптимист» запало мне в голову. Берт достаточно силен, достаточно необуздан, достаточно преступен даже для такого страшного убийства, как удушение бедной девочки... Я позволил

себе какое-то время поразмышлять над этой идеей, довольно убедительной. Уязвимое место было одно: в тот промежуток времени, когда произошло убийство, Берт и его слуга, по-видимому, не расставались. Да, они обеспечили друг другу прочное алиби. И тут мои мысли переключились на Йорка. Чем больше я о нем думал, тем больше понимал, что и он мог быть убийцей, а Берт его покрывал. С Берта станется. В конце концов, задушить девушку вроде Мэг Тосстик как-то уж очень не по-английски. Подобное преступление, нечего и говорить, больше подходило Йорку, чем его хозяину. Я вспомнил руки Йорка — черные, с розовыми ладонями, длинными красивыми пальцами. Вспомнил, как они держались за топориче — нетрудно представить их на девичьем горле. У Мэг ведь шейка была точно у ребенка. Помню, как у нее на шее дрожала жилка, когда миссис Куттс ее выгнала. Жалкое и тяжкое было зрелище...

Нет, неспроста версии Берта и его слуги так совпадали. Ясное дело: они договорились. Однако следовало выбрать. Берт или Йорк? Который? Оба? Или ни тот, и ни другой? Полный тупик. Нет, все по-прежнему указывало на Куттса.

— Не стоит даже надеяться, что это Берт или его слуга, — сказал я в тот вечер Дафни. Про викария, нечего и говорить, не упоминал вообще.

— Что такое коллюзия*? — спросила вдруг Дафни.

Я не стал объяснять. Не обсуждать же мне с ней судебную терминологию. Однако вопрос напомнил мне о моих соображениях, и я сразу после чая поспешил в Манор-Хаус изложить их миссис Брэдли.

Та, нечего и говорить, подняла меня на смех. Я, впрочем, того и ждал. Чего ради, спрашивала она, Берт

* Тайное соглашение, сговор с противозаконной целью.

и Йорк станут сочинять небылицы? И когда же они выгрузили книги, если не перед тем, как напасть на викария?

— Возможно, Берт — отец ребенка, — предположил я. — И хотел скрыть это от Кору.

— По-вашему, он убийца, и Йорку об этом известно?

— Моему предположению ничто не противоречит, только смешное алиби, придуманное слугой. Вы не хуже меня знаете: совесть Берта позволит ему совершить все, что угодно, — и изменить, и соблазнить, и убить — любое преступление. Человек, который переводит на английский такую грязь...

Да, слишком я увлекся, рассуждая о совести Берта...

— Рада, что книга вам понравилась, — спокойно сказала миссис Брэдли и, не дав мне вставить ни слова, продолжила: — Послушать вас, так и Йорк вполне мог убить, если не принимать во внимание алиби, придуманное для него хозяином. А уж о совести Йорка и говорить нечего, ведь он не белый!

Она заклохтала — сначала тихонько, потом все громче — и вскоре зашла в приступе зловещего веселья. Мне стало очень неловко. Порой у меня мелькает подозрение, что старая дама не менее безумна, чем безумный шляпник или мартовский заяц, и столь же безумна, как миссис Гэтти; а порой и другое подозрение — что иногда она смеется надо мной!

— Впрочем, — обнадежила она, — думаю, нам удастся вызволить Кэнди. Я твердо на это рассчитываю. Виселица — отвратительная вещь. Пережиток варварских времен, вы согласны?

— Вопрос не в том, чтобы просто вызволить Кэнди, — не без горячности возразил я. — Вопрос в том, как полностью его оправдать.

— Это уже другое дело. — Она была спокойна. — Вы, мой мальчик, понимаете теорию относительности Эйнштейна?

Я постарался ответить в том смысле, что не столько не понимаю, сколько не интересуюсь.

— Ну вот, — заявила она. — Вероятность полностью оправдать Кэнди равна вероятности того, что вы достигнете эту теорию.

И тут мне в голову пришла ужасная мысль. Причем уже не впервые.

— Послушайте, — начал я. — Несмотря на ваши слова, вы-то сами верите в его невиновность?

Миссис Брэдли вздохнула.

— Если б я могла доказать, кто отец ребенка... Если б я только могла...

— Наверное, вы считаете, что это Боб? — с жаром спросил я.

Взгляд ее был серьезен.

— Нет, отчего же. Ведь мы пришли к заключению, что в таком случае ее бы не убили.

— То есть они бы поженились, и на том бы все кончилось? — припомнил я одну из важнейших заповедей местной этики.

— Именно.

Ее ответ меня по некоторым причинам не удовлетворил. Какой-то жизненно важный вопрос, казалось мне, остался незатронутым. Я ломал голову, но вспомнить никак не мог. Наконец, не придумав ничего лучшего, я спросил:

— Занятно — куда подевался младенец? Не мог ли отец забрать его и держать у себя?

— И да, и нет, — улыбнулась миссис Брэдли. — По мнению жителей деревни, он в доме викария, так

ведь? — Она ритмично кивала головой, словно кукла на витрине магазина. — Хотя Боба Кэнди могут обвинить в убийстве и матери, и младенца. Во всяком случае, я этого жду.

Весь вечер я пытался распутать клубок, но, нечего и говорить, не сумел. Из головы не шел Берт. Мне казалось, он как раз из тех типов, которые сквернословят, ведут разгульный образ жизни, имеют незаконных детей, совершают преступления, пьют, способны и подделать алиби, и вступить в сговор со слугой. Потом мои мысли перешли к Лори и его жене. Скверно, что их не было дома, когда произошло убийство. То есть для них-то хорошо. Вдруг меня словно пронзило. Даже ноги свело. А Лори, этот здоровенный лысый тип? Эта свинья, как назвала его миссис Гэтти? Почему он предоставил Мэг Тосстик стол и кров? Почему обещал работу, когда та поправится? Все ясно как день! Он и есть отец ее ребенка. Тогда зачем, спрашивал я себя, зачем ему убивать девушку? Тут же пришел и ответ. Он боялся, что она выдаст его своему возлюбленному, боялся мести Боба. Теперь Бобу, который сама простота — невинный и оклеветанный, — бедняге Бобу грозит виселица. А его бывший хозяин, здоровенный, мерзкий, лысый негодяй, безнаказанно убил двоих — несчастную мать и новорожденное дитя!

Помню, как я почистил зубы, потом лег и уснул. Утром позавтракал, вполуха слушая очередную, тысяча первую, постановку «Куттс против Куттса», и решил пойти к Лори и все ему высказать. Одна вещь, правда, меня смущала. Точнее, один человек, а именно — миссис Брэдли. Этой дамы я боялся, признаю. Идти куда-то по делу, связанному с расследованием, без ее согласия и одобрения было невыносимо. После завтрака под

предлогом, — к которому я уже несколько раз прибежал, ускользя в Манор-Хаус, — что мне нужно посетить болящих (которым без меня, нечего и говорить, куда лучше), я отправился изложить свои соображения миссис Брэдли.

Она сразу же остудила мой пыл.

— Жаль вас разочаровывать, мой мальчик, но, едва услышав о совершенном убийстве, я взяла на себя смелость проверить алиби мистера Лори. Ненавязчиво задавая в деревне разные вопросы, я выяснила, что он ни минуты не был не только один, но даже в обществе исключительно миссис Лори. Он собрал большую компанию, и они перепробовали на ярмарке все развлечения. Его постоянно видели то возле кокосов, то у вашей гадальной палатки, куда он весьма остроумно завлекал прохожих. Он танцевал со многими женщинами и барышнями — всего их было шестнадцать, — в том числе с Корой Маккенли, и в «Герб Морнингтона» вернулся к полуночи. Алиби у него твердое, нерушимое и безоговорочное. И конечно же, — добавила она в конце своей энергичной тирады, — нет никаких причин полагать, будто за столь железным алиби что-то скрывается. Просто у хозяина «Герба» много приятелей. Человек он компанейский.

— Да, вижу, к нему особо не придерешься, — признал я. — Не мог же он совершить убийство через представителя.

Слабо улыбнувшись собственной шутке, я вдруг замер. Слова «через представителя» напомнили мне о королеве Марии Тюдор, на свадьбе которой присутствовал, как известно, не жених, а его представитель; сразу же по ассоциации всплыло имя другой Марии Тюдор —

религиозной фанатички Марии Кровавой, — а отсюда была прямая дорога к миссис Куттс.

— А как насчет миссис Куттс? — спросил я. — Мотивов у нее было достаточно и возможностей — просто море! Вот смотрите: когда стемнело, она стала, по своему обычаю, рыскать по кустам в поисках парочек, а значит, никто ее не видел и не может поклясться, что в такой-то момент она была в таком-то месте. Она ведь умеет подкрадываться не хуже краснокожего. Запросто могла улизнуть из дому, пробраться в таверну и убить несчастную, пока бармен и девушка... как ее? — Мейбл — занимались делами, а потом потихоньку вернуться и устроить там этот спектакль. Да что говорить! — Я не на шутку разволновался. — Все ее страдания были для отвода глаз! А сама она только и дожидалась праздника, чтобы воспользоваться случаем и убить! Как вам такое?

— Весьма убедительно. Уже вижу, как толпа выносит Боба Кэнди на руках из зала суда. Ах! — перебила она сама себя. — Я беспокоюсь вовсе не за Боба. Его мы точно освободим. Фердинанд разнесет обвинение в пух и прах. Полиция слишком поспешила, арестовав парня.

— Как так — не за Боба беспокоитесь? Вас что-то еще тревожит?

— Да. Второе убийство. Убийство, о котором никто не говорит, убийство без трупа — оно меня страшно тревожит, потому что я совершенно не знаю, как быть!

— О чем вы?! — поперхнулся я.

— Об убийстве Кору Маккенли. — Таков был поразительный ответ этой женщины.

— Но ее же не убили! Она на гастролях; спектакль называется... называется...

— «Пташки». Однако она там не играет, уверяю вас. Это меня и тревожит. Никаких точных сведений я раздобыть не смогла.

— Ей прислали телеграмму, и она сразу уехала. Села на поезд в три тридцать. Тут и гадать нечего.

— Да, — машинально пробормотала миссис Брэдли, словно мысли ее где-то блуждали. — А кто сказал вам про поезд?

— Берт. Он нам обоим сказал. Ой нет, про поезд он не говорил, просто это единственный подходящий поезд... Да! — ошеломленно прибавил я, вспомнив. — Они же поссорились!

— Именно! — Теперь миссис Брэдли говорила деловито. — Ее с Бертом ссора — вот что очень интересно и очень важно! А также их прочие ссоры.

— Какие — прочие?

— Из-за денег.

— Я думал, была одна большая ссора.

Глава XI ВОЗВРАЩЕНИЕ КОРЫ

После услышанного я решился пойти к Берту и задать несколько осторожных вопросов. Он угостил меня пивом и отвечал с какой-то подозрительной готовностью. В качестве предлога я выбрал деревенский концерт. Притворился, будто не знаю, надолго ли уехала Кора, и сказал, что миссис Куттс просит ее исполнить вокальный или танцевальный номер. Знай Берт жену викария так же близко, как я, он, нечего и говорить, на это не купился бы. Трудно даже представить себе

что-либо более невероятное, чем Кора, исполняющая вокальный или танцевальный номер на нашем концерте. Миссис Куттс обычно подвергает программу самой жесткой цензуре и скорее согласится на выступление какой-нибудь французской шансонетки, чем такой девушки, как Кора. Берт, однако, об этом даже не подозревал и спокойно ответил, что Кора где-то у черта на куличках и будет задирать ноги в кордебалете, пока ее босс не устанет стричь купоны. (Выражения, нечего и говорить, не мои, а Берта.)

— Надо же, — изобразил я разочарование. — Выходит, на той неделе она еще не вернется?

— Ничего не знаю. Понятия не имею ни где она, ни даже кто поставил это шоу, знаю только, что гастроли где-то на северо-востоке и что труппа у них с бору по сосенке, сплошные зануды и деревенщины. И где будет Кора ближайшие недели, не скажу, хоть озолотите.

Я ушел опечаленный и, нечего и говорить, поумневший, прямо как Старый мореход Кольриджа. В голове у меня гнездились самые ужасные подозрения.

— Когда она вернется, — сказал Берт, уже провожая меня к выходу, — она у меня свое получит. Так-то.

— Вы о чем? — спросил я.

Он пояснил. Кора, как говорят в народе, «гуляла на стороне».

Выражался Берт энергично, но не дипломатично. Грубовато, я бы сказал. И наверное, если он и вправду думает, что она вернется, значит, не убивал. Или же он хочет опровергнуть дикие слухи о ее смерти...

Я пошел прямо к миссис Брэдли и поведал ей о своих страхах и сомнениях. Все «за» и «против» Берта.

Покачав головой, она сказала:

— Прошу вас, не говорите ему о моих подозрениях относительно смерти Кору. Не хватало еще, чтобы бедный мальчик бегал тут с топором.

— «Бедный мальчик»! — фыркнул я. Хотел то есть фыркнуть, но такие слова не очень-то и фыркнешь. — Вы знаете, что он ее поколачивал?

— Думаю, она не слишком возражала. — Миссис Брэдли записывала.

Поскольку Дафни говорила почти то же самое, я не мог обвинить старую даму в глупости. Да она мне и не дала, сразу продолжила:

— Садист и мазохист составляют счастливую пару.

Я захлопал глазами и попытался перевести это на человеческий язык.

— Вы намекаете на всякие фрейдистские заморочки?

— Прошу прощения?

Готов держать пари, что если в ее собственных браках и случались фрейдистские заморочки, то исключительно, если можно так выразиться, по женской линии.

— «Какой только любви не бывает в жизни», — процитировал я Фрэнсиса Фицджеральда. — А насчет Кору Маккенли нужно проинформировать полицию.

— Я так и сделала. Сообщила им, пока вы ходили в Бунгало.

— И что они сказали?

— Обещали опросить людей. Они думают, — миссис Брэдли сделала здесь едва заметное ударение, — что я заиклена на убийствах.

— Заиклена?

— Это, конечно, не научный термин. Просто в полиции уже привыкли всякий раз, как совершится

убийство, выслушивать домыслы перепуганных обывателей. Они, разумеется, сходят к Берту, расспросят его, проверят передвижения Кору, побывают на железнодорожной станции, и если не найдут ничего подозрительного, так все и оставят. Если я не добуду им никаких доказательств.

— А они у вас есть?

— С точки зрения психологии — множество. С юридической точки зрения — ни одного.

В следующий раз мы встретились уже в день концерта, потому что были очень заняты и делами Боба, и подготовкой к мероприятию. Миссис Брэдли два раза съездила в Лондон обсудить защиту с сэром Фердинандом Лестрейнджем. Я несколько раз навестил Боба Кэнди, старался его как-то ободрить. По мере приближения суда он впал в совершенную депрессию и уже собирался признаться в убийстве, лишь бы все поскорее кончилось.

— Ни в коем случае, Боб! — воскликнул я. — Ведь это будет несправедливо по отношению к людям, которые вам верят!

Он пообещал не признаваться. Я иногда задумывался — а не права ли миссис Брэдли, говоря, что бедняга мог совершить убийство из отчаяния. То есть прямо она так не говорила, но на это указывало все ее поведение. Во мне, однако же, возобладал здравый смысл. Зачем Бобу ждать столько дней после рождения ребенка? Ведь он уже давно знал о беременности Мэг. Три года, проведенные в лондонских трущобах, научили меня, что ревнивый поклонник (а Боб в данном случае представлял собой именно ревнивого поклонника) стремится отомстить неверной до рождения ребенка.

А где же сам ребенок? Убили? Наверное, но не Боб, а кто-то другой. Впрочем, он и Мэг не убивал...

На концерте я сидел в первом ряду с левого краю; рядом была миссис Брэдли, а справа от нее коротышка Гэтти. Имя миссис Гэтти значилось в программе концерта — она играла в одноактном скетче. Я удивился. Раньше мы, нечего и говорить, никогда не просили миссис Гэтти принять участие в концертах. Я показал программу миссис Брэдли.

— Ваша работа?

Она улыбнулась и кивнула.

— Это завершение лечения. Вы сами убедитесь, что с выходками миссис Гэтти покончено раз и навсегда.

— Быть не может!

Однако же могло. И я боялся последствий.

— Вы спрашивали меня о Коре Маккенли, — неожиданно сказала миссис Брэдли. — Полиция сделала больше, чем я предполагала, а Берт три дня назад получил от Кору письмо.

— Настоящее?

— Написала его, несомненно, Кора. Оно отправлено из Лидса днем раньше, чем Берт его получил.

— Лидс — большой город, — глупо заметил я.

— Верно. Что не помешало полиции проверить, шла ли там в последние недели пьеса под названием «Пташки».

— И она не шла? Боже мой!

— Разумеется, шла. Тот, кто убил Кору Маккенли и Мэг Госстик, далеко не глуп.

— Но ведь Кора...

— Поменяла, если верить Берту, сценический псевдоним. Нового он не знает. Флосси-как-то-там. А! — фыркнула она. — Противный мальчишка сказал, что

прорыл из своего подпола коридор к старому подземному ходу, ведущему из бухты, и переносил по нему книги, когда нести их в открытую было опасно или когда шел дождь. То есть Лори к контрабанде отношения не имел. Ничего, мой мальчик, ваша догадка все равно хороша.

Ткнув меня в ребро, она весело рассмеялась. Я пожал плечами и вернулся к теме разговора.

— Выяснилось, что никакой Флосси в труппе нет?

— Напротив, есть целых две. Флосси П. Кеннеди и Флосси Моран. Выбирайте любую.

— То есть ни та, ни другая — не Кора?

— Конечно, нет. По мнению Берта и полиции, Кора и не собиралась играть в спектакле, а сбежала с любовником. Думаю, скоро выяснится, что никакой телеграммы с приглашением в труппу Коре не посылали. Они с любовником, выражаясь убогим современным языком, провернули известный фокус. Кора написала письмо, а он послал какому-нибудь приятелю из театра с просьбой отправить его в Солтмарш, когда труппа будет в Лидсе. Возможно, оно написано в тот самый день, когда погибла бедная девочка. Вы улавливаете мою мысль?

— Хотите сказать, у Кору был любовник, и они готовились потихоньку уехать, а он ее убил? А письмо — чтобы замести следы?

— Именно так. Продолжайте.

— Насчет убийства у меня сомнения. Может, полиция права, и Кора просто сбежала с другим. Подобные девушки часто так делают.

— Естественно, но почему тогда убили Мэг Гостик?

— Господи, вы же не думаете, что Кору убил Боб?

Миссис Брэдли покачала головой.

— Нет, конечно. Даю полиции пять дней — разобраться с новыми и старыми знакомыми Кору. Заметьте, мой друг, после исчезновения Кору из деревни никто не уехал. Значит, если предположить, что ее возлюбленный все еще в Солтмарш, то она уехала не с ним. Тогда где она?

Я посмотрел на часы.

— Уже восемь минут, как должны были начать.

Миссис Брэдли кивнула и после минутной паузы спросила:

— А вы разгадали загадку таинственного возлюбленного?

— Да. Это Лори.

— Вряд ли. Не знаю.

— Вот как? — Я задумался, но сколько ни ломал голову, кроме сэра Уильяма, никого подходящего вспомнить не мог.

— Некто из Манор-Хауса? — спросил я.

— Миссис Брэдли удивилась и, кажется, была мной довольна.

— Умный мальчик, — похвалила она. — Именно, вы очень разумно сформулировали: некто из Манор-Хауса. Как вы узнали?

— Легко догадаться. А откуда узнали вы?

— Ясно же, что Кора Маккенли бедным человеком не увлечется.

— Это точно. — Мне вспомнилось, как они с Бертом ссорились из-за денег.

— Я составила перечень всех мужчин, которые достаточно богаты, чтобы заинтересовать Кору. Затем применила свою наблюдательность и способности к дедукции — уж какие есть — и вычислила нашего об-

щего приятеля. — Она с любопытством посмотрела на меня. — Однако не представляю, как вы пришли к тому же выводу.

— Ну... — скромно ответил я, — у меня, конечно, нет возможности пристально наблюдать за этим джентльменом, поскольку я не живу с ним под одной крышей, но, надеюсь, в здравом смысле мне нельзя отказать.

— Любопытно... Ведь казалось, он только о Маргарет и думает. Хотя... после той ссоры в июле из-за собаки он несколько переменялся. Ладно, чтобы не затягивать разговор, скажу: из его собственных уст я слышала признание: он собирался встретиться с Корой в отеле «Уиттьер» на Стрэнде, а в последнюю минуту передумал...

— Испугался огласки, — вставил я.

— И протелефонировал ей, что не придет.

— Вот как?

— Да. Кора согласилась, что это слишком рискованно. Она предложила ему во вторник вечером прийти в Бунгало, и он пообещал.

— Но не пошел! Он до часу ночи обыскивал вместе с нами берег!

— Именно! И не мог предупредить Кору — в Манор-Хаусе слуги или кто-нибудь из нас услышали бы его разговор по телефону. И он решил положиться на удачу — вдруг получится в темноте ускользнуть и пойти в Бунгало.

Я хихикнул:

— Поскольку мы ходили по двое, ускользнуть было не так-то легко.

— Это было невозможно, — согласилась миссис Брэдли. — И все же Кора пропала.

— Да, но как же...

— Вы еще не верите, что бедная девочка мертва?

Я покачал головой. Поскольку я размышлял целую неделю, мое мнение было ничуть не менее весомым, чем ее. К тому же я обсуждал случившееся с Дафни, и она во всем со мной согласилась.

— Наверное, Кора бросила и Берта, и нашего знакомого ради кого-то еще. В конце концов, так думает и Берт, и полиция. Не вышло с джентльменом из Манор-Хауса, вот она и решила попытать счастье с кем-то другим.

Наконец выключили свет. Концерт начался с выступления хора. Дафни играла, я дирижировал. Я вообще-то не собирался, но услышал, что тенора ускоряют темп, встал и немного их подправил. Подобные вещи, нечего и говорить, мало кому нравятся, но как еще поступить в такой неловкой ситуации?

Хор запел вторую вещь, мадригал, и получил бурю незаслуженных аплодисментов. Потом пошли обычные номера — декламация, сольные выступления корнетиста и гармониста, потом был отлично исполненный моррис*. Нравятся мне эти колокольчики на ногах, и перевязь носить тоже нравится. Блестяще у нас вышло... да и сами мы блестели от пота к концу танца.

Потом начался десятиминутный антракт. Из-за кулис пришла миссис Куттс, заговорила с сэром Уильямом и, так сказать, сгребла все лавры, предназначенные другим.

Переодевшись в человеческую одежду, я присел на свое место и не без любопытства ждал начала спектакля. Затеяла его миссис Брэдли, и актеров натаскивала тоже она. Результат получился любопытный. Маргарет Кингстон-Фокс играла молодую жену, а Уильям Куттс —

* Разновидность английского народного танца-представления.

ее младшего брата. Они вполне справлялись. Мужа играл настоящий актер, приятель миссис Брэдли. Роль была непростая, и профессионал сразу чувствовался. Однако кто всех потряс, так это миссис Гэтти. В роли тетки — зловредной старой девы — она оказалась неподражаема. Она играла дико смешно, была совершенно раскованна и нигде не переигрывала. Никогда в нашей деревне не сходили с ума по любительским спектаклям, но публика не переставала аплодировать, пока скетч не сыграли по второму разу.

— Это как же так?.. — спросил я.

Миссис Брэдли рассмеялась.

— Бедняжке нужно самоутвердиться. Ей не хватало огня рампы — и вот она их получила. Теперь ей нечего делать в лечебнице для душевнобольных.

— Подумать только! — воскликнул я, хлопая в ладоши, в то время как миссис Гэтти вызывали пятый раз. — Вы просто замечательная женщина!

— Знаю.

Мне захотелось сменить тему. Трудно сохранять корректность, когда делаешь человеку комплимент, а у него, оказывается, такое самомнение. Довольно резко я спросил:

— Так вы не знаете, где труп?

— Трупы, — поправила она.

Заиграли гимн, и мы поднялись.

Я проводил ее и у ворот Манор-Хауса сказал:

— Нужно проверить каменоломни. Только это и остается.

— Как вы собираетесь их проверить?

— Скажите, что вы потеряли там пачку облигаций, — со смехом предложил я. — И каменоломни мигом прочешут.

(Моя идея ей понравилась, и на следующий день весть о потере разнеслась по всей деревне.)

— Если вы правы, то труп может найти какой-нибудь ребенок. — Раньше я об этом как-то не подумал.

— Не волнуйтесь, мой мальчик. Трупы — именно трупы — отнюдь не в каменоломнях. Мне нужно отвлечь всеобщее внимание от места, где действительно следует вести поиски.

— Это где же? А, ну да, на берегу.

— Нет! Шевелите мозгами, Дживс!

Я разинул рот. Она читала Вудхауза! Значит, для нее еще есть надежда на спасение. (Наверное, священнику так говорить не подобает.) Однако теперь я смотрел на нее другими глазами. Не может же быть совсем ненормальной женщина, которая не только читает, но еще и цитирует величайшего из писателей современности. (Никакой предвзятости, высказано в порядке конструктивного суждения.)

— «Вперед, легкая кавалерия!»* — воззвал я.

— Вперед, на кладбище! — с мрачной ухмылкой откликнулась миссис Брэдли.

— На кладбище? — Я был потрясен таким кощунством.

— Да-да! — нетерпеливо подтвердила она. — Этому убийце девушек в уме не откажешь. Кладбище — самое подходящее место, чтобы спрятать мертвое тело; там никто не догадается искать.

— Но... где же?

Меня, нечего и говорить, раздирали противоречивые чувства — дикое любопытство и жалость к стар-

* Намек на стихотворение А. Теннисона «Атака легкой кавалерии».

му Куттсу, которому в свете назревающих событий придется очень и очень несладко.

— Ничего противозаконного я делать не собираюсь, — продолжала миссис Брэдли. — Однако прежде чем я потеряю бумажник, следует получить разрешение на эксгумацию. Причем поскорее. Тело уже давно в земле, и я не хочу, чтобы возникли проблемы с опознанием.

— Но вы же не можете эксгумировать по всему кладбищу! — От волнения я выражался косноязычно.

— Нет, конечно, мой мальчик, — терпеливо ответила миссис Брэдли. — Думаю, будет достаточно вскрыть могилу Мэг Тосстик.

Так и вышло.

Ночью, точнее, под утро, после того, как все деревенские искали бумажник миссис Брэдли — и нашли его (эта старая дама слов на ветер не бросала), — несколько человек, то есть мы со стариной Куттсом, сэр Фердинанд Лестрейндж, представитель министерства внутренних дел и целый отряд полицейских, включая и полицейского врача, присутствовали при эксгумации тела Мэг Тосстик. Однако в могиле оказалась не Мэг Тосстик. Там была убитая Кора Маккенли.

Глава XII

ПЕРЕМЕЩЕНИЯ И КОМБИНАЦИИ

— Так значит, — сказал я, — когда вы говорили, что идете по следу убийцы, вы имели в виду убийцу Кору, а не Мэг?

— Именно. — Миссис Брэдли была собой довольна, и вполне заслуженно. Не догадайся она искать тело

Коры в могиле, где похоронили Мэг Тосстик, никому бы это и в голову не пришло, и исчезновение девушки навсегда осталось бы загадкой, о которых так любят писать воскресные газетенки.

— Думаю, убийца прятал где-то тело Коры, пока не похоронили Мэг, и тогда подменил один труп другим. Ведь если могила свежая, то никто не заметит, что ее недавно снова раскапывали, — предположил я, начиная обдумывать очередную загадку.

— Скорее всего убийца постарался свести риск к минимуму, — тоном возражения заметила миссис Брэдли.

— Где же тело Мэг?

— Наверное, в море. Однако это уже не наше дело. Пусть им занимается полиция. Я показала им труп, который они хотели видеть, так пусть теперь ищут пропавший. Наша забота — Боб Кэнди. Фердинанд совершенно спокоен — в большей степени, чем я. Я буду рада, когда суд кончится, потому что у Боба развяжется язык, и я смогу разгадать кое-какие загадки, которые мне пока не по силам.

— Развяжется язык?

— Именно, — подтвердила миссис Брэдли. — Как только его отпустят, он согласится рассказать правду.

— Но ведь он уже рассказал!

— Далеко не всю. На это никто и не рассчитывал. Хотя я лелеяла надежду, совершенно несбыточную, что он с вами поделится.

Я по-прежнему верил Бобу. Не однажды я навещал беднягу и никак не мог представить его в роли убийцы.

— Он поклялся на Библии, что даже и не думал убивать!

Миссис Брэдли помахала морщинистой лапкой.

— Очень и очень жестоко с вашей стороны позволять бедному мальчику давать ложные клятвы. Если вы будете обременять его и без того обремененный, и притом не слишком сильный, разум, он еще до суда захочет наложить на себя руки. Только этого моему бедному Фердинанду не хватало — защищать от обвинения в убийстве несостоявшегося самоубийцу. Вы, Ноэль Уэллс, эгоистичный и тупоголовый юнец!

Впрочем, миссис Брэдли быстро смягчилась. Я часто замечал, что пожилые женщины на молодых людей подолгу не сердятся.

— Думайте головой, мой мальчик, — ласково сказала она. — Это трудно, я знаю, но будьте упорнее.

В моем упорстве вообще-то сомневаться не приходится. Я даже добился некоторого успеха, убеждая старого Куттса ускорить нашу с Дафни свадьбу. Однако принять нелепые идеи миссис Брэдли о Бобе я, нечего и говорить, никак не мог. Пока она не решит для себя, виновен он или нет, не имеет никакого права вмешиваться в дела правосудия. Я стоял за Кэнди, потому что в глубине души никогда не верил в его виновность.

После небольшой паузы миссис Брэдли сказала:

— Неужели вы не понимаете, что убийство Мэг прямо и в каком-то смысле неизбежно вело к убийству Кору? Не понимаете, что самому Бобу не было резона убивать Мэг? Он либо не виноват вообще, либо кто-то заставил его совершить убийство.

— Это я отлично понимаю. Он убийства не совершал, и значит, никто его не заставил. Я до сих пор считаю его невиновным.

— Во-первых, — сказала моя собеседница, проигнорировав мои слова, — тот, кто убил Кору, спланиро-

вал свои действия очень тщательно и хотел отвлечь от себя всеобщее внимание. Это вполне понятно, так?

— Да. Вы про те подложные письма и все такое прочее?

— Письмо было не подложное. Если вы говорите о послании, полученном Бертом, то его написала сама девушка с определенной целью, и свою цель оно выполнило, хоть и не так, как планировала Кора. Его написали, чтобы создать у Берта впечатление, что в момент отправки письма Кора находилась в некоем месте. Однако когда его отправили, она была уже мертва. Такой оборот событий она не предвидела. Думаю, ее возлюбленный тоже.

— Но почему он ее убил? — спросил я, по нашему молчаливому уговору не упоминая имени сэра Уильяма.

— Вопрос следует ставить иначе: убил он ее или нет?

До чего утомительно было с ней беседовать... Со строгой гримасой она погрозила мне желтым пальцем и продолжила:

— Он с ней развлекался, заставил поверить, будто они уедут вместе на то время, пока «Пташки» будут на гастролях. Кора по-своему любила Берта и не бросила бы навсегда. Однако у нас нет фактов, указывающих, что Кору Маккенли убил ее любовник. Она принадлежала к вполне определенному типу женщин. У них нет образования, нет никаких особых интересов или занятий. Они любят очаровывать мужчин и на удивление снисходительно относятся к их недостаткам — с них довольно, если мужчина веселый и небедный. В этой глухой деревушке у Кору только и было развлечений, что морочить голову Берту. Помните, к примеру, вечер,

когда юный Куттс сидел с Корой, пока Берт и Йорк ходили в деревню за книгами?

— Вы имеете в виду Гэтти на крыше? — Я, как всегда, проявил сообразительность.

— Да. Какое у вас сложилось впечатление о поведении Кору?

— Когда я пришел, она казалась совершенно взвинченной.

— Именно. И она, разумеется, вовсе не думала, что на крыше озорничают мальчишки.

— Согласен, не думала.

— Почему она вообще так испугалась?

— Уильям тоже испугался.

— Естественно. Страх — самая заразительная из всех болезней. Но согласитесь, Кора могла подумать, что на крыше прячется ее любовник и Берт, возвращаясь со станции, его увидит!

— Кто? Гэтти?! Да, это объясняло бы странности миссис Гэтти. Неверный муж, измены и все такое. Хотя трудно представить коротышку Гэтти в роли донжуана. И потом вы же согласились, что ее любовник живет в Манор-Хаусе.

Миссис Брэдли тяжело вздохнула, уж не знаю почему.

— Я говорю не о Гэтти, — страдальчески произнесла она.

— Так ведь на крыше был Гэтти! С этим-то не поспоришь!

— Я и не собираюсь спорить. — Она как-то вдруг обмякла. Да уж, в таком возрасте люди быстро устают. — На крыше прятался Гэтти, верно. Однако Кора могла думать, что там ее любовник. Так вам понятнее, мой мальчик?

— А, да, да, ясно. — Нет бы сразу объяснить все нормально. — Значит, у ее любовника примерно та же комплекция...

Миссис Брэдли обдумала мои слова.

— Это можно проверить, — медленно молвила она. — Мне как раз нужен повод явиться в Бунгало. Хочу посмотреть, как Берт принял новости. Он уже должен знать. Идите домой, возьмите Уильяма Куттса, а я пойду в Моут-Хаус за мистером Гэтти.

Мне самому жутко любопытно было узнать, как Берт принял известие об убийстве Кору, но когда наш странный квартет поднимался по крутой извилистой дорожке, ведущей в Бунгало, мне совершенно расхотелось просить его об участии в следственном эксперименте, предложенном миссис Брэдли. Она придумала, чтобы мы по одному забирались на крышу и топтались над гостиной. Уильяму предстояло сидеть в комнате и записывать в тетрадь различия в производимых нами шумах под номерами, не зная, кто из нас в какой очередности выполняет акробатические трюки. Против того участника, от которого будет столько же шума, как от Гэтти в ту ночь, ему следовало поставить крестик. Мальчика это весьма развлекало.

Берт держался угрюмо. Нам он сказал, что произошедшее его ничуть не удивило. Он, дескать, в неверности Кору и не сомневался — слишком уж она строила из себя добродетельную жену. Берт, нечего и говорить, выразился иначе. Его слова больше подошли бы для комедии времен Реставрации, а не для скромного повествования о событиях в деревне Солтмарш.

Признаков скорби он не выказывал, разве что был задумчив и раздражителен. На эксперимент миссис Брэдли согласился сразу, хоть ничего и не понял, — и

сам не возражал полезть, и нам разрешил. С Гэтти он разговаривал вполне прилично и даже предложил нам выпить. Миссис Брэдли поблагодарила от имени всех, но сказала, что дело прежде всего.

День стоял дивный. После убийств, уж не знаю почему, погода исправилась. Я растянулся на крыше, уместившись в желобок между двумя скатами; туловище было на солнце, а ноги в тени. Солнышко пригревало; устроился я удобно и, прикрыв шляпой лицо, ждал сигнала. Берт шел по списку первым, Гэтти вторым, а я третьим. Сигнал последовал минут через пять. Я вытянул ноги, встал сначала на четвереньки, потом на колени и осторожно пополз вдоль желобка в сторону гостиной. Во время ночного приключения Гэтти был в теннисных туфлях, и сегодня мы все обулись так же. Пока я полз, поглядывал на задний двор. Там находился слуга Фостер Вашингтон Йорк. В его красивых руках был топор, которым он колол дрова. Держался слуга с царственной грацией, я даже загляделся. Однако же для нашего эксперимента требовалась тишина; я тщетно пытался привлечь его внимание; потом из-за угла появилась миссис Брэдли и попросила его прекратить работу.

Я старался передвигаться ловко, как кошка, но весь перепачкался, потерял опору и стал сползать, пока моя нога не уперлась в сточный желоб. Потом я спустился, и мы пошли изучать записи Уильяма.

Разница в нашем весе была не настолько велика, чтобы Уильям заметил существенные отличия. Берт весил немногим больше восьмидесяти килограммов, Гэтти поменьше семидесяти, а я где-то посередине.

— Не могла Кора определить, кто там ползал, — заключил я.

Миссис Брэдли поблагодарила Берта и сделала мне знак уйти вместе с остальными. Я счел это неразумным. Если Кору убил Берт, к чему я уже склонялся, не годится слабой и хрупкой женщине оставаться с ним наедине. И потому, выпроводив остальных, я остановился на небольшом расстоянии от дома на тот случай, если Берт что-нибудь выкинет. Он ничего не выкинул, и через десять минут появилась миссис Брэдли. Выйдя из ворот, она со зловещим добродушием помахала нам.

— Нашли доказательства? — спросил я.

— Доказательства?

— Что Берт убил Кору.

— А, нет. А вы этого ожидали? Он ведь ее и не убивал.

— Слишком уж он спокоен, — заметил я.

— Если бы он горевал, было бы куда подозрительнее. Как по-вашему?

Ее заявление застало меня врасплох, и я его обдумывал, пока мы спускались с горы.

— Вы видели, как слуга колот дрова? — спросила миссис Брэдли.

— Видел. Складный парень, правда?

— Да. — В следующий раз она заговорила, когда мы подошли к воротам Манор-Хауса. — А как в деревне относятся к цветным? Только не нужно ходить и спрашивать! Не хочу, чтобы беднягу записали в убийцы. Я должна как-то выяснить... А нельзя ли попросить мистера Куттса, чтобы он прочел на эту тему проповедь? Тогда я смогу спокойно работать, и люди не будут связывать мои расспросы с убийствами.

Старый Куттс, который всегда рад подсказкам, с удовольствием воплотил ее идею в жизнь в своем вос-

кресном выступлении. Да, тут я согласен с миссис Куттс. Его потуги никак не назовешь проповедью.

В понедельник я пошел в «Герб Морнингтона» — в баре шла оживленная дискуссия. Все соглашались с тем, что негры тоже люди, и относиться к ним следует как к нашим братьям-христианам. Камнем преткновения стал, однако, вопрос о смешанных браках. Никто не желал жениться на негритянке, а от мысли, что их дочери могут выйти замуж за негров, у спорщиков просто пена на губах вскипала — больше чем от пива, которое они тем временем усердно поглощали.

Я, нечего и говорить, следовал нашему негласному уговору и сам никого ни о чем не расспрашивал, а если спор разгорался при мне, повторял тезисы викария.

— Ну и как? — спросила меня миссис Брэдли.

Я рассказал ей про общий настрой и поинтересовался делом Кору.

— Это уже другой разговор. — На миг миссис Брэдли призадумалась, потом неожиданно поинтересовалась:

— Мэг хоронили в пятницу, не так ли?

Я ответил утвердительно.

— Как я уже упоминала, убийца старался поменьше рисковать. — Она говорила словно сама с собой. — Однако между вторником и четвергом он пошел на большой риск.

— То есть?

Миссис Брэдли только фыркнула.

— Просветите меня, — попросил я.

— Не знаю, как быть, — сказала она наконец. — Я ведь не мстительна. И казнь через повешение не одобряю. Порой об этом жалею. Все бы отдала, лишь бы не уметь смотреть на события с разных точек зрения.

А иногда, дорогой Ноэль, просто хочется верить в адские муки.

В заключение речи она взвизгнула — куда там трубе иерихонской. Совершенно невозможная женщина.

Глава XIII

МАРАЗМ НА СКАМЬЕ ПРИСЯЖНЫХ

Суд над Робертом Кэнди, обвиняемым в убийстве Мэг Тосстик, начался двадцатого октября, во вторник, а закончился в полдень, в субботу. Старик разрешил мне оставаться в городе, пока идет процесс, и я пообещал регулярно писать ему, как обстоят дела.

После гибели Мэг Тосстик миновало одиннадцать недель и один день, а после гибели Кору Маккенли — ровно одиннадцать недель. Как мы и думали, Боба обвинили в убийстве матери и младенца, а он объявил себя невиновным и в том, и в другом преступлении. В результате дознания по делу об убийстве Кору, проведенного на следующий день после эксгумации, был вынесен вердикт: убийство, совершенное одним или несколькими лицами. Некоторые умники — немногочисленные, но весьма упрямые крикуны — не из нашей деревни, а из Мач-Хартли и Литтл-Хартли, а также из окрестностей Боссингбери — придерживались мнения, что и тут виновен Боб — дескать, все три убийства совершил он. Даже миссис Гэтти, теперь уже совсем нормальная и избранная председателем деревенского Общества любителей драмы и оперы, сказала мне, что, учитывая наследственность Боба, от него можно ждать чего угодно. Она, нечего и говорить, по-своему была права, но у Боба,

по счастью, оказалось алиби на вторник, который теперь уже и полиция считала днем смерти Кору. Боб целый день провозился у викария в саду, пытаясь привести его в благопристойный вид: мы ожидали приезда епископа, и миссис Куттс, я помню, надеялась, что он погостит дня два или три. Епископ так и не приехал; на-верное, известие об убийстве его отпугнуло.

Тем не менее алиби у Боба было — до самого вечера, когда он вернулся в «Герб Морнингтона». Все работники таверны могли поклясться, что после половины седьмого Боб никуда не отлучался, даже ночью: его сосед по комнате, бармен Пичи, до утра не сомкнул глаз, бедняга, из-за нарыва на пальце.

Я уже бывал на заседаниях мировых судей, но на настоящем процессе с присяжными — ни разу и ужасно нервничал. Вдруг Боба признают виновным? Страшно даже подумать, что его могут повесить, невыносимо! Я разглядывал сэра Фердинанда Лестрейнджа. Он процитировал своему помощнику (я отлично читаю по губам) изречение Горация, а тот ответил цитатой из Теренция. Берту бы понравилось.

Вид у присяжных был так себе, да еще среди них оказалось пять женщин. Ну и ладно, они гораздо практичнее мужчин. Эти славные женщины, надеялся я, изберут для Боба участь лучшую, чем стоять на крышке люка с петлей на шее.

Сначала я особенно не слушал, все старался представить, как выглядит судья в черной шапочке. Но он ведь ее не наденет... Потом стал слушать обвинителя. То был здоровенный напыщенный тип. Говорил он на удивление тихо, но вполне разборчиво, и каждое его слово сладким ядом входило в наши уши. Я и сам почти поверил в виновность Боба и утешался тем, что ско-

ро поднимется сэръ Фердинанд Лестрейндж и убедит меня в обратном. И я не разочаровался. Защитник, нечего и говорить, был великолепен. А вообще меня поразило сходство происходящего с игрой в крикет. Обвинение и защита — подающая и отбивающая стороны, судья ведет счет, а присяжные — арбитры. Да, быть арбитром — страшная морока.

Записей я не вел. По-видимому, в суде важнее всего запутать свидетелей и заставить их противоречить самим себе. Старый Лори, такой же толстый и еще более лысый, чем всегда, был главным свидетелем защиты. Искусно направляемый сэром Фердинандом, он сообщил суду, что ни один смертный не успеет за промежуток времени, указанный тремя другими свидетелями — Чарльзом Пичи, Мейбл Пьюзи и официанткой Сьюзен Гейт, — отобрать в погребе три дюжины бутылок, доставить их в разливочную, потом подняться на второй этаж и задушить Мэг Тосстик. Присяжным был предъявлен план «Герба Морнингтона» с нарисованными маршрутами передвижений Боба и указанными с точностью до дюйма расстояниями.

Потом за Лори взялось обвинение. От него требовали уточнить минимальное время, необходимое для того, чтобы:

Боб Кэнди с подручным достали пиво;

Боб Кэнди достал пиво один;

Пичи и подручный достали пиво;

Пичи в одиночку достал пиво.

Затем обвинитель отметил слабое место в его показаниях: Лори никогда не засекал время, занимаемое вышеперечисленными действиями, по часам — ни по наручным, ни по настенным, ни по секундомеру, ни по прочим механическим устройствам и, следовательно-

но, не может утверждать, что за пятнадцать минут подсудимый не успел бы принести бутылки и совершить убийство. Кроме того, как установило обвинение, Мейбл Пьюзи также не знала точно, на сколько минут отлучался Кэнди; под безжалостным перекрестным допросом девушка призналась, что он мог отсутствовать и целых двадцать. «Или только двенадцать!» — тут же заявила она. Этот крик души обвиняющая сторона проигнорировала, и Мейбл отпустили. Бедная девочка так волновалась, но все, что могла сделать для Боба, сделала. «Если все кончится хорошо, Бобу нужно будет жениться на Мейбл», — подумал я. Потом опять допрашивали Лори, и он рассказал, как сильно Боб любил погибшую. Присяжных рассказ не особенно впечатлил, поскольку сторона обвинения упирала на ревность и эту любовь пыталась трактовать как мотив для убийства. Сэр Фердинанд явно полагал, что оно того стоило, пусть даже обвинение временно одержало верх. Зато как прекрасно он обыграл чувства Боба в своей заключительной речи! Да, видно, адвокатам все приходится просчитывать на много ходов вперед. Ужасно утомительное дело, нечего и говорить!

Главными козырями обвинения были мотив и возможность убить, и ход получился сильный. Потом обвинитель сделал еще один ход — чуть подавшись вперед, он спросил Боба о ссоре, которая у него вышла с Лори накануне праздника. Мы с миссис Брэдли надеялись, что сэр Фердинанд не станет вызывать Боба на свидетельское место, хотя, мне кажется, нехорошо выглядит, если подсудимый не выскажется, а сэру Фердинанду требовалось выступление его подзащитного — чистого и непорочного и совершенно напрасно оклеветанного. И он рискнул. Боб неприязненно (вышло

скверно: женщинам-присяжным его тон не понравился) ответил, что речь шла о личных делах. Обвинитель продолжал расспрашивать, злорадно улыбаясь.

Боб, глядя ему прямо в глаза, сказал:

— Я жаловался на кормежку.

— Жаловались на кормежку, вот как!

Присяжные это записали.

— Да, — невозмутимо подтвердил Боб. Лицо у него вдруг прояснилось. — Давно уже так скверно не кормили.

— Насколько я понимаю, вы хотели навестить Мэг Тосстик и рассердились, когда вам отказали, — ласково произнес обвинитель.

— Может, и так, — ответил Боб, — да только мне больше всего запомнилась ругань из-за еды.

— Вот бедняга! — довольно громко сказала какая-то женщина. Наверное, это и подбодрило Боба, и он остался стоять на своем. Сэр Фердинанд повеселел. Его помощник прочел записку, которую он написал, и многозначительно улыбнулся, глядя на присяжных.

Далее обсуждали младенца. Тут обвинению пришлось нелегко: уцепиться было не за что. Ребенка, сообщили супруги Лори, прятали исключительно по желанию самой Мэг. Его даже мистер Лори не видел. Нет, отклонений у новорожденного не было...

Бобу повезло, что в тот миг присяжные, все как один, смотрели на миссис Лори. Если какой-нибудь подсудимый и казался полностью виновным — так это Боб Кэнди. Он явно злился и как будто даже ругался про себя. А глядел так, словно способен убить не одного, а десяток младенцев.

Сэр Фердинанд принялся ковать железо, пока горячо. Он пожелал знать, что случилось с телом ребенка,

а также откуда известно и кем доказано, что ребенка убили, не говоря уж о том, что сделал это именно подсудимый. Быть может, его забрал отец? Пыталось ли обвинение установить, не находится ли сейчас младенец у своего биологического отца? Делались ли вообще попытки выяснить — этот его вопрос произвел сенсацию, — вправду ли имело место рождение ребенка?

Врач, который осматривал тело Мэг, с уверенностью заявил: да, у жертвы действительно недавно произошли роды. Под давлением сэра Фердинанда он, однако, признал, что установить, родился ли ребенок живым или мертвым, невозможно.

Судья в заключительной речи неоднократно упоминал младенца. Он вообще славился снисходительностью к преступникам из простонародья. Тот факт, что мать убийца оставил там, где задушил, а ребенка не было и следа, он истолковывал в пользу подсудимого. Подсудимому, сказал он, предъявлено обвинение в двух убийствах, и присяжным следует решить, виновен ли он только в одном из них или в обоих, или же вообще не виновен. Если они решат, что ребенок родился мертвым, или его забрал отец, или иное заинтересованное лицо, пусть так и скажут. Пусть присяжные взвесят мотивы, которые могли двигать подсудимым, и решат, были ли они достаточно сильными, чтобы он убил девушку, на которой собирался жениться. Кроме того, пусть взвесят возможности подсудимого, учитывая вопрос времени, столь подробно на суде рассмотренный. Присяжным следует также спросить себя, не могло ли другое лицо иметь более сильный мотив для убийства, равно как и более удобные условия для его совершения? (Они-то не знали ни про Куттса, ни про миссис Куттс, а значит, вопрос был

бессмысленный, но по-моему, судья сделал все, чтобы они вынесли вердикт «Невиновен».)

В субботу — последний день процесса — миссис Брэдли сидела рядом со мной. Когда присяжные удалились для совещания, я сказал, что все, наверное, кончено и скоро Боб с триумфом вернется в Солтмарш. Миссис Брэдли покачала головой.

— Я бы не взялась угадать их решение. Среди присяжных пять женщин, а женщины очень сурово относятся к преступлениям на сексуальной почве. Лучше бы здесь были только мужчины — тогда бы его наверняка оправдали. А женщины-присяжные непредсказуемы. Хотя семеро мужчин могли бы их убедить. Удивительно, как легко женщины отказываются от своих прав под давлением противоположного пола.

Я невольно подумал, хотя вслух говорить не стал, что, если противоположный пол попытается оказать давление на миссис Брэдли, плохо же ему придется.

Присяжные совещались почти два часа.

«Виновен в обоих убийствах».

Черная шапочка все-таки понадобилась.

Да, мне довелось посмотреть на судью в черной шапочке — в ней он казался и старше, и печальнее. Я, нечего и говорить, был потрясен, поскольку ни секунды не верил, что мы вернемся в Солтмарш без Боба Кэнди. Бедняга заплакал, когда судья надел черную шапочку, и так его, плачущего, и увели. Он вытирал слезы рукавом. Ужасное было зрелище.

Когда мы вышли, миссис Брэдли взяла меня за руку своей морщинистой лапкой.

— Ничего, Ноэль, — тихонько молвила она. — Мы непременно подадим апелляцию, и если бедняга не сломается, не начнет каяться или делать другие глупос-

ти, мы его вытащим. Как вы заметили, вердикт не согласуется с заключительной речью судьи. Десять дней меня не будет, зато потом я приеду во всеоружии. При сложившихся обстоятельствах обвинительный приговор, наверное, лучшее, что могло случиться. Бедный Боб, его манера держаться очень ему вредит. Вид у него был как у отъявленного злодея!

— Типично женская непоследовательность, — заметил я. — Вы поверили в его невиновность, как только суд установил его вину.

— О нет, я всегда считала его невиновным. Вы поняли, кто из свидетелей лгал?

— Нет.

— А я поняла! — В ее мелодичном голосе звучало глубокое удовлетворение. — До свидания, мой мальчик. Не грустите. Через десять дней, а то и раньше, я приеду в Солтмарш и разнесу все в пух и прах. На всякий случай присматривайте за Дафни. Прощайте.

Когда я привез печальное известие в Солтмарш, Дафни целый час проплакала. Даже миссис Куттс ходила как пришибленная. Чету Лори встречала на станции толпа народу: людям не терпелось услышать новости. Берт пришел к нам, и мы ему все рассказали. Он был задумчив и грубых выражений не употреблял. Уже уходя, он спросил:

— Как вы думаете, не мог он разделаться и с Корой?

— Ни в коем случае! — хором сказали мы. В конце концов, алиби на вторник он получил, работая у нас.

— А. Ну ладно... — пробормотал Берт. — Если б я точно знал, кто убил Кору, я бы...

Конец фразы был совершенно непечатный, но даже миссис Куттс промолчала, только подобрала губы и нервно сжала руки.

Затем мы сообщили новость супругам Гэтти.

— Бедняга, вот несчастный, — то и дело причитали они.

Когда мы проводили последнего гостя, Дафни сказала:

— Не могла говорить при всех, чтобы не проявлять неуважения к вердикту присяжных, но мне все-таки кажется, это сделали Лори. Терпеть не могу этого жирного лысого типа!

— А какие у него причины убивать Мэг Госстик? — возразил я. — И никто из Лори в вечер убийства и близко к таверне не подходил. А во вторник, когда убили Кору, оба тоже, кажется, все время были на виду. Нет, убийство ты на них не повесишь.

— Тогда кто же убил? — не унималась она. И мы опять, в который раз, обсудили всех подозреваемых и их алиби.

— Дядя — самая подходящая кандидатура, — грустно заключила Дафни.

До поздней ночи я думал над ее словами. Он действительно подходил больше других! А Кора? Если викарый соблазнил одну девушку, почему не мог соблазнить и другую? Э нет, на вторник у него было алиби. Уж я-то знал! День мы провели вместе, а ночью обходили берег. Вот если бы выяснить все передвижения Кору в тот вечер, тогда мы могли бы рассуждать дальше. Однако на железнодорожной станции ее след терялся. Она купила в кассе билет — и больше ее никто не видел. Миссис Брэдли не сомневалась, что Кора вернулась потом в Бунгало, но доказать не могла.

Я решил расспросить Берта и на следующий день отправился к нему. Рискованно, нечего и говорить, зато

найди мы убийцу Кору, шансы на пересмотр дела Кэнди сразу бы возросли. Простая психология.

Берт был настроен на удивление сочувственно.

— Ясное дело, я не хочу, чтоб повесили невинного, дери их всех, — сказал он. — Только, Уэллс, тут вот какое дело. Когда я найду убийцу Кору, я ему сам сверну шею. Потом откупорю последнюю бутылочку «Вдовы Клико», и — вперед, в самый глубокий карьер, пока не арестовали.

Это заявление открыло мне глаза сразу на две вещи. Во-первых, Берт любил Кору куда сильнее, чем старался нам показать. Во-вторых, как выяснилось, до сих пор я пребывал в заблуждении — вполне, правда, простительном, — что выражение «Шампанское вдовы» содержит намек на вдовствующую королеву, то есть как бы комплимент качеству напитка.

В остальном наша беседа ни к чему не привела. Имя сэра Уильяма мне упоминать не хотелось, и потом если ее действительно убили во вторник, то это не его рук дело.

По дороге домой меня осенила ужасная мысль: а если ее все-таки убили позже? Тогда у сэра Уильяма алиби нет — а заодно и у Лори, и у меня самого, и у старины Куттса!

Глава XIV

КАК В ДВАДЦАТОМ ВЕКЕ ИСПОЛЬЗУЮТ ПОДЗЕМНЫЕ ХОДЫ

Миссис Брэдли свое обещание выполнила. Она вернулась в Солтмарш даже раньше, ровно через пять дней после того, как решение суда опубликовали в газетах.

Вечером в четверг двадцать девятого октября она пришла к нам и сообщила, что, по словам всех юристов, с кем ей удалось переговорить, — а имя им было легион, ибо ее сын вращался именно в таких кругах, — апелляцию Боба непременно удовлетворят.

— Вердикт, идущий вразрез с мнением судьи, как правило, пересматривают, — заметил Куттс, который в таких делах вряд ли смыслил, и его жена, нечего и говорить, не замедлила на это указать.

Не переносу ее! А когда она права, то становится еще противнее.

Сэр Уильям, как выяснилось, любезно предложил миссис Брэдли пользоваться его гостеприимством, пока не разрешатся все загадки. Его очень занимали дедуктивные способности миссис Брэдли, благодаря которым удалось найти тело Кору Маккенли. Сам он считал и часто и громогласно выражал мнение, что Боб невиновен, а Мэг и ее ребенка убил тот, кто убил Кору.

Я не слишком обрадовался, получив на следующее утро в одиннадцать часов приглашение от сэра Уильяма «срочно прийти для ведения стенографических записей». Мы с Дафни как раз проверяли на чердаке, хорошо ли уложены яблоки для зимнего хранения, а дело это важное, и мне совсем не хотелось прерываться.

К моему удивлению, у сэра Уильяма кроме миссис Брэдли я застал начальника полиции графства. Хозяин, сообщив высокому гостю мое имя и сан, тотчас ушел, и мы остались в библиотеке втроем. В мое распоряжение предоставили отличный блокнот, несколько остро заточенных карандашей, удобное резное кресло и большой стол. Миссис Брэдли и начальник полиции уселись в кресла с другой стороны от камина.

— Итак, мистер Уэллс? — сказал начальник полиции с широкой улыбкой. Он был похож на школьного инспектора, а еще больше — на улыбающегося крокодила из детских стишков. Собственно, разница невелика — что по внешности, что по характеру.

Я рывком придвинулся к столу вместе со стулом и произнес, надеюсь, вежливо:

— К вашим услугам, сэр.

— Мы просим вас побыть секретарем миссис Брэдли. Вы должны дать обещание не разглашать услышанное в этой комнате до тех пор, пока не получите разрешение.

(Теперь-то у меня есть разрешение, иначе я бы не рассказывал.)

Чувствовал я себя словно на заседании Лиги Наций.

— Ноэль, дорогой, — любезно попросила миссис Брэдли, — прошу вас записывать все, что будет сказано, а затем, когда вы мне прочтете, переписать вашим замечательным почерком. Вы готовы?

Они беседовали, а я записывал. Передаю их разговор.

— Значит, вы считаете, что беднягу оправдают? — спросил начальник полиции.

— Если полиция отыщет убийцу Кору Маккенли, это вполне вероятно. Насколько я знаю, тела Мэг и ребенка еще не нашли?

— Нет. Полиция обшарила буквально все. Наши люди перерыли всю округу, но пока безрезультатно!

Тут, наверное, миссис Брэдли состроила гримасу, хотя, поскольку я не отрывался от блокнота, сам не видел. После долгой паузы она продолжила:

— Преступник — человек выдающийся. Позвольте сказать, что я о нем думаю. Полагаю, мы имеем дело

не с двумя убийцами, а с одним преступником, совершившим два преступления.

— Вы сказали «о нем», словно это не могла быть женщина, — заметил полицейский.

— О, я вполне допускаю, что это могла быть и женщина. Конечно, Кора в отличие от Мэг была девушка крупная и сильная, но обеих жертв перед удушением ударили по голове.

«Значит, Кора тоже задушена», — подумал я.

— Да. При удушении неожиданность — важный фактор. Жертву, разумеется, можно отравить или напасть, пока она спит. У Кору Маккенли на затылке след сильного удара. Допускаю, что ее сначала оглушили.

— Пока она спит, — задумчиво повторила миссис Брэдли. И, подумав, добавила: — То есть убийца был с ней, и пока она спала, напал?

Я подумал, что она хочет выгородить сэра Уильяма.

— Да... — медленно сказал ее собеседник. — Если она собиралась бежать с любовником, то где же ее убили? Как раз это и пытался выяснить инспектор и его люди. На железнодорожной станции следы теряются.

— Билет она купила до станции Пирхед? — спросила миссис Брэдли.

— Нет-нет. До Центральной. Она купила билет до Лондона — как и полагалось, если бы она и вправду думала присоединиться к театральной труппе. Как уже известно, в труппе ее нет. Мы не знаем даже, доехала ли она до Лондона. Получается, она села в поезд — и растворилась в воздухе.

— Вы не рассматривали возможность, что она потом пересела на поезд, который шел обратно, до Пирхед?

— А дальше? Пустилась вплавь? Или лодку наняла?

— Она ведь могла дойти берегом до Бунгало?

— Могла. Значит, по-вашему, она почти сразу вернулась в Солтмарш?

— Думаю, да. Следует принимать во внимание ее характер. Больше всего ее увлекала игра в конспирацию. Жизнь она вела скучную. А чтобы пощекотать нервы, куда интереснее крутить интрижку под носом у Берта, чем просто уехать.

— Понимаю. Значит, она пошла по берегу со станции из Уаймут-Харбора, или, если был прилив, мимо утесов — насчет прилива мы, конечно, проверим, — и рисковала наткнуться на Берта.

— По поводу Берта она могла не волноваться. Вы слышали о старом подземном ходе из бухты до «Герба Морнингтона»?

— Слышал, а что?

— Как я недавно узнала, — пояснила миссис Брэдли, — Берт — удивительный молодой человек! — не пожалел времени, чтобы прокопать от своего дома до подземного хода коридор.

Дав мне время записать ее слова, она попросила листок бумаги и карандаш. Небрежно, но достаточно разборчиво, она изобразила главные постройки в деревне и прочертила направление подземного хода и Бертова коридора.

— Примерно так, да, Ноэль? — Она показала мне рисунок. Я согласился, и начальник полиции стал его внимательно разглядывать.

— Вероятно, — продолжила миссис Брэдли, — Кора, дойдя до бухты (шанс встретить кого-либо из знакомых был один из тысячи), воспользовалась подземным ходом (он так прекрасно замаскирован, что я проискала его часа два с мощным фонарем), дошла до развил-

ки и свернула к Бунгалю, и убили ее уже у самого дома или в доме.

— Они же всегда спали вместе! — воскликнул я, записав очередную фразу.

Двое, до этого спокойно беседовавшие, посмотрели на меня как на сумасшедшего.

— Они — что? — переспросил полицейский, пытаюсь, видимо, сосредоточиться на таком важном факте.

— Они всегда спали вместе. О чем неоднократно упоминали. Спали в одной постели, — пояснил я.

— Это важно, так ведь? — спросил начальник полиции.

— Если учитывать, что в день убийства Кора и Берт серьезно поссорились — важно. Однако для наших рассуждений — непринципиально, поскольку Берт был среди тех, кто обыскивал берег. Верно, Ноэль?

— Верно. Я и позабыл. — Я чувствовал себя полным дураком.

Полицейский вынул из портфеля какие-то бумаги и блокнот. Нацепив очки в роговой оправе, отчего сразу стал похож на мистера Пиквика, он углубился в их изучение.

— Берт, кажется, не отрицает ссоры. Да, точно, признает. Поругались они сильно; речь шла о прижимистости Берта — он, дескать, утаивал от мисс Маккенли бóльшую часть своих доходов. Берт объясняет это чрезмерной расточительностью Кору.

Миссис Брэдли кивнула и сказала:

— Кора злилась, что у нее так мало денег.

Судя по всему, она решила по возможности не выдавать делишек Берта. И то сказать — если человек сам осознает свое заблуждение, не обязательно его наказывать.

— Злилась очень сильно и злила Берта, — продолжил начальник полиции. — Он даже рассказал с милой непосредственностью, как однажды погнался за Корой, чтобы хорошенько ей задать, а она подскочила к краю карьера и обещала броситься вниз, если он раз и навсегда не перестанет распускать руки.

— До чего драматично, — заметила миссис Брэдли.

Я невольно порадовался, что Уильям Куттс не видел этой части ссоры.

— Именно, — согласился полицейский. — Настолько драматично, что совершенно не верится. Поручу инспектору допросить Берта по поводу подземного хода. Никогда не думал, что Кору Маккенли убили в самом Бунгало. На предполагаемое время убийства у Берта есть довольно надежное алиби.

— Однако врач, делавший вскрытие, не мог установить время смерти с абсолютной точностью, а значит, мы не знаем, есть у Берта алиби или нет.

— Если вы позволите, — сказал ее собеседник, переварив эту информацию, — я спущусь в холл и протелефонирую инспектору. Его люди с радостью возьмутся за Берта. Насколько мне известно, они и сами держали его под подозрением.

— Минуточку... — Миссис Брэдли помедлила, потом продолжала: — Я, разумеется, не могу вам диктовать, но если мне будет позволено заметить, мистер Берт не тот, кто вам нужен.

— Не он? Но все указывает на него, да и алиби у него, как выясняется, не такое уж надежное.

— На него указывает далеко не все, — возразила миссис Брэдли. — Для начала подумайте, зачем Коре Маккенли понадобилось притворяться, будто она отправилась в Лондон и поступила в театральную труппу?

— Чтобы освободиться от Берта и встретиться с любовником. Я полагал, ваша версия строится именно на этом допущении.

— Да. Так подумайте, дорогой сэр Малкольм. Подумайте, прежде чем звонить в полицию.

— Вы же не хотите сказать, что Кора и ее любовник провели ночь — или часть ночи — перед тем как ее убили, в Бунгало, втайне от Берта?

— Отличный способ пощекотать себе нервы, и как раз в духе Кору. Жаль мне ее. Она скучала и оттого повела себя скверно, точно избалованный ребенок. И была наказана за свой грех слишком жестоко.

— Грех? — переспросил я, записав фразу.

— Подумайте сами, мой мальчик!

— Но вы ведь не считаете такое поведение грешным, — возразил я.

— Я не считаю, а другие считают.

Оба собеседника согласно кивнули.

Потом миссис Брэдли добавила:

— На вашем месте, сэр Малкольм, я бы поинтересовалась у инспектора, сильно ли Берт устал в ту ночь или, точнее, под утро.

— Если он устал, как я, — вставил я, — он ни о чем, кроме сна, уже не думал.

— Отличная мысль! — воскликнул сэр Малкольм, не обращая внимания на мою реплику. — Так и поступлю.

— И правильно, — похвалила миссис Брэдли. — И если вы считаете Берта убийцей, то задайте себе вопрос: где он держал тело, пока не спрятал его в гроб Мэг Тосстик?

— А еще история с гробом! — Сэр Малкольм потер подбородок. — Вот задачка. Такая дерзость даже вос-

хищает! И, однако, не могу понять — как вы догадались?

— Это было очевидно. Все вертится вокруг убийства Мэг Тосстик. Надеюсь, казнь Боба Кэнди отсрочат.

— А что вы о нем думаете?

— Вы о результатах разбирательства?

— Нет. Я хотел спросить, к какому вы сами пришли выводу — виновен Кэнди или нет?

— Как я уже говорила Ноэлю, по-моему, Кэнди либо невиновен вообще, либо действовал под чьим-то давлением, причем подстрекатель знал его достаточно хорошо и мог — или могла — предугадать реакцию молодого человека на заявление, что его возлюбленная позволила себя соблазнить негру и родила ребенка-мулата.

— Что?! — В один голос вскричали мы с сэром Малкольмом.

— Помните, Ноэль, вы по моей просьбе выясняли, как в деревне относятся к смешанным бракам? Сначала мистер Куттс прочел проповедь о братской любви, а потом под вашим искусным и деликатным руководством все обсуждали эту тему.

Миссис Брэдли повернулась к начальнику полиции.

— Главное, что мешало мне найти подозреваемого в убийстве Мэг Тосстик, — загадка, на первый взгляд абсолютно неразрешимая: время, когда совершили преступление.

— Вы не согласны с заключением врача?

— Нет, я о другом, — поспешила объяснить миссис Брэдли. — С экспертами я не спорю из принципа.

— Из принципа?

— Да. Иногда меня тоже просят выступить в качестве эксперта. Нет, меня озадачило, что девушку убили через несколько дней после рождения ребенка. Если

Боб — или же соблазнитель Мэг — убил ее, когда уже вся деревня знала о незаконнорожденном младенце, то убил по какой-то иной причине, не из-за ее неверности или боязни огласки. В деле явно есть неизвестные нам факторы, поскольку здесь имеют место два обстоятельства, казалось бы, взаимоисключающие. Первое: убийство, по-видимому, совершил Боб. Второе: как раз Бобу незачем убивать ее именно теперь, после рождения ребенка, а не, скажем, полгода назад, когда его потрясло известие о беременности любимой девушки. Полагаю, на убийство его толкнул некто, заинтересованный в ее смерти, сообщив, что девушку соблазнил Фостер Вашингтон Йорк, слуга Берта, и она родила черного ребенка. На самом деле это не так, и основан мой вывод на исчезновении ребенка.

— На исчезновении? — переспросил начальник полиции.

— Отчасти. Если вы сейчас поговорите по телефону с миссис Лори и спросите о ребенке, то наверняка узнаете, что ребенок был белый.

— Дорогая моя миссис Брэдли, полиция своими расспросами уже довела мистера Лори до белого каления, а его супругу до истерики. Думаю, от них уже ничего не добьются. Но если хотите, я попробую.

— Между прочим, сэр Малкольм, — спросил я. — Насколько я знаю, у обоих Лори на понедельник есть алиби, а вот как насчет вторника?

Он отечески улыбнулся и опять открыл портфель.

— Естественно, инспектор и его ребята с Лори не церемонились, ведь первое убийство произошло у них в доме, хотя их там и не было, а люди никак не могут отвечать за то, что произошло в их отсутствие. Однако, друг мой, с убийством Кори их ничто не связывает.

— Как это? — Я припомнил, что Дафни терпеть не могла мистера Лори. — А подземный ход к таверне и коридор к нему, который прокопал Берт для своих... развлечений? — закончил я, поймав взгляд миссис Брэдли. Да, чуть не выдал Берта. Нечего и говорить, нечаянно.

— Вот. — Сэр Малкольм пошуршал бумагами и отыскал нужную. — Супруги Лори утром отправились в банк, в Уаймут-Харборе, и позавтракали там в гостинице. Это точно установлено. Днем Лори спал в беседке — в этом клянутся садовник и его подручный, — а миссис Лори помечала новые скатерти, и ей помогали две девушки. В половине пятого Лори пили чай, потом включили радио и позвали послушать работников, и с момента открытия бара до самого закрытия оставались у всех на виду. Что скажете?

Сэр Малкольм отправился к телефону и через пять минут вернулся. (Миссис Брэдли все это время молча смотрела в огонь.) Вернулся он весьма довольный.

— Следовало поставить на негритенка, — заявил он, усаживаясь.

Миссис Брэдли была поражена.

— Не хотите ли сказать, что ребенок родился черный? — недоверчиво спросила она.

Начальник полиции с мягкой улыбкой закивал, словно китайский болванчик.

— В самую точку попали! — не слишком изящно, зато доходчиво ответил он.

Миссис Брэдли закачала головой так же выразительно, как он кивал.

— Говорю вам, уважаемый сэр Малкольм, — тихо, но твердо сказала она, — это совершенно невозможно.

— Чтобы вас убедить, я мог бы обратиться к Фостеру Вашингтону Йорку, но наш смуглячок станет отпираться. — Натянув собеседнице нос, сэр Малкольм явно повеселел. — Ребенка мы предъявить не можем, так чего мы добьемся?

— Продвинемся еще на шаг вперед.

— Однако, по словам миссис Лори, этой доброй женщины, ребенка скрывали только из сочувствия к бедняжке Мэг. Стоило ей представить, как она потом будет людям в глаза смотреть, с ней делалась истерика, и вот они ради нее хранили тайну.

— Тайну они хранили ради своей выгоды. Ребенок сильно напоминал кого-то, кто желал остаться неизвестным.

— Лори не были бы Лори, не извлеки они пользы для себя лично, — вмешался я, вспомнив, как хозяин таверны наживался на поставках кокосов для нашего аттракциона.

Начальник полиции почесал в затылке.

— В этом что-то есть, — признал он. — Супругам Лори было выгодно не выдавать отца — темную лошадку. — Он ухмыльнулся своему каламбуру. — Или же пустить слух про младенца-негритенка им велел настоящий отец?

Я посмотрел на миссис Брэдли. Она поджала губы, и я промолчал.

Наступила тишина, которую нарушил сэр Малкольм:

— Когда же исчез младенец?

— В тот день, когда родился, — вполголоса ответила миссис Брэдли.

Потом начальник полиции ушел, забрав расшифровку стенограммы, а мы с миссис Брэдли остались.

— Ну что, мой мальчик? — сказала она.

— Гори оно огнем, все еще больше запуталось!

— Не думаю. — Миссис Брэдли расправила плечи и глубоко вздохнула.

— Где же ты, истина, столь многогранная и столь однозначная? — произнесла она, обращаясь к большой вазе, стоявшей на полке. — Я знаю все до мельчайших подробностей и ничего не хочу доказывать. — Она повернулась ко мне. (Я сидел у стола, вертя в руках карандаш.) — Когда — или если — совершите убийство, не предпринимайте потом ничего. Ведите рутинную жизнь, пусть все видят ваше спокойствие и непринужденность, не меняйте своих привычек, а главное, мой мальчик, не перемудрите.

— Скажете тоже! — брякнул я; надеюсь, что не очень вызывающе.

— Именно. Убийца — я говорю не о Кэнди, которого стоит помиловать, даже если преступление совершено его рукой, — я говорю о настоящем убийце Мэг Тосстик и Кору Маккенли... у убийцы был сообщник. И обе эти замечательные личности отчасти следовали вышеуказанному правилу, но потом сбились с пути.

— Поподробнее, пожалуйста, — попросил я.

Миссис Брэдли улыбнулась. Сейчас она особенно напоминала греющуюся на солнце ящерицу.

— Убийца, — добродушно пояснила она, — почти ничего не сделал, а его сообщник тоже умен. Он продолжал жить, как будто ничего не случилось, не выказывая страха. Он изменил лишь одну свою привычку, но эта перемена идет вразрез с тем, что я о нем узнала, и у меня сразу зародились подозрения. Они оба перемудрили. Да, наверное, поняли, что я состарилась и уже не та.

Я хотел выразить сочувствие, но она, как обычно, заклохтала, и я сказал другое:

— Интересно, скоро ли мы узнали бы о смерти Кору, если бы не ваша догадка?

Миссис Брэдли покачала головой.

— Трудно сказать. Это, конечно, немаловажно. Чем больше прошло бы времени, тем труднее было бы опознать труп.

— Странно, что трупы Мэг и ребенка так и не нашли.

— Тело Мэг, наверное, прибило где-нибудь к берегу. Думаю, полиция проверила уже десяток утопленников, в том числе и задушенных, однако опознание теперь невозможно — да и не имеет значения.

— Послушайте, — сказал я чуть погодя. — А что насчет Берта?

— Что насчет Берта? — озадаченно переспросила она.

— По-вашему, он Кору не убивал, но разве можно знать точно? — Я торопился все сказать, пока она не вставила какое-нибудь насмешливое замечание, от которого сразу теряешь нить разговора. — Вы заявили начальнику полиции, что Кору, вероятно, убили прямо в Бунгало, и объяснили, каким образом она могла тайно вернуться берегом или мимо скал и по подземному ходу. Только вы не объяснили, как туда мог попасть ее любовник. И если она и вправду вернулась, то сама собой напрашивается мысль, что Берт ее и убил, а потом опять отправился к людям, с которыми обыскивал берег.

— Напрашивается и множество других соображений. Во-первых, Берт не из тех, кто способен убить женщину.

— Однако колотить ее он мог.

— Дорогой мой мальчик! — рассмеялась миссис Брэдли. — Вряд ли его побои всерьез огорчали Кору; в противном случае она бы давно его бросила. Возможности для этого у нее были. На красавиц такого типа всегда есть спрос. Нет, по-настоящему ей досаждал лишь недостаток денег, и только.

— И? — Я не стал спорить.

— Думаю, мужчину Берт мог убить.

— Любовника?

— Любовника. Любовник боялся Берта, а Кора — нет. Вам известен мотив для ее убийства?

— Ну, более или менее... — уклончиво сказал я.

— Помните ту их ссору?

— Да.

— А причину?

— Деньги?

— Не думаю. Скорее всего Берт узнал о любовнице и хотел выяснить, кто он. Правда, это лишь моя догадка.

— Кора надеялась своего поклонника хорошенько обобрать, но не вышло, и она пригрозила, что выдаст его Берту. Ее бы он просто отлупил, а соперника вполне мог отволочь в каменоломни и сбросить в карьер. Возможно, любовник подслушал, как они ругались.

— Оценка «отлично», мой мальчик. — Миссис Брэдли хлопнула меня по плечу. — Мне и самой лучше не сформулировать. Когда Берт с Корой скандалили — кричали во весь голос. Помните, как Маргарет Кингстон-Фокс рассказывала об их ссоре, хотя она-то уж точно не из тех, кто станет подслушивать.

— Вы мне практически все объяснили, — соскромничал я по поводу ее похвалы.

— Да, именно так оно и могло произойти... Там не телефон, случайно, звонит?

Это и вправду был телефон. Вошла горничная: звонили миссис Брэдли.

После разговора она вернулась в библиотеку слегка обеспокоенная.

— Сэр Малкольм любезно меня уведомил, что ход, ведущий в «Герб Морнингтона», заделан. Заложено кирпичом. Полицейские допросили и хозяев, и всех работников — никто не помнит, когда его заложили. Кладка явно старая, ее много лет не трогали. А если нужны еще доказательства, что ходом со стороны таверны не пользовались, то там все затянуто паутиной!

— Значит, никто из таверны пройти в Бунгало не мог, — заключил я. — Но мы же и не думали, что там кто-то ходил. Только Кора, и та шла со стороны бухты.

— Придется опять побеспокоить Берта. Вы идете?

— С удовольствием. Вот интересно, а чем в ночь убийства Кору занимался Фостер Вашингтон Йорк?

В пронзительных черных глазках миссис Брэдли я прочел восхищение.

— Мальчик мой, вы первый ученик в классе! Как вам это удается, Холмс? — И она от души и преобольно шлепнула меня между лопаток. — Минут через сорок пять, а то и раньше на ваш умный вопрос будет дан ответ, к вашему полному, я надеюсь, удовлетворению. А также и моему, — сурово добавила она.

Берта дома не оказалось, что было очень кстати, поскольку мы смогли спокойно поговорить с Фостером Вашингтоном Йорком. На этот раз он не колот дрова, а стирал какие-то рубашки — свои или хозяйские, не могу сказать. Завидев нас, он почтительно улыбнулся и стяхнул воду с темно-коричневых рук.

— Вы работайте, — сказала миссис Брэдли, усаживаясь на табурет. — Можно же и стирать, и разговаривать, верно?

— Ежели вы хотите потолковать, мэм, про бедную миз Кору, — неожиданно и очень взволнованно заявил Фостер, — то уж нет, не могу я и работать, и про нее говорить.

Нагнувшись к тазу, слуга принялся с сердцем отжимать рубашки. Да, Кору он жалел.

— Все уже кончено, пропади оно пропадом! И нечего про это толковать.

Манеры у него сразу переменялись к худшему, однако он принес мне второй табурет.

Сам Фостер прислонился к косяку, сложил руки на мощной груди и взирал на нас не без враждебности.

— Ну и чего скажете? — бесцеремонно спросил он.

— Мистер Йорк, вы помните день, когда мисс Кора уехала? — спросила миссис Брэдли, подавшись вперед.

— Ну, помню. — И он начал говорить, точно вспоминая заученный урок: — На следующий день после праздника, во вторник, четвертого августа миз Кора села на поезд три тридцать, отходящий из Уаймут-Харбора, и больше я ее не видал.

Миссис Брэдли буравила его своим ужасным взглядом.

— А вечером?

Негр покачал головой.

— Как она ушла на поезд, так я ее больше и не видал, — бесстрастно повторил он.

— Вот как? А что вы сами делали в тот вечер?

— Ничего, — упрямо, словно уличенный в шалости ребенок, произнес слуга.

— Так не пойдет! Послушайте, Фостер. Мисс Кора умерла в этом доме. Я хочу знать, где в это время были вы?

Глава XV

ФОРТЕЛИ ЧЕРНОКОЖЕГО СЛУГИ

На миг мне показалось, что Фостер не понял ее слов. Он вдруг заулыбался удивленно и испуганно.

— Миз Кора здесь не помирала, — почти прошептал он. Глаза у него забегали.

Миссис Брэдли быстро произнесла по-французски:

— Боже мой! Я совсем забыла — эти люди боятся привидений!

Дикий взгляд Фостера остановился на мне. Губы у него тряслись. Жалкое было зрелище.

— Мистер Уэллс, молитесь Богу! Молитесь за меня Богу! — На лбу у Фостера выступила испарина. Весь его вид выражал страдание. Я дотронулся до его руки — она была совершенно холодна.

— Не волнуйтесь, — сказал я. — Все хорошо. Не нужно бояться.

Зубы у него начали стучать.

Миссис Брэдли (опять по-французски) велела:

— Снимите с цепочки для часов брелок и отдайте ему. Быстро!

Я повиновался. Негр схватил брелок, точно талисман, каковым его, наверное, и считал. Постепенно он успокоился. Встряхнулся, словно хотел от чего-то избавиться, и произнес:

— Я вам расскажу, что знаю.

— Ну и хорошо.

— Только мистеру Берту не говорите. В нем ровно дьявол сидит.

Мы пообещали молчать.

Он присел на краешек гладильного катка и стал рассказывать. Картина складывалась следующая. Сначала Фостер проводил Кору на станцию. После чая, когда Берт ушел обыскивать вместе с другими берег, слуга сообразил, что на ближайшие часы он свободен и может доехать на автобусе до Уаймут-Харбора и сходить в кино. Из дому он ушел без пятнадцати семь, а вернулся в самом начале двенадцатого. Он успел посмотреть кино, но задерживаться не стал, боясь опоздать к возвращению Берта.

— И что вы увидели, придя домой? — спросила миссис Брэдли.

— Ничего.

— А если подумать? Вы вошли через парадную дверь или через заднюю?

— Ясное дело, через заднюю, как всегда.

— Все было так же, как когда вы уходили?

Лицо слуги просветлело.

— Не-а. Вот как вы это спросили, мне припомнилось. Пришлось открывать парадную дверь, задняя-то была на засове. Я еще подумал: «Эх ты, глупый негр, иди уж через парадную дверь».

— А вы вообще ходили через парадную?

— Коли ходил, так только во сне. Не, я в жизни там не ходил один, вот разве с хозяином шел или с хозяйкой.

— Ясно. А кто обычно запирает на ночь заднюю дверь? Вы, мисс Кора или мистер Берт?

— Я запираю, когда все были уже дома. Не хватало еще, чтобы всякие... не к ночи будь помянуты, — он

выразительно закатил глаза, — заходили в потемках в дом и пялились мне через плечо. А ту запирал мистер Берт перед тем, как спать ложиться. А я к ней и не подходил. То-то мне и странно было идти через парадную в тот вторник.

— И что вы стали делать, когда вошли?

— Стал ужин готовить для мистера Берта. Только он ужинать не захотел.

— Так устал? — спросил я, вспомнив, в каком состоянии сам пришел в ту ночь домой.

— Выпил стаканчик-другой виски и спать пошел.

— Сколько было времени?

— Половина второго. Я нарочно поглядел. Мистер Берт снял ботинки и кинул в бедного негра, да еще ругался, а потом пошел спать. И я тоже пошел. Я уже и раньше спал, а тогда пошел снова.

Миссис Брэдли кивнула, и мы поднялись.

— Спасибо, Фостер, — сказала она. — А вы часто ходите в кино?

Чернокожий слуга ухмыльнулся:

— Миз Кора сама мне велела в тот вечер. Дает мне десять шиллингов, а сама подмигивает и говорит: «Он пойдет в паб, потому что без меня не уснет, если хорошенько не нагрузится, так вот, иди в Уаймут-Харбор и развлекись, образина ты черная».

— Ну, что скажете? — спросила миссис Брэдли, когда мы спускались с холма.

— Наверное, вы правы, и Кора в ту ночь вернулась. Она и заперла заднюю дверь на засов?

— Да. Сообразительность ее подвела. Она хотела себя обезопасить и заперла дверь машинально, совершенно не думая.

— Запереть мог и слуга.

— Маловероятно. Как видите, он привык пользоваться задней дверью. Он мог, уходя, запереть ее на замок, но не на засов.

— А может, все-таки Берт запер — еще раньше?

— Вы так и будете упорствовать в своих заблуждениях, мой мальчик? Где он тогда спрятал тело? Даже подземный ход — место не слишком надежное. Нет... И все же я довольна нашей сегодняшней работой. Мы продвигаемся к разгадке.

— Вы попросите полицию проверить слова Йорка насчет кино?

— Вряд ли.

— А если он и не ездил? Уж больно он волновался, когда расписывал, как Кора его отпустила. Может, он был дома, когда она вернулась, и он принял ее за привидение, задушил...

— И спрятал тело в подземном коридоре, а потом отнес на кладбище, так, что Берт не заметил, а потом выкопал Мэг Тосстик, положил в гроб Кору, а тело Мэг отнес на берег и бросил в воду и...

— Вы мне голову морочите! — догадался я.

— Ни в коем случае! — с насмешливым негодованием воскликнула она.

— Думаете, Фостер Вашингтон Йорк не смог бы разобратся с трупами?

Миссис Брэдли гукнула и похлопала меня по спине.

В тот вечер, когда все ушли спать, мы долго говорили с Дафни. Посреди разговора она вдруг вскочила: ей слышались какие-то звуки за окном. Я засмеялся и сказал, что это цветок постукивает о стекло. Дафни возразила. Я подошел к окну и отдернул занавеску. Снаружи к окну прижалось чье-то лицо. Я, наверное, вскрикнул. Во всяком случае, нечего и говорить, ис-

пугался. Дафни завизжала. На шум прибежал старый Куттс. Мы вышли наружу и спросили, кто там. Дафни пряталась за нашими спинами. Остаться в комнате она боялась.

Это оказался Фостер Вашингтон Йорк. Бедняга, не в силах вынести мысли о том, что в его доме произошло убийство, пришел просить убежища. Мы не знали, как с ним быть. В конце концов поставили для него в комнате Уильяма раскладную кровать, а самого Уильяма переселили ко мне. Я, нечего и говорить, был не в восторге, да и Дафни это событие спокойствия не прибавило, но бедняга пребывал в таком отчаянии, что мы решили с ним не спорить и оставить до утра.

Ночью я проснулся: за тонкой стенкой стонал и молился Фостер. Бедняга, видно, дошел до ручки. Как подумаешь, какого страху он натерпелся! Нечего и говорить, глупо и смешно подозревать такого в убийстве. У него не хватило бы духу. Приятно было знать, что в Солтмарш есть кто-то еще, кроме меня, кому не хватило бы духу убить Кору Маккенли.

Глава XVI

МИССИС ГЭТТИ ОПЯТЬ СБИВАЕТСЯ С ПУТИ, А МИССИС БРЭДЛИ МОРОЧИТ ГОЛОВЫ

При таком-то интересном стечении обстоятельств миссис Гэтти решила взяться за старое. Представляю, как расстроилась миссис Брэдли. Первые вести о ее выходках принес нам юный Уильям.

Мы с Дафни сидели вдвоем в столовой и разглядывали каталог мебели и обоев. Миссис Куттс — вот ра-

дость! — была на заседании благотворительного комитета, а сам Куттс — на футбольном матче.

— Слыхали, чего? — крикнул Уильям, врываясь в столовую. — У старушки опять мозги поехали. Мы ее по всей деревне искали. Достала где-то острый прут — каким быков погоняют — и ткнула им старину Брауна прямо в тыльное место!

— Какая старушка? — изумленно спросил я, подумав почему-то про миссис Брэдли.

— Миссис Гэтти! — Уильям был потный, грязный и довольный. — Говорит, она санитарный инспектор: ходит и проверяет, правильно ли хранят уголь.

— Санитарный инспектор?

— Ага. Обвинила старика Лори в том, что он держит уголь прямо в ванне, и не ушла, пока он ее не провел и не показал. — Уильям хихикнул. — Постояльцы пользуются ванными на втором этаже, а Лори — на первом, вот она, наверное, и подумала, что они совсем не купаются. Старик сказал, он всегда мокнет в ванне часа по два, а его жена подтвердила. Миссис Гэтти выдала ему свидетельство за подписью «Уильям Эварт Гладстон», и Лори обещал повесить его в рамочку. А она теперь ходит и проверяет у всех уши — чистые ли! — Уильям аж подвизгивал от радости. — Вот бы она проверила уши у тети Кэролайн!

Дафни даже не улыбнулась.

— Знаешь, Ноэль, дело-то очень скверное. Раньше она просто казалась смешной, но из-за этой ужасной миссис Брэдли стала гораздо хуже.

Видимо, так оно и было. Перед последними выходами миссис Гэтти бледнели даже убийства. Старая манья сравнить людей с животными расцвела в ней с новой силой. Берта, который влез на дерево, чтобы

снять застрявшего там котенка, она назвала бурым медведем и, насадив на острие зонтика булочку, протянула ему. Маргарет Кингстон-Фокс она назвала нежной ланью, а финансиста Бернса упрямо величала «леди Клер», да еще предложила ему воткнуть в прическу хризантему, так как розы, мол, уже отцвели.

Будь это кто-то другой, мы, нечего и говорить, решили бы, что нас разыгрывают, но миссис Гэтти мы знали уже давно. Как-то утром она увязалась за мной, проводила через всю деревню, причем бляяла по-овецьи, а потом — к большой радости бегущих мимо школьников (была суббота) — во весь голос заявила, что я переменялся к лучшему. Поскольку раньше она сравнивала меня с козликом, то, наверное, намекала на библейских агнцев и козлиц. Я пустился наутек, а вслед мне неслись детские счастливые вопли и надсадное бляение миссис Гэтти.

С миссис Брэдли мы встретились в понедельник, и я посочувствовал ей по поводу того, что ее лечение не принесло результатов. Она по своему обычаю фыркнула и сообщила, что Кэнди непременно освободят. Возможно, ему придется пройти медицинское обследование.

— А теперь, мой мальчик, — любезно произнесла она, — я могу прочесть в клубе лекцию.

Вид у меня, нечего и говорить, был озадаченный. Да, я как-то пересказал ей основные положения одной из своих лекций — про сэра Роберта Уолпола, если не ошибаюсь, но совершенно не мог припомнить, чтобы просил ее прочесть лекцию. Наверное, я сделал это по рассеянности... Словом, прокашлявшись, дабы заполнить неловкую паузу, я постарался как можно сердечнее выразить радость, и удовольствие, и благодарность.

— А когда? — спросил я, внутренне трепеща.

— Когда у вас лекции?

Разговор происходил в понедельник. Да, именно. А в следующую пятницу в деревню вернулся Боб Кэнди — и стал героем дня. Миссис Брэдли за свой счет отправила его — в сопровождении Мейбл Пьюзи и ее брата — в Кент, чтобы он отдохнул. Один тамошний землевладелец, знакомый миссис Брэдли, пообещал потом найти ему работу. Так и вышло, и, насколько я знаю, для Боба все кончилось хорошо.

— Лекции — в среду, — сказал я.

— Значит, на той неделе в среду.

— А... тема? — спросил я, затаив дыхание.

— Ах да, тема. — Миссис Брэдли как будто немного растерялась. — Разумеется. Тема... Как по-вашему — заинтересует ли их тема «Эго и либидо»?

Слегка потрясенный, вспотевшей рукой я подергал воротничок.

— Или нет. Слишком примитивно, — заявила она. — А что, если «Гордость и предубеждение в свете понятия расовой чистоты»?

— Ээ-э... — беспомощно промычал я.

— Ладно, оставим до завтра. Вы не волнуйтесь, я что-нибудь придумаю.

— Народ у нас не очень-то любознательный, — слабо молвил я. — Мы обычно устраиваем сеансы с «волшебным фонарем», и то они свистят, топают, могут в экран чем-нибудь запустить.

— Нет, так не годится. — Миссис Брэдли призадумалась. — А викарий приходит?

Викарий на лекции, разумеется, не ходит.

— На вашу лекцию уж точно придет. — Я очень на это надеялся.

— А миссис Куттс?

— Сам ее притащу, — поспешно сказал я.

— А я приведу Эдви Дэвида Берта, да еще необходимо пригласить сэра Уильяма и мистера Брэнсома Бернса...

— Что-то загостился он в Манор-Хаусе, правда? — Вышло грубовато. Меня не касается, сколько времени гостят у сэра Уильяма его приятели.

Миссис Брэдли захохотала как гиена.

— Тогда и я у него загостилась. — И она ткнула меня в бок.

Я покраснел и извинился. Я настолько привык к ее присутствию, что совершенно забыл: она ведь тоже гостит у сэра Уильяма!

— Ничего, мой мальчик, — весело сказала она. — Встретимся у Филипп*.

Новость о предстоящей лекции я сообщил за вечерним чаем. Отреагировали все по-разному. Старый Куттс мрачно улыбнулся.

— Наверное, мне придется пойти и следить за порядком, — сказал он.

— Лучше всего вначале устроить чаепитие, — предложила Дафни. — А то никого не затащишь, и бедной старушке будет страшно неловко.

Да, Дафни полна «молоком сердечных чувств», и оно может брызнуть из нее, как из проколотого кокоса, в самый неожиданный и неподходящий момент.

— Не волнуйтесь вы так, — деловито сказал Уильям. — Придут как миленькие, хотя бы тухлыми яйцами пошвыряться. Она уже беседовала с некоторыми по

* То есть «решающая битва впереди». В 42 году до н.э. в битве под македонским городом Филиппы произошло сражение, в котором войска цезарианцев разгромили защитников республики.

поводу того, как они воспитывают своих жутких отпрысков.

— Уильям! — одернула племянника миссис Куттс.

— Ну чего там, беседовала же! — не унимался он. —

А на какую тему она собралась выступить?

— Вопрос, нечего и говорить, интересный, — слабо ответил я.

Миссис Куттс выпрямилась и опустила на стол чайник, из которого уже собиралась налить мне чаю.

— Вы же понимаете, — очень ядовито сказала она, — что отвечать придется вам.

Я не сразу понял и с обаятельной улыбкой переспросил:

— А?

— Да. Если *эта женщина* станет говорить на недекоративные темы, виноваты будете вы. Так что имейте в виду. — И, подняв чайник, она налила мне чаю чуть не через край.

— Ух ты, тетя, — Уильям вытаращил глаза, — с вами она тоже говорила о воспитании?

— Выйди из комнаты, Уильям! — прогремел Куттс.

Уильям, поспешно затолкав в рот остатки бутерброда, повиновался.

— Знаете ли, — начал я. — Вам не кажется... в смысле, по-моему, вы преувеличиваете, миссис Куттс. С чего бы ей говорить о чем-то особенном? И вообще миссис Брэдли, я уверен, никогда не будет говорить о том... о чем говорить не пристало.

Я опять попытался выдать обаятельную улыбку, но губы меня не слушались. Сам не знаю почему... Не от страха же перед миссис Куттс.

Дафни поспешила мне на выручку.

— Тетя, если вам не понравится лекция, вы просто можете ее прервать.

— Именно, именно, — подтвердил Куттс, поднимаясь из-за стола.

Миссис Куттс начала составлять чашки на поднос и демонстративно ждала, пока я допью. Я встал и позвонил. Когда со стола убрали, она устремила на очередное заседание, а мы с Дафни, прихватив из буфета кусок торта, отправились искать Уильяма.

На следующий день я — нечего и говорить, тщетно — допытывался у миссис Брэдли, каков будет предмет ее лекции. Ничего определенного она не сказала, но заверила меня, что на лекцию соберутся толпы, мне только нужно повесить в обычном месте объявление, что на следующей неделе в среду в девять вечера в деревенском клубе миссис Беатрис Лестрейндж Брэдли прочтет лекцию-сюрприз.

— Но мы всегда начинаем в половине восьмого, — возразил я. — В дни лекций отменяем женские молитвенные собрания.

Она лишь отмахнулась.

— Тогда я не успею поужинать. Вы же не хотите, мой мальчик, чтобы я пропустила ужин?

— Не хочу, но все же девять часов — не слишком ли?

— Нет. Во время моей лекции должно быть темно. Нужна полная темнота — и в зале, и на улице.

— Можно устроить затемнение. Мы так всегда делаем, когда показываем диапозитивы. Кстати, вам нужен помощник — менять диапозитивы?

— Нет, диапозитив будет только один. Его поставят в начале лекции, и он останется до самого конца.

Я уже жалел, что не проявил твердости и не отверг сразу ее затею. Обычно к нам являются юнцы из сосед-

них деревень и озорничают. Нужно, решил я, зазвать как можно больше местных жителей. С этой целью все утро в среду я ходил по деревне и спрашивал у людей, придут ли они на лекцию. Мое объявление, нечего и говорить, многих уже заинтересовало, и даже Берт выразил намерение присутствовать.

— Мне придется и негра своего взять, — пожаловался он. — Провались я, если он хоть на минуту согласен остаться в доме один — с той самой ночи, когда прибежал к вам. Не понимаю, что с ним стряслось. Знаю, он скучает по Коре. Они как преданные собаки. Да еще он от миссис Гэтти шарахается. Она совсем, что ли, спятила?

И вот в среду, примерно без десяти девять, на передних зрительских рядах расселись явившиеся почти в полном составе представители местной знати и полужнати. Пришел и сэр Уильям, и Маргарет, и Брэнсом Бернс, супруги Гэтти, и викарий со чадами и домочадцами — за исключением Уильяма, которого отправили спать, и миссис Куттс, оставшейся следить, чтобы он не удрал. Пришел доктор с женой и двумя дочерьми, Берт и все сливки деревенского общества, а также почти вся прислуга из таверны и Моут-Хауса.

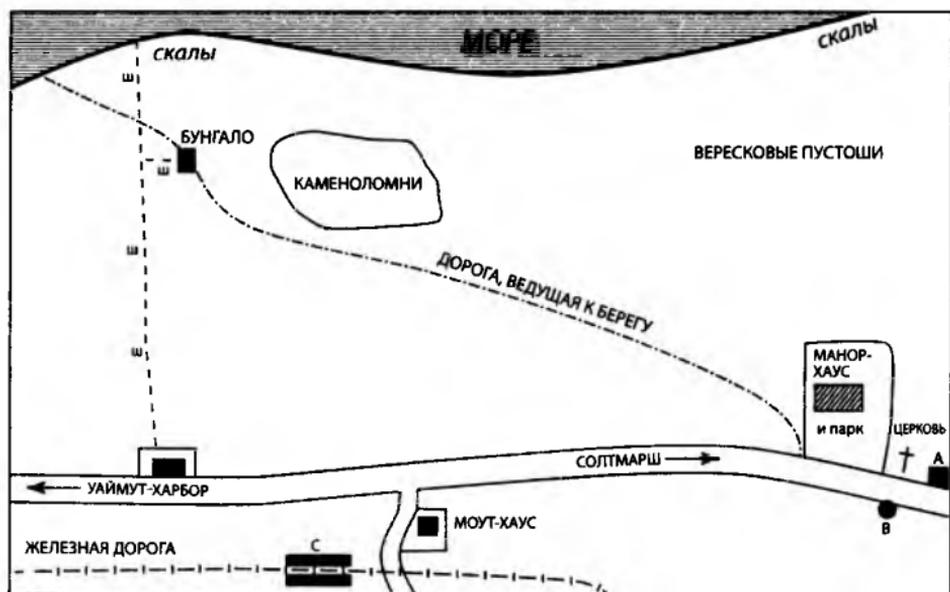
На задних рядах расположилась публика, ради которой, собственно, мы и прикладываем еженедельно столько усилий, — юные обормоты и разгильдяи, как из нашей, так и из соседних деревушек. Словом, зал был наполнен на три четверти.

Ровно в девять миссис Брэдли поднялась на помост. Она заранее оговорила, чтобы в зале выключили свет и включили «волшебный фонарь», и потому мы ее не видели, только слышали ее прекрасный голос, доносившийся из пустоты. Все, нечего и говорить, молчали.

Лишь кое-кто удивленно ахал или присвистывал, одна особо нервная служанка что-то выкрикнула, брякнула какую-то ерунду миссис Гэтти, да кто-то тихонько пробирался по рядам. А так — стояла мертвая тишина.

Дождавшись, пока выключат свет и на экране появится проекция диапозитива — то был план нашей деревни, — миссис Брэдли сказала:

— Сегодня я расскажу вам, какие ошибки допустили люди, замешанные в убийствах, совершенных в деревне Солтмарш. К концу моей лекции все будут знать виновника насильственной смерти Маргарет или, как ее называли, Мэг Тосстик, проживавшей в деревне, и Кору Маккенли, проживавшей в особняке под названием Бунгало. Перед вами на экране примерная схема места действия. Я поясню, что означает каждая пометка.

— С правой стороны экрана — маленький черный квадрат. Это дом викария. Налево от него — крестик, обозначающий церковь. Далее — прямоугольник,

обозначающий резиденцию сэра Уильяма Кингстон-Фокса, или же Манор-Хаус. С левой стороны схемы — еще один квадрат, большего размера, чем первый. Это таверна «Герб Морнингтона». Изогнутая полоса, проходящая под перечисленными зданиями, обозначает главную улицу. На другой ее стороне, почти напротив церкви, вы видите еще один квадрат, самый маленький — дом констебля Брауна. В небольшом переулке, идущем от главной улицы, на той же стороне от нее, что и дом констебля, вы видите прямоугольник — Моут-Хаус, в котором проживают мистер и миссис Гэтти.

— Волнистая линия в верхней части схемы — побережье. Маленький крестик — пещера, из которой примерно в 1704 году контрабандисты прорыли подземный ход до таверны, называвшейся тогда «Пэгг и Нэнси», в честь известного контрабандиста и его подруги. Этот подземный ход, по которому в давние времена доставляли с берега контрабандное спиртное, помечен точечным пунктиром; штриховым пунктиром помечена тропа, ведущая от пещеры в каменоломни — она проходит мимо Бунгало, где жила мисс Маккенли, и далее задевает краешек парка сэра Уильяма. Я не буду часто прибегать к схеме, но она останется на экране, чтобы вам было удобнее представлять передвижения людей, о которых пойдет речь.

Затем была небольшая пауза. Кто-то пошаркал ногами, под кем-то скрипнул стул, кто-то прокашлялся, но нарочно никто не шумел. Атмосфера напоминала школьное собрание вроде тех показательных процессов, что устраивал директор перед тем, как отчислить нерадивого ученика. Такое же точно напряжение, такой же страх — а не знает ли старикан и о твоих грешках?

Меж тем миссис Брэдли засучила, так сказать, рукава и, покончив со вступительной частью, перешла непосредственно к сути.

— Предупреждаю, — заявила она, — мои слова вам очень не понравятся. Однако я прошу вас потерпеть и принять их на веру. Тайна деревни Солтмарш, выражаясь языком газетчиков, не разгадана лишь потому, что в неприятном факте, о котором я вам сообщу, никто, даже полиция, не усмотрел ключа к объяснению ужасных событий, произошедших здесь в начале августа. Кратко говоря, убийство Мэг Тосстик, случившееся в день праздника третьего августа, вполне могло быть совершено рукой вашего соседа и моего юного приятеля Роберта Кэнди.

В зале началось шевеление, но никто ничего не сказал. Миссис Брэдли продолжила:

— Моя лекция называется «Ошибки, совершенные убийцей». Я имею в виду не Роберта Кэнди, а убийцу Кору Маккенли и убийцу Мэг Тосстик.

Берт шепотом выругался, однако голос миссис Брэдли действовал так завораживающе, что он, повозившись на стуле, опять замер и стал слушать.

— Первая ошибка заключается в том, что убийца подстрекал Роберта Кэнди убить Мэг Тосстик через одиннадцать дней после рождения ребенка. Вторая ошибка — в том, что ребенка никто не видел, кроме миссис Лори, принимавшей роды. Этот факт породил в деревне самые дикие слухи, которым отдельные слишком доверчивые и неумные люди даже поверили и которые никто кроме миссис Лори не мог опровергнуть, а она, судя по всему, дала клятву молчать.

Тут мне вспомнилась и миссис Куттс, и нападение на дом викария. Я буквально чувствовал, как люди за-

вертели головами, пытаясь разглядеть невидимую в темноте миссис Лори.

— Третья ошибка — убить вторую жертву на следующий же день. Убийца не дал Коре Маккенли уехать в Лондон: а ведь ему было бы куда выгодней, если бы на конечной станции запомнили какую-нибудь ее эксцентричную выходку. А так, поскольку оказалось невозможным установить, прибыла ли Кора Маккенли на лондонский вокзал, до которого в тот самый вторник купила билет, возник вопрос — а покидала ли она Солтмарш? Затем полиция выяснила, что девушка так и не присоединилась к трупке, куда ее предположительно пригласили. Факт ее отъезда из деревни стал еще более спорным. Возник другой вопрос: если Кора Маккенли не уехала из Солтмарш, где она находится?

— Ответ был получен, когда ее тело обнаружили в могиле Мэг Тосстик. И лишь по чистой случайности замену одного тела на другое не приходится рассматривать как еще одну ошибку убийцы. А если тело самой Мэг обнаружили бы до того, как мы пришли к выводу, что в ее могиле покоится другая? Полиция тотчас бы произвела эксгумацию и обнаружила труп Кору Маккенли, также погибшей от удушения. Я провела несколько экспериментов и убедилась, что обломки, брошенные в воду в окрестностях пещеры, выносит на отмель под названием Якорный Плес, в двух милях к западу. Для убийцы это оказалось кстати. По необычному совпадению, благодаря действию ветра, прибоя и ненастья, тело унесло в море. До сих пор его не обнаружили, а если и обнаружили, не опознали. На то и рассчитывал убийца. Он человек умный. Однако, на мой взгляд, он сильно рисковал. Рассуждал он, по-видимому, так: «Кора Маккенли исчезла. Некая досужая

личность пустила по ее следу полицию. Значит, если я брошу тело убитой в море, а его потом вынесет на берег, что получится? А вот если на берег вынесет тело Мэг Госстик, приметы и описание которой не распространяли, ее, вероятнее всего, не опознают, особенно если труп несколько дней пробудет в море».

— И он рискнул, и все получилось, и если бы не особое стечение обстоятельств (это миссис Брэдли тонко намекнула на свои дедуктивные способности!) — никто ничего и не узнал бы, во всяком случае в ближайшие месяцы. А потом никто не обнаружил бы связи между убийцей и его преступлением.

— А особое стечение обстоятельств заключалось в следующем. Если вы помните, в качестве первой ошибки убийцы я назвала то, что после рождения ребенка он склонял Роберта Кэнди, которому я сочувствую не меньше вас, убить Мэг. В такой ситуации подобное преступление невысказано. Бобу Кэнди, давно свыкшемуся с тем, что любимая ему изменила, и при вести о рождении ребенка не выказавшему ни обиды, ни возмущения, незачем ни с того ни с сего бросаться душить девушку, которую он когда-то любил. Такой безрассудный поступок не мог не вызвать сильного удивления и любопытства. Взвесив факты, нельзя было не задуматься — того ли человека арестовала полиция? Из фактов же следовал вывод, что Кэнди стал орудием в руках убийцы.

На этот раз ее прервали. Со второго ряда — прямо позади меня — раздался зловещий голос миссис Гэтти, который ни с каким другим не спутаешь.

— Хватит, крокодил. Довольно! Свинья должна лечь рядом с молодой медведицей. Она больше не леди Клер, а все звери полевые да ослепнут на две луны. Так говорю я, мудрый филин. Прочь, мелюзга!

По-видимому, муж заставил ее умолкнуть. Во всяком случае, дальше она сидела тихо и не мешала. Наверное, уснула: я слышал позади громкое размеренное дыхание и ворчание мистера Гэтти, который быстро устал поддерживать плечом ее голову. Публика слушала увлеченно, и через несколько минут об инциденте все позабыли.

— Сразу было ясно, что несчастную Мэг Тосстик запугали — вероятно, это сделал отец ребенка. Теперь — о самой большой ошибке, совершенной убийцей Кору Маккенли (и предполагаемым вдохновителем убийства Мэг Тосстик). Он повел себя не так, как всегда. Когда человек вдруг отступает от своих принципов, возможны два объяснения: либо существование у него — или у нее — скрытого мотива, либо полная перемена морального облика. В данном случае перемена была от низости к благородству, что случается крайне редко. На подобные вещи мы, психологи, смотрим с вполне понятным и оправданным сомнением и подозрением.

— К расследованию преступлений в Солтмарш я старалась подойти непредвзято. Приехав сюда, я никого здесь не знала, за исключением сэра Уильяма и его дочери. Впрочем, это было скорее минусом, чем плюсом, потому что все сведения, которые я пыталась добыть о многих из вас, я получала от третьих лиц, часто настроенных предвзято и необъективных в оценках. Большая часть информации, которой я располагаю, получена мной от людей, даже не подозревавших о важности своих сообщений. Думаю, вам интересно услышать примеры. Возьмем, скажем, подземный ход, соединявший пещеру с «Гербом Морнингтона». Вы знаете — а может, и не знаете, — что конец туннеля, выходящий в таверну, заложен. По утверждению мис-

тера Лори, когда он унаследовал дело от отца, проход уже давно был закрыт. И вот теперь, когда мне точно известно, что Кору Маккенли убили в ее собственном доме, от которого мистер Берт шутики ради прокопал к подземному ходу коридор, сами понимаете, как важно было мистеру Лори доказать, что ход и вправду заделан. Но стал ли он доказывать? Нет. Предположение о том, что ход многие годы закрыт, появилось у меня случайно, после беседы с одной из служанок сэра Уильяма. А доказан этот факт был совсем недавно, уже после полицейского дознания.

— Возьмем другой пример — столкновение, произошедшее между викарием и мистером Бертом. Как вы помните, на викария напали два человека с вычерченными лицами, которых он счел браконьерами. Совершенно случайно мне припомнилось, что у мистера Берта есть чернокожий слуга, благодаря чему я и разоблачила автора скверной шутики. В связи с убийством Мэг Тосстик это происшествие крайне важно, поскольку я предположила следующее: Роберт Кэнди убил ее, получив известие, что девушку соблазнил слуга мистера Берта, и ее ребенок — мулат.

Тут лекцию прервали. Фостер Вашингтон Йорк вскочил, опрокинув стул на ноги человека, сидевшего в следующем ряду, и тот нервно вскрикнул.

— Враки это, враки! — кричал слуга и, судя по звукам, пытался пробраться вперед. Его, нечего и говорить, стали удерживать и наконец скрутили. Во время суматохи ближайшая ко мне дверь открылась, и в проем беззвучно скользнула рослая фигура. Я даже сквозняк почувствовал, но ушедшего разглядеть не успел. Кажется, у миссис Брэдли был с собой рупор, потому что ее голос, громкий и звучный, заполнил вдруг весь

зал. Совершенно спокойно и хладнокровно она произнесла:

— Дамы и господа, не вставайте с мест. Прошу тишины.

И тишина наступила. Своим обычным голосом миссис Брэдли продолжала:

— Только что некто покинул зал. Снаружи его встретит полиция. Прошу вас оставаться на месте. Любое лицо, или лица, которые попытаются учинить беспорядки или ускользнуть до того, как полицейские подадут мне условленный сигнал, будут арестованы как пособники убийцы.

Кто-то, более смелый, чем прочие, выкрикнул:

— Скажите нам, кто это!

— Дамы и господа, — продолжала миссис Брэдли. — Ответственно вам заявляю: при сложившихся особых обстоятельствах любые выходки будут рассматриваться полицией как нарушение общественного порядка.

— Да к чертям полицию! — завопил Берт. — Включите свет, дайте мне добраться до негодяя! — И он громко и грязно выругался.

— Включите свет! — закричали сразу несколько голосов.

Викарий включил свет. Я слышал, как он встал и двинулся мимо меня к выключателю.

После темноты я на какой-то миг ослеп, а потом стал высматривать, кто же вышел из зала. Пока я шурился на пустой стул позади меня, миссис Брэдли сказала:

— Слушайте.

Мы стали слушать. С улицы донесся шум мотора.

Берта тем временем удерживали на его стуле пятеро работников с фермы.

— Его поймали, — сообщила миссис Брэдли.

— А кто это был?

— Полиция. — Она сделала вид, будто не поняла, о ком ее спросили.

Я боялся, что у выхода начнется давка, но тут в дверях показались полицейские; brave ребята мигом взяли инициативу в свои руки и избавили нас от всяких неприятностей и волнений. Вскоре в клубе остались миссис Брэдли, чета Гэтти, Куттс, Дафни, сэр Уильям, Брэнсом Бернс, Маргарет и я.

— Этот человек, — сказала миссис Брэдли, — поспешил воспользоваться суматохой, которую устроил Фостер Вашингтон Йорк. Я того и ожидала. Мне не хотелось, чтобы он убежал слишком рано. Было интересно узнать, в какой момент он сломается. Вы обратили внимание?

— Вы говорили, кажется, о подземном ходе, так? — спросил я.

Миссис Гэтти вдруг захохотала.

— Ванная! Ванная! — выкрикнула она.

Глава XVII

МИССИС БРЭДЛИ НАСТИГАЕТ ЖЕРТВУ

— Именно! — подтвердила миссис Брэдли. — Ванная. Это было последнее звено — и очень важное. Прежде чем сообщить свое заключение полиции, мне следовало во всем удостовериться.

— Прошу прощения, — вмешался сэр Уильям. — Не прерваться ли нам? Клуб, наверное, заперт на ночь, не так ли, Куттс?

— Точно, — сказал викарий. — Быть может, пойдем к нам? Тут ведь рядом. Моя жена будет рада услышать всю историю. Кроме того, я сам так и не понял, кто убийца. Глупо, конечно...

— О, если вы желаете услышать... — И миссис Брэдли по обыкновению заклохтала.

Мы дружно уверили ее, что еще как желаем. Я и сам не понял, кто именно выскользнул из клуба в объятия полиции.

По дороге нам с Дафни удалось приотстать от других; жаль, идти было недалеко.

Наконец мы расселись в гостиной; в ней, по счастью, хватило места для всей компании, включая даже и Уильяма Куттса, укрывшегося за диваном и славшего мне умоляющие взгляды. И миссис Брэдли рассказала нам всю историю, которую выстроила кирпичик за кирпичиком, довод за доводом.

— Как я только что объясняла в клубе, желание убить Мэг Тосстик не могло появиться у Кэнди само по себе. Я долго искала аргумент, который заставил бы его совершить подобное. Наконец с помощью Ноэля и мистера Куттса я выяснила, что в деревне очень сильно предубеждение против смешанных браков. Вот, подумала я, причина его преступления — если, конечно, убийца он. Есть еще один интересный факт: ребенка, кроме матери и миссис Лори, никто не видел. Следовало выяснить — отчего такая секретность? Вначале я склонялась к мысли, что миссис Лори заплатил за молчание некто занимающий здесь определенное положение. Например, хозяин поместья, — она улыбнулась сэру Уильяму, — или же пастырь местных душ. — Тут миссис Брэдли покосилась на Куттса.

— Ребенок, — думала я, — сильно похож на того, кто не желает быть узанным. Новорожденные младенцы часто похожи на своих родителей и прародителей куда сильнее, чем пяти-шестимесячные малыши. Это известный факт. Итак, если в комнату роженицы никого не пускают, объяснений может быть два. Либо девушка очень стыдилась своего положения, и если да, то, хочу подчеркнуть, совершенно напрасно...

Услышав такое, миссис Куттс побелела.

Миссис Брэдли вежливо посмотрела на нее, по-птичьки наклонив голову, словно бросала вызов — и она его так бросала, — и продолжила:

— Или же кто-то боялся, что девушка выдаст имя отца. Теперь-то понятно: тут действовали обе причины. Однако в первую очередь мать и ребенка скрывали от людей потому, что сразу после рождения ребенок исчез. Помните, Ноэль, я несколько раз задавала вопрос — способен ли, по-вашему, Боб Кэнди на убийство?

— Да. Я думал, вы имеете в виду убийство Мэг Тосстик.

— Я вовсе не имела в виду непременно убийство Мэг Тосстик. Я говорила вообще о его выраженных гомицидальных наклонностях и о плохой наследственности и том, что человек, который обманул и Боба, и Мэг, вполне мог о них знать и бояться мести. В интересах безопасности отца было необходимо убить девушку, прежде чем она успеет его выдать. Возможно, он надеялся, что она умрет во время родов. Она не умерла. И родила ребенка, столь похожего на отца...

— Бедный малыш, — пробормотала Дафни.

— ...Столь похожего, что этому отцу никто бы не поверил, стань он отрицать свою причастность. И вот сначала он запланировал убрать главное доказательс-

тво. Предположим, он каким-то образом избавился от новорожденного младенца и день-другой прожил спокойно. Потом он сообразил, что Мэг не вечно останется взаперти и люди начнут спрашивать о ребенке. И она расскажет. Сделать вид, будто мать заспала ребенка или убила в припадке безумия, не получится, ведь в этом случае труп должен осмотреть доктор, и тогда тщательно скрываемый секрет все равно выйдет наружу.

— Еще один любопытный и очень важный факт. Как я уже говорила, некоторые сведения мне удалось получить благодаря не столько усилиям, сколько везению. Вот вам пример. Так как хозяйку гостиницы все называют «миссис Лори», я, разумеется, не сомневалась, что мистер и миссис Лори — супруги. Потом я обратила внимание на их необычайное внешнее сходство, и стало ясно: они брат и сестра, а «миссис» ее называют просто из вежливости. Это допущение я приняла на последних стадиях расследования, и оно помогло мне разъяснить несколько фактов, которые ранее никак не увязывались с остальными. Вы следите за моей мыслью?

— Конечно, они брат и сестра, — холодно сказала миссис Куттс. — Если бы вы обратились ко мне, я бы вам давно это сообщила.

— К счастью, миссис Брэдли обошлась и без вашей, тетя, помощи, — встряла Дафни, которая просто не могла не вставить тете шпильку.

Тут, нечего и говорить, началась перепалка. Потом все успокоились (только Дафни еще показывала мне язык, потому что я впервые в жизни встал на сторону ее тети), и миссис Брэдли продолжила:

— События начали назревать, когда мистер и миссис Куттс отослали беременную служанку, а дозрели

окончательно, простите за неудачный оборот, когда произошел скандал в таверне. Накануне праздника, как вы помните, Боб Кэнди пытался прорваться в комнату Мэг, подозревая, что ее держат там насильно.

— Его, кажется, заперли в дровяном сарае, чтобы успокоился? — спросил я.

— А, да, он потом еще пришел к нам сказать, что не станет участвовать в крикетном матче, — вспомнил Куттс. — Точно-точно.

Старикан был сама деликатность пополам с профессиональным сочувствием.

— Да. Доведя его до нужного градуса ярости, — продолжала миссис Брэдли, — либо брат, либо сестра Лори — скорее всего она — налгали ему, что отец ребенка — негр. Упоминание об этом огорчило сегодня беднягу Йорка.

— Еще как огорчило! — вставил сэр Уильям.

— Видно, были задеты его нравственные чувства, — предположил Гэтти.

— Скорее чувство справедливости. — Куттс смущенно кашлянул. — Ведь это неправда. Не он же отец ребенка.

— Самое простое объяснение и есть самое верное, — сказала миссис Брэдли. — Йорк — человек мнительный и нервный и очень боится линчевания. Все негры, проживавшие когда-либо в странах, где процветает расовая дискриминация, имеют, выражаясь языком психологов, фобию — они страшно боятся самосуда. Но вернемся к Кэнди. Лори налгали ему об отце ребенка, дали время поразмыслить об услышанном и довести себя до остервенения, а вот времени успокоиться не дали. Подло притворившись, будто сочувствуют бедняге, они отпустили его на целый день. Думаю, Лори

не сомневались: пока все работники веселятся на празднике, Боб непременно попробует добраться до Мэг и посмотреть на ребенка. Этот их поступок — самое скверное в деле.

— Ребенка Боб, конечно, не увидел. По мнению судебного обвинителя, могло быть так: Боб желал знать самое худшее и, пытаясь заставить девушку показать ему ребенка, зашел слишком далеко и задушил ее. «Он был уверен, — это слова обвинителя, — что жертва любой ценой захочет скрыть от него свидетельство своего позора».

— Вопрос тех пятнадцати минут, когда Боб предположительно совершил преступление, так основательно рассматривался на суде, что нет нужды затрагивать его снова. Даже девушка по имени Мейбл, готовая защищать Боба до последнего, практически проговорила нам с Ноэлем, что он мог успеть и принести бутылки, и совершить убийство. Заслуживает внимания еще одна версия обвинения: Боб загодя отобрал нужные бутылки, желая иметь в запасе время для убийства, или же — если бедняга планировал всего лишь это! — для разговора с Мэг. Если преступление готовилось заранее, логично предположить, что Боб постарался распределить свое время.

— Как я уже говорила, переход от низости к благородству невозможен, — продолжала она. — О крохоборстве Лори я узнала из двух независимых источников. Я слышала, что он недоплачивает деревенским ребятишкам, которые собирают для него пустые бутылки, а также наживается на кокосах, поставляемых им для праздника. Моими информантами были миссис Гэтти и мистер Уэллс, соответственно. — Она послала нам благодарную улыбку.

— Вот и еще пример случайно полученных, но весьма важных сведений, — вставил я.

— Крайне важных, — подтвердила миссис Брэдли. — С этими сведениями никак не вязался тот факт, что Лори приютили девушку, которая потеряла и заработок, и репутацию и которую выставил из дому собственный отец. — Миссис Брэдли улыбнулась и ядовито добавила: — Говорят, вашей деревне посчастливилось иметь очень щедрого викария. Однако мои попытки проверить правдивость слухов, что он платил хозяевам таверны за содержание Мэг Тосстик, не увенчались успехом.

— Надо думать! — воскликнула миссис Куттс.

Миссис Брэдли рассмеялась, а миссис Гэтти злобно вставила:

— Да, слухи были такие сильные, что от них у викария даже окна побились.

Супруга викария сжала губы в узкую полосочку. Глаза ее смотрели прямо вперед — такого взгляда ее домоладцы боялись как огня. На ее собеседниц это, конечно, впечатления не произвело, и миссис Брэдли продолжила:

— Помните, Ноэль, вы спрашивали, не могли Лори совершить убийство через представителя?

— Что?! — спросили сразу несколько голосов.

— Ну же! — И миссис Брэдли фыркнула.

— Но ведь Лори...

Наступило долгое молчание: мы переваривали новость. Теперь, после ее слов, дело казалось очевидным. Происходящее напоминало мне одну игру. Игроки рассаживаются за столом с листками бумаги и карандашами и сосредоточенно слушают, а какой-нибудь умник играет на пианино известные мелодии. Лучший игрок

получает дурацкий приз, а худший — это всегда я — должен в качестве штрафа выполнить какое-нибудь идиотское задание. Так вот, когда потом читают названия, я сразу понимаю, что музыку-то узнал, но сами названия никак не мог вспомнить.

Такое же ощущение было у меня и относительно этих убийств. Имя Лори как будто вертелось у меня на языке, и стоило миссис Брэдли произнести его вслух, я понял, что уже все знал.

Дафни откровенно и довольно грубо радовалась.

— Я так и думала! Так и думала! — кричала она. — Говорила же я — он старая мерзкая свинья!

Мы ее, нечего и говорить, оборвали. Ведь его скоро повесят, а о мертвых нельзя говорить плохо.

— Вы же не имеете в виду, что Лори убил Мэг Тостик и Кору Маккенли? — спросил Гэтти.

— Не забывайте о слове «представитель», мистер Гэтти, — сказал я, раздуваясь от гордости, ибо попал в точку. — Лори подбили на преступление Боба, сообщив ему, что у Мэг был роман с негром и она родила полукровку, — вот о чем говорит миссис Брэдли.

— А, вон как, — протянул Гэтти. — Чистая работа. Только не слишком ли много тут догадок, миссис Брэдли?

— Много. — Свой ответ она сопровождала обычным клохтаньем.

— Ну да. — Я упивался тем, как внимательно Дафни ловит каждое мое слово. — Владельцам таверны поневоле приходится быть хорошими психологами. С такой работой не справиться, если не будешь себе на уме, верно, миссис Брэдли?

— Конечно, — согласилась старая дама, даже не пытаясь забрать себе мои лавры, как поступил бы человек

менее великодушный. Настал мой звездный час, и она дала мне насладиться им сполна. Не без внутренней насмешки, как я теперь понимаю, — пусть, мол, он сам себя топит.

Однако коротышка Гэтти не сдавался.

— А как же Кора Маккенли? Он кого-то заставил убить и ее?

— Чтобы понять все аспекты убийства Кору, следует учитывать не только особенности психологии преступника, но и психологический и физиологический тип самой девушки. Сначала я не могла постичь, как она проводила месяц за месяцем в этом одиноком Бунгало без всяких развлечений, без перемены обстановки. Очень скоро я пришла к выводу, что развлечение у нее было, и сразу заподозрила наличие любовника либо в деревне, либо где-то неподалеку. Я спрашивала себя, как мог такой ревнивый мачо не догадываться, что творится у него за спиной? Но их последняя ссора, частично подслушанная Уильямом Куттсом, ясно мне сказала: Берт на этот счет отнюдь не обманывался.

— Подземный ход объясняет многое, что кажется непонятным в поступках Кору. Наличие любовника представлялось мне бесспорным, однако я не могла сообразить, как им удавалось сохранить тайну, пока не узнала о подземном ходе. Встречались они в бухте. А когда Берт отправлялся по своим контрабандистским делам, о чем, кстати, не всем известно, Кора принимала приятеля в самом Бунгало. Перед возвращением Берта любовник ускользал. Если Берт шел по дороге, он уходил подземным ходом, а если тот шел подземным ходом — выбирался в слуховое окно и прятался на крыше. Дождавшись условного знака от Кору, он спустился и уходил никем не замеченный — вот вам пре-

имущество уединенного дома! — через каменоломни в деревню и шел в таверну. Понимаете, как удобно расположена таверна? Она стоит в стороне от деревни и ее длинных языков.

— И когда Кора услышала в ту ночь на крыше мистера Гэтти, то подумала, что Ло... что ее любовник спятил, — сказал я.

— Она, наверное, жутко испугалась, когда Берт выстрелил, — не удержался Уильям.

— Уильям, отправляйся спать! — Миссис Куттс только теперь заметила его присутствие среди избранных. Мальчишка явно собирался спорить, но Дафни поддержала тетю.

— Да, пойдём, Билл. Я тоже иду. Самое главное уже обсудили.

И они ушли. Кажется, миссис Брэдли осталась этим довольна. В присутствии малолеток ей приходилось постоянно следить за своими высказываниями.

— Вы не думаете, что Кора и Лори развлекались в Бунгало, когда Берт и его слуга напали на меня в бухте? — спросил Куттс.

— Этого не могло быть, Бедивер! — бросила его жена, готовая, как всегда, вступить в перепалку.

— Почему не могло? — поинтересовался Гэтти. — Вполне логичное предположение.

— Если хотите знать, — ответила миссис Куттс, — они танцевали вместе в парке сэра Уильяма. Я видела их очень хорошо.

«Еще бы», — подумал я, вспомнив ее извращенные взгляды и привычку за всеми следить.

— Они вели себя весьма прилично, — продолжала миссис Куттс, довольная, что одержала верх. — Я тогда еще подумала, что они подают деревенским хоро-

ший пример скромности. К сожалению, у нас таким примерам не следуют, — едко добавила она. — И их поведение выгодно отличалось от поведения почти всех прочих, гулявших в парке.

— Ничуть в этом не сомневаюсь, — учтиво сказала миссис Брэдли. — Вы оставались в парке допоздна?

Она ловила мой взгляд, наверное, боялась, как бы я не начал хихикать. Нет, я не такой уж нервный субъект, но иногда могу хихикнуть не вовремя.

— Весь вечер, — неохотно призналась миссис Куттс. Расспросы ее явно возмущали, а ведь раньше она была в восторге от миссис Брэдли.

— Пока не пришли домой и не увидели, что мистера Куттса нет, — напомнил я.

Старина Куттс насупился. Вспоминать о том вечере ему явно не хотелось. Наверное, здорово он получил от Берта и его слуги.

— Я насчет убийства Кору Маккенли, — начал опять Гэтти. — Я так понимаю, Кора и Лори вместе ушли из парка примерно тогда же, когда миссис Куттс вернулась домой, и...

— Нет-нет! — запротестовал я. — Миссис Брэдли уже объяснила, что Кору убили на другой день.

— А. — Гэтти улыбнулся, показав волчьи клыки. — Попробую еще раз. Лори, хозяин таверны, был любовником Кору, верно?

Викарий с супругой и миссис Гэтти кивнули. Миссис Брэдли улыбалась, словно крокодил, к которому в пасть вот-вот заплывет рыбка, а сэр Уильям мрачно уставился в ковер. Только Брэнсом Бернс, финансист, и в ус не дул. Впрочем, с чего бы ему.

— И Кора его по какой-то причине шантажировала...

— Берт ей давал мало денег, — вставил я.

— А! — очнулся вдруг Бернс. — Шантаж. Глупая игра. Всегда кончается скверно.

— Так оно и вышло, — сказал я. — Она сама себя погубила. Вот странно, что обеих девушек задушили.

— Почему? — спросила миссис Брэдли.

— Ну... вроде бы второе убийство должны были совершить иначе.

— Убийцы часто повторяются, — заметила она.

— Ээ... — Я хотел напомнить, что в нашем случае убийц было двое, но меня прервал Гэтти:

— Значит, она стала шантажировать его во вторник, когда они встретились в Бунгало?

— А как он узнал, что ему можно туда пойти? — спросила миссис Гэтти.

Я пояснил:

— Берт обыскивал вместе с другими берег, а Йорк поехал в кино.

— Ага. Любовник задушил Кору и по подземному ходу оттащил ее тело в таверну.

— Не мог он этого сделать! — вмешалась Маргарет Кингстон-Фокс, которая слушала всех очень внимательно.

Тут миссис Гэтти нас удивила.

— Почему не мог? — спросила она.

— Так ведь проход заложен кирпичом, там паутина и прочее, — сказала Маргарет то, что знали уже все присутствующие, поскольку слушали лекцию.

— Вы забыли о проверке, которую проводила санитарная инспекция, — улыбнулась миссис Брэдли.

— Что?! Выходит, это было подстроено? — удивился я.

— Именно. — Миссис Гэтти так и сияла. — Миссис Брэдли требовалось знать, можно ли из таверны попасть в подземный ход.

— Видите ли, Ноэль, — сказала миссис Брэдли. — Известие о том, что ход заложен, было для меня как разорвавшаяся бомба. В какой-то ужасный миг я даже усомнилась в правильности своей версии. Потом подумала: если докажу, что их подземный ход сообщается с таверной в каком-то другом месте, это лишь укрепит мои позиции. И кроме того, тот старый ход расположен в погребе под гаражами, если вы помните, у всех на виду, и им не очень-то удобно пользоваться. Мы с миссис Гэтти объединили наши умственные усилия, и у нее родилась блестящая мысль: если человек желает побыть в полном одиночестве, то надежнее всего запереться в ванной. Как удалось узнать миссис Гэтти, ванная семейства Лори находится на первом этаже, и это говорит само за себя. А то, что Лори — не муж и жена, а брат и сестра, объяснило мне все остальное.

— Будь я проклят! — сказал я.

Судя по тому, что миссис Куттс промолчала, — а для нее любое мало-мальски сильное выражение было как красная тряпка для быка, — она чувствовала то же самое.

Мы сидели и переваривали новость.

— Значит, тела Мэг Госстик и ребенка пронесли по подземному ходу к морю, — сказал я.

— Он прошел по подземному ходу в Бунгало и убил Кору Маккенли, — подхватил Гэтти, который прямо на глазах превращался в сыщика. — А потом принес ее тело в таверну.

— И готово дело! — добавил сэр Уильям.

— Не совсем, — возразила миссис Брэдли. — У меня есть верное доказательство, что подземным ходом кто-то пользовался. Вспомните о подмене тела. Разумеется, это сделали в таверне. Тут Лори проявил такую дер-

зость, что, наверное, заслужил некоторое везение. Однако полицейский инспектор, действуя по собственной инициативе, отыскал похоронного агента, занимавшегося погребением Мэг Госстик. На это понадобилось время, так как агент был нездешний. И не из Уаймут-Харбора, как многие думали. Он из местечка под названием Хармингтон в соседнем графстве. Лори, сказал он, пригласил его по старому знакомству. До Хармингтона меньше двадцати миль, да и все равно он ехал на катафалке, потому расстояние особого значения не имело. А Лори было на руку, что агент не местный и наших дел не знает.

— Полицейские, к их чести, до него все же добрались и попросили описать внешность девушки, для которой он привез гроб. Ему показали фотографии пятнадцати молодых женщин, в том числе Мэг и Кору, и он сразу опознал Кору, хотя лицо ее сильно изменилось по причине удушения. Именно ее он укладывал в гроб. Он сообщил и размеры гроба. Гроб для похорон Мэг Госстик, несомненно, изготовили по росту Кору. Это доказано полностью. Помните, она была статная девушка, очень высокая по сравнению с Мэг.

Глава XVIII ПОСЛЕДНЯЯ СОЛОМИНКА

Все ахнули.

— Как? — переспросил Куттс. — Значит, мы хоронили не ту девушку?

— Да. И если бы преступникам это сошло с рук, получилось бы отличное прикрытие. Никаких трудностей,

не нужно раскапывать могилу под покровом ночи. И гробовщик не узнает, что готовил гроб вовсе не для той девушки, чей возлюбленный арестован за убийство...

— А как же вы додумались произвести эксгумацию? — спросил сэр Уильям.

— Зная все перечисленное да еще учитывая тайный ход, это было нетрудно, не так ли? Я одного понять не могу, уважаемые господа, отчего вы пришли к выводу, что убийца — Лори? Разве может девушка вроде Кору всерьез увлечься таким, как Лори? Да, Лори жил с собственной сестрой, он трус, и его шантажом заставили помогать убийце. Но убийца Мэг Тосстик и Кору Маккенли...

— Нет! Нет! — крикнула миссис Куттс и начала оседать.

И вот второй раз мне пришлось прижать миссис Куттс к своей груди. Видит Бог, я того не жаждал, но положение, как говорится, обязывает. Я беспомощно озирался. Жена викария всей тяжестью обвисла у меня на руках, которыми я довольно неловко обхватил ее за талию, и напоминала скорее мешок с мукой, чем поникшую лилию, с коей поэты любят сравнивать теряющую сознание деву.

Все повскакивали с мест и помогли мне уложить миссис Куттс на диван. Она побледнела почти до голубизны, нижняя челюсть отпала, зубы оскалились. Миссис Брэдли опустилась рядом с диваном на колени и стала делать то, что полагается делать в таких случаях, — случаях, ввергающих меня в полную растерянность. Ничто, однако, не помогало. Миссис Куттс была мертва.

Люди потихоньку расходились, стараясь не шуметь, и я тоже хотел уйти, но Куттс, который вместе с миссис Брэдли остался в комнате, схватил меня за руку.

— Останьтесь, Уэллс, — попросил он. — Думаю, следует вызвать доктора.

— Если хотите, я могу выписать свидетельство, — предложила миссис Брэдли. — У меня есть такое право.

— Да... спасибо... — Куттс сел и закрыл лицо руками. — Это все из-за меня.

Миссис Брэдли тоже села и жестом пригласила меня последовать ее примеру.

— Давайте не будем искать виноватых, — мягко сказала она. — Возможно, я тоже виновата. Я знала, что потрясение будет для нее смертельным. Мне пришлось выбирать — смерть от шока или же...

Куттс поднял голову.

— Или? — тяжело переспросил он.

— Довести дело до суда.

— Значит, все-таки убийства совершила она? — Куттс, казалось, ничуть не удивился.

Миссис Брэдли кивнула.

— И убивала бы и дальше. Потому мне и пришлось выбирать. — Она серьезно и печально посмотрела на покойную. — Вот я и выбрала. Следовало подумать о Дафни.

— Да, — произнес Куттс. — Спасибо. — Он поднялся и тяжелыми шагами вышел из комнаты. Мы слышали, как он ходит по спальне — взад-вперед, взад-вперед.

— Лучше мне все вам рассказать, Ноэль, — начала было миссис Брэдли. — Бедный мальчик. Вид у вас усталый.

— Мне что-то нехорошо, — пробормотал я и вышел. Меня, нечего и говорить, ужасно тошнило. Вернулся я более или менее в норме, только ноги подкашивались; миссис Куттс уже уложили как следует. Под

синим покрывалом виднелись очертания неподвижного тела.

— Она убила Мэг Тосстик в понедельник, во вторник — Кору Маккенли, а на следующей неделе, в субботу, пыталась убить Дафни. Помните, что произошло, когда та играла на органе? После вашего рассказа я поняла и все остальное. Ключ от ризницы — вот где была разгадка.

— Это никак не миссис Куттс! — запротестовал я. — Когда мы вернулись, она не могла подняться с постели из-за дикой головной боли.

— К постели ее приковал сердечный приступ, вызванный волнением, злобой и перерасходом нервной энергии, — возразила миссис Брэдли. — Вы знали, что у нее слабое сердце?

— Ну... более или менее.

— И совершенно истощенная нервная система — и уже много лет. Ужасно. Бедная женщина, несчастная...

Миссис Брэдли говорила вполне искренно, и я удивленно уставился на нее. Ведь эта «несчастливая женщина» готова была допустить, чтобы за ее преступления повесили Лори и Боба Кэнди!

— Что касается Мэг Тосстик, то мистер Куттс не устоял перед соблазном. — Миссис Брэдли не осуждала, лишь констатировала факт. — А его жена все узнала. Помните тот день, когда она пришла из таверны, поймав роженицу и младенца?

— Да. — Я отлично помнил. — Только тут вы ошиблись. Миссис Куттс их не видела: Лори ее не пустили.

— Да, она так сказала, я знаю. Однако я уверена, то была неправда. Ее пустили, а уж потом она велела никого не пускать, потому что ребенок очень походил на

ее мужа. Не забывайте, она крепко держала в узде обоих Лори.

— В узде? — Для меня это была новость.

— Они состояли в кровосмесительной связи. — Тут миссис Брэдли помедлила, глядя мне в глаза. — Наверное, инцест считается грехом, потому что с Библией мы приняли древнееврейский моральный кодекс. Сточки зрения биологии против инцеста возразить нечего, но многие считают его тяжким грехом. Миссис Куттс, узнав, что Лори — брат и сестра, вступившие в недозволенную связь, несомненно, стала оказывать на них давление — некоторые называют это шантажом.

— Да уж, такие вещи она всегда разнюхивала, — едко подтвердил я. — Нравилось ей копаться во всякой скверне.

— Она уже понесла наказание, — серьезно ответила миссис Брэдли. — Узнав о беременности Мэг, миссис Куттс догадалась, что это ее муж соблазнил девушку.

— Но точно она не знала?

— Пока ребенок не родился, нет. Сходство же было очевидным. Как я говорила, новорожденные часто очень похожи на родителей или прародителей, а с возрастом сходство уменьшается. Мэг, я уверена, ни в чем не призналась, и вряд ли стоило ждать этого от мистера Куттса.

— Ему и без того несладко жилось. Зачем ему было подливать масла в огонь?

— Да, тяжело вести монашескую жизнь тому, в ком так силен инстинкт размножения. Настоящая беда.

— Зато уж... — мне явно не хватало свойственной миссис Брэдли беспристрастности, — зато с Корой Маккенли...

— О, мистер Куттс вовсе не был ее любовником! — сказала миссис Брэдли. — Равно как и сэр Уильям Кингстон-Фокс. — Она насмешливо улыбнулась.

Мне захотелось дать себе пинка за поспешные выводы.

— Помните, вы сами говорили, что мистер Брэнсом Бернс слишком долго гостит? — продолжала она. — Бернс — финансист, а для небогатой девушки вроде Кору это, конечно же, значит немало. Она вытянула из него денег на поездку в Лондон и собралась ехать. Затем, как я и говорила, — только вы были уверены, что речь о сэре Уильяме, — Бернс позвонил и отложил поездку, и Кора решила вернуться в Бунгало и «отомстить» Берту, с которым сильно поругалась. Со станции он шла именно так, как я говорила. Не знаю, сколько времени она прождала Бернса. Он обыскивал с вами берег и никак не мог уйти; вместо него пришла миссис Куттс подземным ходом из таверны. Кора, должно быть, сначала рассердилась, а затем сильно встревожилась. Миссис Куттс ударила ее кочергой, потом задушила. Помните кочергу у Берта в доме? И начальник полиции говорил, что у жертвы след от удара на затылке.

Я кивнул и содрогнулся, припомнив, как сам взял в руки эту кочергу, намереваясь ударить Берта.

— И конечно, если бы кто-то заметил миссис Куттс по пути домой, у нее было объяснение: пошла искать всех вас. Однако время она назвала неверное. В Бунгало она пошла гораздо раньше, да еще ей пришлось возвращаться бегом в таверну — велеть Лори, чтобы он избавился от трупа Кору.

— В ту ночь она была еле живая, — вспомнил я. — Как только у нее сердце выдержало — два убийства все-таки.

— Ничего странного. Она считала, что творит Божью волю, избавляя мир от женщин порочных и растленных. Ведь Кора — актриса, а Мэг Тосстик стала неодолимым соблазном для викария... Она даже малютку Дафни подозревала, и очень хорошо, Ноэль, что вы оказались так заботливы и постоянно охраняли девушку. У миссис Куттс развилась мания, и она выступила в крестовый поход против любых сексуальных отношений. В таком возрасте, мой мальчик, особенно нелегко узнать о неверности мужа... Смерть Кору — бессмысленная и ужасная трагедия.

— Как вы считаете, Куттс от всего этого оправится?

— Думаю, да — когда закончится суд над Лори. Для него это большое потрясение, но не так уж сильно он любил жену.

— А какова же роль Лори?

— Мистер Куттс заплатил ему за содержание Мэг Тосстик. А идея подменить труп, наверное, пришла ему в голову, когда миссис Куттс приказала унести тело Кору в таверну. На время после закрытия бара у Лори нет алиби за исключением слов его сестры.

— А как же младенец? — спросил я.

— А, ребенок жив. Его куда-нибудь пристроили. Не сомневаюсь, что миссис Куттс хотела убить и ребенка, но не смогла. Женщины, дорогой Ноэль, почему-то не могут убивать детей.

Приложение ДНЕВНИК МИССИС БРЭДЛИ

7 июля

В Солтмарш, по приглашению сэра Уильяма Кингстон-Фокса. Мило, что пригласил. Думаю, будет зеленая тоска.

9 июля

Не так уж и скучно.

Сэр Уильям вырос таким, как ожидала, — симпатичным и неуправляемым. Дочь — славная. Очаровательная крошка. Чего ради он хочет выдать ее за Брэнсома Бернса? Бернс жаждет этого брака. Ужас!

15 июля

Познакомилась с местными знаменитостями, включая супругу викария и некую миссис Гэтти. Интересный пример психической неполноценности. Нужно заняться миссис Гэтти. Эксгибиционизм. Миссис Куттс — тяжелый случай садизма в сочетании с инверсированной нимфоманией. Очень любопытно, но вряд ли мое внимание будет правильно понято. Для общества она не опасна — если не сорвется. У нее есть голова на плечах, она себя вполне контролирует. Отличная пианистка. Вряд ли подозревает, какой черт в ней сидит. Надеюсь, ничего не случится, и он там и останется.

17 июля

Деревня — потревоженный улей; какая-то бедняжка родила вне брака. Не думала, что в наши дни это кого-то волнует.

28 июля

Оказывается, всех волнует другое:

1. Девушка скрывает имя отца.
2. Не желает, чтобы люди видели ее и ребенка.

Познакомилась с помощником викария. Симпатичный, довольно бестолковый юнец. Родня викария: славный мальчишка лет четырнадцати и замечательной красоты девушка, на которую помощник викария бросает до смешного влюбленные взгляды.

Сам викарий. Ну и ну! Как там у Рабле? «Черт в монахах»!

Подпустила несколько шпилек в адрес миссис Куттс — проверить реакцию. Тема сексуальных отношений для нее крайне болезненна. Викарию явно не по себе. Вполне логично заподозрить, что он отец того ребенка. Миссис Куттс младенца видела, я уверена. Бедняжка! Какой это для нее ад!

29 июля

Девушка, когда обнаружилась ее беременность, служила в доме викария. Нет никаких сомнений в его причастности. Какая нелепая трагедия!

Другая моя пациентка, миссис Гэтти, вчера меня сильно удивила. Кто-то запер ее мужа в подземной часовне, а она не пожелала его выпустить!

Еще один интересный экземпляр — мистер Эдви Дэвид Берт; проживает в доме под названием Бунгало.

Мистер Бернс тоже оказался не прост. Устал мечтать о журавле в небе (то есть Маргарет Кингстон-Фокс) и утешается синичкой в руках, которую я пока что установить не могу. Вот такая я охочая до сплетен старушка. Это все деревенская жизнь. Посмотрим-посмотрим.

2 августа

Моя маленькая толстушка-пациентка сегодня отличилась. Было очень смешно.

4 августа

Деревенская жизнь оказалась слишком насыщенной. Полночи искали викария, а утром нашли его, привязанного, в загоне для скота. Берт и его слуга, ясное дело. Тот же стиль, что и в случае с Гэтти. Берт от миссис Гэтти недалеко ушел. Неудивительно, что никак не разбогатеет — воображения никакого. Такие банальные штампы, что невольно думаешь о почерке преступника. Не он ли и убил эту несчастную?..

6 августа

Нет-нет! Убийца никак не Берт.

Почему пропала Кора? Положение становится серьезным. Что делать?

17 августа

Где Кора Маккенли? Да, это все миссис Куттс, но несчастная уже не отвечает за свои поступки; доказательство — нападение на Дафни. Что, что мне делать?? Нельзя же ей и дальше убивать. Сейчас я ничего не докажу, даже если обращусь в полицию. Но иначе это страшное дело не разрешить.

Мотив.

Возможность.

Психологические факторы.

Все сходится. Однако она умна. Сохраняет присутствие духа. Бойтся, конечно, что все раскроется.

Факты.

Мэг Тосстик.

Время убийства — между 21 и 22.30, в ночь праздника. Возможность отличная. В гостинице — никого, кроме тех, кто сильно занят.

Вопрос. Задушила ли она сама или заставила этого беднягу Кэнди? Никак не решу. Но если она подбила Кэнди, то как? Будь он способен убить Мэг за измену, убил бы давно. Отправить к нему Уэллса, пусть выяснит, как он провел день праздника.

Теперь Берт. Порнографическая литература, я так понимаю. Иначе отчего он так разозлился, когда викарий заинтересовался бухтой, давним гнездом контрабандистов? Берт — человек «пишущий», а значит, скорее займется контрабандой книг, чем пива. Психологические факторы.

За хозяином «Герба Морнингтона» явно водятся грешки, он не станет рисковать и нарушать законы.

Серьезно взяться за Берта. Того и гляди окажусь в карьере. Ох уж эти темпераментные жители тихих деревушек!

20 августа

Уэллс навестил Боба Кэнди. Вряд ли Кэнди приложил руку к убийству; так или иначе виновна миссис Куттс, я уверена. На такую мысль наводит нападение на Дафни в церкви. Только миссис Куттс:

1. Знала, что девушка пошла играть на органе.
2. Знала, где ключ от ризницы.

3. Не вызвала бы никаких подозрений, входя и выходя из церкви.

Под эти пункты подпадает и ее муж, но у него не тот психический склад. И еще — если бы он планировал убить Мэг Тосстик, то только ради спасения своего реноме, то есть убил бы до рождения ребенка. Как и любой мужчина, в том числе и Кэнди.

Однако.

Миссис Куттс могла, например, сказать Бобу, что Мэг соблазнил чернокожий слуга из Бунгало. Вот и объяснение — если убил Кэнди.

Выяснить отношение деревенских к расовым вопросам. Задействую своего бесценного Гастингса-Ватсона — юного Уэллса, садовую голову. Не думаю, что юриспруденция понесла большую потерю, когда он решил принять сан. Впрочем, славный малый. Крошка Дафни будет вертеть им как захочет.

24 августа

В деревне сложилось определенное мнение. Сегодня толпа напала на дом викария и сорвала церковную службу. Викария объявили отцом ребенка. Требовали этого ребенка предъявить. Тут явно видна рука миссис Куттс. В субботу она показала всем две визитные карточки Гэтти (подозреваю, давно у нее заваливавшихся) с надписью печатными буквами «Где ребенок Мэг Тосстик?».

Буквы неровные, но отсутствие ошибок да еще тот факт, что миссис Куттс была в доме одна, когда «подбросили» карточки, достаточно ясно говорит об авторстве. Анонимные записки здесь вполне закономерны. Сексуальное расстройство, сопряженное с манией записывать свои подозрения относительно других, вполне типично.

Так что же с Корой Маккенли? Где миссис Куттс спрятала тело? Она — жена викария. Наверняка хотела похоронить в освященной земле. Значит — кладбище. Но похоронить она не могла. Она убила. Труп — нет. Где она могла его спрятать? Зависит от того, где убила.

Брэнсом Бернс любил совершать долгие одинокие прогулки. Почти нет сомнений: уверившись в равнодушии Маргарет, он встретался с Корой.

В тот же день

Я его напугала. Он подумал, что я подозреваю его в убийстве Кору, и рассказал все. Они собирались встретиться в Лондоне. Кора сделала вид, будто едет на гастроли. Но потом оба передумали. Он боялся Берта, а она не слишком доверяла любовнику. Они изменили планы, но Бернс не смог прийти, как обещал, в Бунгалло, и больше ее не видел. Сильно встревожен. Пытается убедить меня, что Кора все-таки решила поступить в трупу.

25 августа

Нужно сообщить полиции о моих подозрениях.

26 августа

Она могла бросить тело Кору в море.

В тот же день

Или похоронить в могиле Мэг! Если нашла помощников в таверне, которые подменили тело перед похоронами. Пока, однако, ничего... Как ничего? Есть! Кто придумал поселить Мэг в таверне? Скорее всего миссис Куттс. Хозяева таверны каким-то образом от нее

зависят. Конечно же, Лори не только муж и жена, но и родственники. Они очень похожи внешне.

27 августа

Разгадка найдена! Запросили разрешение на эксгумацию. Ждем.

29 августа

Пять утра. В могиле — тело Кору. Не Мэг. Лори точно замешаны. Гроб явно сделан по размерам Кору, которая была значительно выше Мэг.

Почему миссис Куттс имеет над одним или обоими Лори такую власть, что они стали соучастниками? Ответ есть.

20 октября

Начинается суд над Кэнди.

24 октября

Кэнди признан виновным в убийстве Мэг и ребенка. Нужно найти убедительные доказательства вины миссис Куттс... но я не хочу, чтобы бедняжку повесили. Придется подвергнуть ее сильному потрясению и тем убить. Сердце у нее больное, а такая смерть — лучшее, что я могу для нее сделать. Ее, наверное, и не повесили бы, а отправили бы в Бродмур. Итак, если Кэнди освободят, я ее убью. Если нет — придется спасти его, а ее сдать полиции.

25 октября

Боже милостивый! Я была в полном заблуждении! Подземный коридор со стороны таверны закрыт! Его заложили кирпичом лет пятьдесят назад.

Нет, я непременно права! Лори наверняка сделали другой выход. Хозяин таверны мог быть любовником Кору до того, как появился Бернс — с деньгами и аристократическими (!) манерами.

26 октября

Призвала на помощь миссис Гэтти. Замечательная женщина!

Ванная на первом этаже!

Остается хорошенько припугнуть Лори — и спасти несчастную от суда. Если Кэнди освободят.

29 октября

Кэнди отпустили. Немедленно отправляю его в Кент.

5 ноября. Два ночи

День Гая Фокса.

А я совершила свое второе убийство.

Содержание

УБИЙСТВА В СОЛТМАРШЕ

Перевод Е. Корякиной

<i>Глава I.</i> Фортели миссис Куттс	7
<i>Глава II.</i> Фортели обитателей Моут-Хауса и фортели в Бунгало	20
<i>Глава III.</i> Большой фортель сэра Уильяма	39
<i>Глава IV.</i> Фортели на паперти и в таверне	58
<i>Глава V.</i> Деревенский праздник	64
<i>Глава VI.</i> Почитатели Диккенса	73
<i>Глава VII.</i> Эдви Дэвид Бернс — его фортели	86
<i>Глава VIII.</i> Как провел праздник Боб Кэнди	108
<i>Глава IX.</i> Деревня высказывается	126
<i>Глава X.</i> Всяческие алиби и гром среди ясного неба	135
<i>Глава XI.</i> Возвращение Кору	150
<i>Глава XII.</i> Перемещения и комбинации	161
<i>Глава XIII.</i> Маразм на скамье присяжных	170
<i>Глава XIV.</i> Как в двадцатом веке используют подземные ходы	179
<i>Глава XV.</i> Фортели чернокожего слуги	196
<i>Глава XVI.</i> Миссис Гэтти опять сбивается с пути, а миссис Брэдли морочит головы	200
<i>Глава XVII.</i> Миссис Брэдли настигает жертву	216
<i>Глава XVIII.</i> Последняя соломинка	229
<i>Приложение.</i> Дневник миссис Брэдли	236

УБИЙСТВО В ОПЕРЕ. *Перевод Л. Мордуховича*

<i>Глава I.</i> Распределение ролей.....	247
<i>Глава II.</i> Репетиция.....	263
<i>Глава III.</i> Смерть.....	277
<i>Глава IV.</i> Появление миссис Брэдли.....	291
<i>Глава V.</i> Дознание начинается.....	305
<i>Глава VI.</i> Миссис Брэдли продолжает беседы... ..	320
<i>Глава VII.</i> Список подозреваемых уточняется... ..	336
<i>Глава VIII.</i> Миссис Брэдли собирает факты.....	346
<i>Глава IX.</i> Размышления на пути в Богнор.....	355
<i>Глава X.</i> Тетя.....	367
<i>Глава XI.</i> Знакомство с Хелмом.....	381
<i>Глава XII.</i> Милашка Сьюзи.....	393
<i>Глава XIII.</i> Туман.....	401
<i>Глава XIV.</i> Героизм молодого викария.....	405
<i>Глава XV.</i> Миссис Брэдли делает выводы.....	422
<i>Глава XVI.</i> Разгадка.....	435
<i>Приложение.</i> Выдержки из блокнота миссис Брэдли.....	442

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

16+

Митчелл Глэдис
Убийства в Солтмарше
Убийство в опере
Сборник

Компьютерная верстка: Р. Рыдалин
Технический редактор Г. Этманова

Подписано в печать 17.07.2014. Формат 84x108^{1/32}.
Усл. печ. л. 23,52. Тираж 2500 экз. Заказ № 1204

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Наши электронные адреса: WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

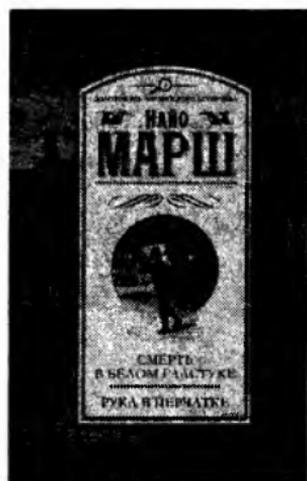
ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, стр. 3, ком. 5

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие «Правда Севера».
163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.
Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78, 29-20-81

Редакция «Neoclassic» представляет серию

«ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА»

«Золотой век английского детектива» — это любимые многими поколениями читателей произведения таких мастеров детективного жанра, как Найо Марш, Сирил Хейр, Джорджет Хейер, Энтони Беркли, Патрисия Мойес, Жаклин Уинспир и Эдмунд Кристин.

«Золотой век английского детектива» — это атмосфера деревенского домика мисс Марпл и лондонской квартиры Эркюля Пуаро, яд в дорогих конфетах и отравленное шампанское, убийства на театральной премьере и скандалы высшего общества...

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

Убита молодая служанка Мэг, которая еще недавно работала в доме викария. А вскоре бесследно пропал ее маленький сын.

Но кому надо было избавляться от нее?

Кто и зачем похитил ее ребенка?

Полиция теряется в догадках, — и тогда к расследованию подключается миссис Брэдли. Она выдвигает предположение: убийство Мэг связано с таинственным исчезновением одной местной красавицы актрисы...

Учительницу математики мисс Феррис из престижной школы убивают прямо перед ее выходом на сцену в любительском спектакле.

Но кто мог желать ее смерти? Коллеги-учителя, про которых она знала слишком много? Давний поклонник, отношения с которым мисс Феррис тщательно скрывала? Миссис Брэдли начинает расследование — и приходит к совершенно неожиданным выводам...

Книги Глэдис Митчелл украсят
коллекцию самого придирчивого
поклонника английского
классического детектива!

«Times»

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-083212-5

9 785170 832125